

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

На правах рукописи

Балданова Диана Валерьевна

**Стратегии аккультурации корейцев: культурно-исторические
основания**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры
(культурология)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Абаева Любовь Лубсановна

Чита – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Культурно-исторические предпосылки аккультурации корейцев в контексте сохранения их этнокультурной идентичности.....	20
1.1 Теоретико-методологические основы исследования аккультурации этнических групп в доминирующей культуре.....	20
1.2 Стратегии аккультурации корейцев в сохранении этнокультурной идентичности в доминирующей культуре.....	29
1.3 Мифологическое наследие корейского народа как основа формирования стратегий аккультурации.....	44
Выводы по главе I.....	64
Глава 2. Социокультурные практики аккультурации корейцев: научные реконструкции и поведенческие стратегии.....	66
2.1 Научные подходы к исследованию этногенеза корейцев, как основа формирования стратегий аккультурации.....	66
2.2 Социокультурные практики совмещения идентичностей корейцев в условиях доминирующей культуры.....	142
Выводы по главе II.....	153
Заключение.....	155
Библиографический список.....	159
Приложение.....	179

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях глобализации, постоянных изменений в обществе, возникает неизбежный процесс активного расширения взаимосвязей и взаимовлияния различных стран, народов и их культур, это оказывает воздействие на процессы вхождения этнических групп в доминирующее общество.

Этнические группы в таких условиях выбирают те или иные стратегии аккультурации, которые позволяют либо полностью приспособливаться к условиям и влиянию иноэтнической среды с принятием норм, традиций и ценностей доминирующего общества, либо сохранить свои традиционные ценности без принятия новых. Аккультурация этнических групп в иноэтнической среде может быть признана как успешной для них, так и неуспешной, в зависимости от сохранения их идентичности и выбора способов поведения в доминирующем обществе.

Примером успешной аккультурации является сохранение своих традиционных ценностей и принятие ценностей доминирующего общества корейским народом. В связи с этим актуализируется проблема исследования культурно-исторических оснований стратегий аккультурации корейцев в доминирующей культуре. Исследование стратегий аккультурации корейцев в доминирующем обществе актуально в плане анализа опыта сохранения культурных ценностей, их связей с исторической родиной. Этот опыт в современных условиях имеет важное политическое, культурно-историческое, экономическое значение.

На современном этапе, особенно в последнее десятилетие, появились новые научные идеи и положения в исследовании проблемы происхождения различных народов, в том числе корейцев, что позволяет понять культурно-исторические основания их стратегий аккультурации. В настоящее время назрела необходимость обобщения опыта исследовательских работ по

данной тематике.

Все это еще в большей степени актуализирует необходимость анализа их стратегий в условиях глобализирующегося мира, активного взаимовлияния этнических групп, различных типов культур.

Степень научной разработанности темы. Культурно-исторические основания стратегий успешной аккультурации корейцев не получили достаточного освещения в науке. Однако различными учеными рассматривались те или иные аспекты данной проблематики.

Большой интерес для разработки исследования представляют работы следующих исследователей, рассматривающие различные аспекты аккультурации: Дж. Берри, Р. Билз, Фр. Боас, В.Г. Богораз, М. Гордон, В.И. Иохельсон, В. Крикенберг, Р. Линтон, Б. Малиновский, Д. Мацумото, М. Мид, Дж. Пауэл, Р. Рефилд, Е.Л. Сытых, Г. Триандис, Р. Турнвальд, К. Уорд, М. Херсковиц, У. Хоумз.

Заслуживают внимания работы, посвященные межкультурной коммуникации (Р.Н. Абрамов, Б.С. Гершунского, А. Тойнби, О. Шпенглера и др.).

Большой вклад в понимание идентичности внесли: Л.Л. Абаева, Ю.В. Арутюнян, С.А. Арютунов, П. Бергер, Ю.В. Бромлей, А.И. Гинзбург, И. Гофман, Л.Н. Гумилев, Л.М. Дробижева, Э. Дюркгейм, М.В. Заковоротная, Р.Ф. Итс, Т. Лукман, И.В. Мазуренко, Л.Б. Ральф, Т.Г. Стефаненко, Дж. Тернер, В.А. Тишков, Г. Тэджфел, Э. Фромм, У. Холмс, Э. Эриксон и др.

Существенный вклад в изучение различных аспектов Кореи, корейского этноса внесли работы следующих авторов: Г.И. Андреева, Ж.В. Андрееваой, В.Ю. Бахолдиной, Н. Я. Бичурина, Д.Л. Бродянского, Ю.М. Бутина, М.В. Воробьева, Б.Б. Дашибалова, Р.Ш. Джарылгасиновой, А.Н. Золотарева, Л.Р. Концевича, С.О. Курбанова, Н.В. Кюнера, А.Н. Ланькова, В.Е. Ларичева, М.Г. Левина, А.П. Окладникова, М.Н. Пака, В.М. Тихонова, Н.Н. Чебоксарова, Э.В. Шавкунова).

Монография М.В. Воробьева посвящена исследованию первобытной, древней и раннесредневековой истории Кореи, где особое внимание уделено ее этническим, социальным и культурным связям с другими странами. Особого внимания заслуживают работы Р.Ш. Джарылгасиновой, крупного советского этнографа-корееведа. Ее монография «Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики стелы Квангэтхо-вана» представляет большой научный интерес, т.к. автор обращается к данным корейской эпиграфики для выявления ранних этапов этногенеза, этнической истории корейцев. В ней анализируется первое из сохранившихся крупных сочинений древних корейцев, выдающийся памятник эпиграфики – надпись на стеле Квангэтхо-вана, а также исследуются этногенетические мифы, этническая ономастика, основные этапы истории II-V вв. н.э., проблемы палеографии.

Работы ученых-историков, этнографов, в частности монгольского ученого М. Сумъябаатара, корейских исследователей Чу Чехёка, Чон Чекёма и отечественного ученого Б.Б. Дашибалова, дали новые сведения по вопросу происхождения этногенеза корейцев.

Работы зарубежных ученых по изучению Кореи имеют существенное значение: Э. Бельтца, К.-Ч. Далле, И. Имамура, И Манеля, Г.Н. Кима, Ким Синкю, Ким Чжонбэ, Ким Ука, Ким Чжонхака, М. Кохама, Э.Я. Опперта, Пак Сонжоу, Пэк Намуна, Син Чхвехо, И. Рю, Т. Секино, Сон Боги, Сон Чжинтэ, М. Сумъябаатара, С. Тадаши, С. Тайра, К. Седзабуро, Т. Тору, Г.А. Югай, И. Хироси, Чжон Чжэхвона, Чой Гихо, Чой Намсона, Чон Чекёма, Чу Чехёка, Чхве Мёнхака, Ю. Шима.

Корейские ученые приступили к исследованиям после обретения независимости Кореи в 1945 г. Японские ученые начинают заниматься изучением Кореи с середины 80-х гг. XIX в. Интересным представляются работы южнокорейского ученого И Хонгю «Корейский этнос и Байкал», где исследован анализ ДНК корейцев и И Сонгю «Исследование вопроса о

происхождении корейцев через алтайскую языковую семью».

Большое значение имеют работы и исследования следующих авторов, посвященные различным аспектам корейских этнических групп в странах США, КНР, России: Л. Брайана, Т.В. Волковой, Л.В. Забровской, Ю.В. Ионовой, Н. Кибрия, Ким Хе Чжина, Ло Ен Дона, Д. Лоуна, С.Г. Нама, Ю.Н. Поповой, Л.М. Сима, Чжон Бонг Су, Ю.Н. Фаттаховой, К.Т. Харрисон, Г.А. Югай и др.).

Источники, использованные в работе, можно разделить на следующие разделы:

1) источники на русском языке – древнекитайские летописи «Хоу Хань шу», «Саньго чжи», «Самгук Саги», «Самгук Юса», которые являются ценным и важным источником по истории древнекорейских народов, представленные в переводах Н.Я. Бичурина, В.С. Таскина, М.Н. Пака, Н.В. Кюнера, Р.Ш. Джарылгасиновой, Л.Р. Концевича, В.М. Тихонова;

2) источники на иностранных языках (корейском, английском, китайском) – «魏书» (全八册) (Вэй Шу, Цюань Ба Цэ), «삼국사기» (Самгук Саги), «三国遗事» (Саньго иши), «汉书后汉书» (Хань шу, Хоу Хань шу), «三国志» (Саньго Чжи). Блог МИД Республики Корея, Анналы Династии Чосон Ко Чжон, научные журналы «зарубежных корейцев» (재외동포신문).

Мифы об основателях древнекорейских племен, государств и родов – Чумоне и Тонмёне также представляют большой интерес. Известно, что основой для записи мифа о Чумоне, который был впервые зафиксирован в китайских записях «Вэй Шу», послужили предания и легенды, услышанные китайцами от когурёсцев. Также отмечается, что, возможно, Вэй Шу заимствовал этот миф из когурёских источников. В данных корейских исторических летописях и сочинениях происходит контаминация мифа о Тонмёне с мифом о Чумоне. Миф о Тангуне «Самгук Юса» также занимает

центральное место в системе древнекорейских мифов об основании государств. Древние китайские источники «Хоу Хань шу»¹ и «Сань-го чжи»² относили предков корейского этноса к племенам *дун-и* – «*восточных иноземцев*».

Вместе с тем анализ исследовательской литературы свидетельствует о необходимости изучения культурно-исторических оснований выработки стратегий аккультурации корейцев в доминирующей культуре. Актуальность этих проблем и их недостаточная разработанность определили объект, предмет, цели и задачи данного диссертационного исследования.

Историография исследования.

Для определения культурно-исторических оснований успешной аккультурации корейцев, прежде всего нам нужно обратиться к проблеме происхождения корейского этноса, которая стала предметом обсуждения в научной литературе в конце XIX в. В это время Корея стала более открытой для внешнего мира, в связи с чем появился международный интерес к стране и ее населению. С этого временного отрезка появляются первые исследования по антропологии корейцев.

Первоначально изучение этнологии и антропологии корейцев проводилось учеными стран Европы и Америки. В 1874 г. во Франции была опубликована первая книга о корейцах и их культуре К.-Ч. Далле (Claude-Charles Dallet) «Histoire de l'Église de Corée». Автор считал, что корейцы близки к японцам, а также допускал происхождение корейцев от северных, возможно, сибирских монголоидов.

В работах Э.Я. Опперта (Ernst Jakob Oppert), Э. Бельтца (Erwin Bälz) отмечаются гетерогенность корейцев в антропологическом типе и

¹ «История Поздней Ханьской династии» - одна из китайских династийных историй, охватывающая период Поздней (Восточной) Хань (25-220 гг.).

² (кит. 三国志 пиньинь sānguózhì) «Записи о Трёх царствах» – официальные исторические хроники периода Троецарствия, охватывающие период с 189 по 280 г.

существенные различия населений Северной и Южной Кореи. Опперт считал, что в антропологическом типе корейцев совмещены типичные монголоидные черты с некоторыми немонголоидными характеристиками. По Бельтцу, корейцы были отнесены к маньчжуро-корейскому типу.

После потери независимости Кореи в войне с Японией исследованиями на Корейском полуострове занялись японские ученые. Итака Имамура, Юнижи Шима и Мотоцки Кохама на основе антропологических исследований сопоставили корейский, японский и айнский народы антропометрическим методом [Пан, 2008, с. 154-149].

Следует отметить, что изучение древней истории Кореи в начале XX в. отличалось консервативными взглядами японских ученых К. Сёдзабуро, С. Тайра, Т. Тору, связанных прежде всего с политикой Японии. Японское правительство проявляло большой интерес к изучению исторического и культурного аспектов Кореи. Впоследствии японскими исследователями отражались лишь некоторые моменты истории взаимоотношений двух стран, выгодные с точки зрения Японии [Иванов, 2003].

В 1960-1970 гг. был заложен фундамент российского корееведения, в этот период начинают активно издаваться труды ученых-корееведов. Большое значение для разработки проблематики данного исследования имели фундаментальные труды ведущего отечественного специалиста по истории Кореи М.В. Воробьева, в работах которого освещаются вопросы археологии Древней Кореи.

Интересный материал содержится в труде отечественного востоковеда Н.Я. Бичурина, где он приводит первые переводы отрывков китайских летописей и хроник, посвященных древней истории Кореи. Так, им впервые высказано предположение о связях древних корейцев, в частности когурёсцев, с тунгусо-маньчжурскими народами. Гипотеза Н.Я. Бичурина была поддержана известным отечественным китаеведом, японоведом и корееведом Н.В. Кюннером (1877-1955). В его архиве хранится проспект

монографии «Маньчжуры и корейцы», в котором прослеживаются исторические судьбы народов с глубокой древности до средневековья. Большое внимание Н.В. Кюннер уделял общему, что объединяло народы на ранних этапах их исторического развития.

В 1990 г. вышел фундаментальный труд по истории Кореи – трехтомник «Описание Кореи», в котором первую главу написал Н.В. Кюннер (по Курбанову).

В монографии М.В. Воробьева «Древняя Корея» (историко-археологический очерк) обобщен и систематизирован богатый материал по археологии Кореи, детально описаны памятники эпох неолита, бронзы, железа, культуры периода Лолана, Когурё, Пэкче, Силла. Работа представляет большую ценность в связи с тем, что в ней обобщен большой фактический материал. Особенно ценным представляется сводка важнейших археологических памятников Когурё и общая характеристика культуры когурёсцев, которая дается на фоне богатого материала по археологии древней Кореи. Также следует отметить работы Ю.В. Ионовой, которая рассматривает существование корейского шаманизма, его роль и место в жизни корейцев.

Важным вкладом в изучении этногенеза корейцев являются сведения по вопросам археологии Когурё в работах советских археологов, изучающих древнейшую историю Дальнего Востока (А.П. Окладников, Г.И. Андреев, Ж.В. Андреева, В.Е. Ларичев, Э.В. Шавкунов, Д.Л. Бродянский). Значительные исследования на Дальнем Востоке проводились с 1953 г., когда под руководством А.П. Окладникова была создана Дальневосточная археологическая экспедиция АН СССР. Ее участники открыли и исследовали большое количество памятников материальной культуры различных эпох. Ряд памятников, относящихся к периоду неолита, культуре раковинных куч раннего железного века, находят интересные параллели и общие черты с синхронными культурами Кореи. Сопоставление тех и

других имеет огромную научную ценность, ибо помогает определить значение и роль народов, населявших эти районы в глубокой древности, в историческом развитии Восточной Азии в целом.

Значительная роль в изучении антропологии корейцев принадлежит советским ученым Н.Н. Чебоксарову и А.Н. Золотареву [Пан Мин Кю, 2008, с. 155]. Якутский исследователь А.И. Гоголев, основываясь на древнем сказании, которое подтверждается также лингвистическими исследованиями, полагает, что тысячелетия назад племена, обитавшие в горах Алтая, начали мигрировать в восточном направлении через Южную Сибирь и Маньчжурию (Северный Китай), и некоторые из них достигли в своих странствиях нынешнего Корейского полуострова, став со временем преобладающей здесь этнической группой с характерными чертами восточных монголоидов [Гоголев, 1988, с. 42].

Определенный вклад в рассматриваемую проблему вносит М.Г. Левин в работе по этнической антропологии и проблеме этногенеза народов Дальнего Востока. В основе работы материалы, которые были собраны в 1946 г. в Средней Азии. Им были обследованы 486 мужчин и 99 женщин. По результатам опроса, проведенного М.Г. Левиным, выяснилось, что корейцев Дальнего Востока следует считать выходцами из Северной Кореи.

Весьма оригинального взгляда придерживается известный российский ученый Г.А. Югай, который развивает концепцию корейского суперэтноса, продолжая традиции Л.Н. Гумилева и рассматривая ее как национальную идею объединения. Он считает, что составными частями корейского суперэтноса являются не только обе части Кореи, но и многочисленные зарубежные этнические диаспоры, и современные корейцы являются потомками нескольких монгольских племен, которые переселились из Центральной Азии, в частности, в эпоху неолита (5000-1000 г. до н.э.) и бронзовом веке (1000 г. до н.э. – 300 г. до н.э.). По Гумилеву, это были как арийцы, так и различные протомонгольские племена тунгусо-маньчжуро-

китайского происхождения.

После обретения независимости в 1945 г. к исследованиям приступили корейские исследователи. Существенную роль в понимании данной проблематики сыграли взгляды известных корейских ученых-этнологов Ким Чжонбэ, Ким Чжонхак.

Труды северокорейских авторов представлены довольно скудно, возможно, в силу коммунистического режима, генеральной линии компартии КНДР и в подавляющем большинстве это труды руководителей страны, официальные интернет-ресурсы, которые в первую очередь отражают позицию северокорейского руководства.

В КНДР с 50-х гг. XX в. проблемой происхождения корейцев занимались историки; с 60-х гг., после обнаружения человеческих скелетов в Назинчодо, к ее решению начали активно привлекаться антропологи.

Ученые КНДР являются сторонниками автохтонной гипотезы, согласно которой современное население Корейского полуострова имеет глубокие корни, уходящие в эпоху бронзы или даже палеолита. Это говорит о том, что исторический процесс развития палеолитического населения, потомками которого стало неолитическое население, на данной территории происходил без влияния других этнических групп или племен [Джарылгасинова, 1979, с.17].

Южнокорейские исследователи представляют миграционистские и метисационные точки зрения. Ряд ученых говорит о метисационной (сибирской) гипотезе, в рамках которой происходили древние процессы смешений (в период начала I тыс. до н.э.). Другие исследователи (Ким Чжонбэ, Ким Вонрён и др.) выступают в пользу миграционной (северной) гипотезы и считают, что процесс развития палеолитического населения Корейского полуострова происходил изолированно, и только в неолитический период из региона Восточной Сибири (со стороны оз. Байкал) пришли новые насельники, и в результате смешения пришлых и

автохтонных племен образовалось новое население. На Корейском полуострове не было обнаружено культур переходной мезолитической эпохи, между палеолитической и неолитической. В подтверждении данной гипотезы и по результатам одонтологических исследований Пан Мин Кю также выявляется высокая степень различий между современным и древним населением Корейского полуострова и прилегающих к нему регионов.

По мнению южнокорейского ученого Ким Чжонбэ, сторонника этой гипотезы, в период неолита Корейский полуостров заселяли племена палеоазиатов, оставившие памятники культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Соответственно истоки этой культуры следует искать в Сибири, где обнаруживаются сходные традиции изготовления орудий и керамической посуды. Источником неолитических культур считаются следующие регионы Сибири: западные и южные районы, местом исхода носителей сибирских традиций считаются территории, прилегающие к оз. Байкал, а северо-восточные – с Дальнего Востока.

Интересным является, на наш взгляд, мнение Пак Сончжоу, который считает, что в палеолите обитатели Корейского полуострова находились в изоляции, и только в неолитическую эпоху она была нарушена с приходом новых мигрантов.

Ценными представляются наблюдения корейского ученого Ким Чжонхака, который выявил присутствие сибирских элементов в корейской культуре и пришел к выводу, что антропологическому типу корейцев характерны палеоазиатский или палеосибирский компоненты. Ким Чжонхак также является сторонником данной гипотезы, он подробно изучил вопросы происхождения корейцев по лингвистическим, этнографическим, археологическим и антропологическим данным [Пан Мин Кю, 2009, с. 22]. Однако ученый Чхве Чжонфил отрицает данную теорию.

Существуют и иные версии. Так, профессор Сеульского университета Ким Ук считает, что предками корейцев были китайцы, и среди ближайших

родственников выделяет ханьцев и японцев. Некоторые ученые согласны с его мнением, например, южнокорейский исследователь Сон Боги по результатам сравнения литературных данных выявил, что корейцам близки китайцы, нежели палеоазиаты.

Тем не менее надо отметить, что среди южнокорейских исследователей общим в гипотезе о происхождении корейского этноса является положение о значительной роли тунгусских племен в его этногенезе. Стоит отметить, что на их взгляды о роли тунгусов повлияли представления С.М. Широкогорова («Социальный строй северных тунгусов»), который говорит о доминировании палеоазиатов на Корейском полуострове в III тыс. до н.э., постепенно исчезнувших или смешавшихся с тунгусскими племенами после их широкого распространения на полуострове.

Аккультурация исследовалась многими учеными разных дисциплин, например Р. Линтоном, Р. Редфилдом, М.Дж. Херсковичем (культурная антропология), исследователями в области кросс-культурной психологии М. Мидом, Дж.В. Берри; психологии – Н.М. Лебедевой, Т.Г. Стефаненко; педагогики – М.А. Абрамовой и т.д.

Объектом диссертационной работы является аккультурация корейцев в доминирующей культуре.

Предмет исследования – стратегии аккультурации корейцев.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении культурно-исторических оснований стратегий аккультурации корейцев в доминирующей культуре.

В соответствии с указанной целью были определены следующие **задачи исследования**:

1. выявить теоретико-методологические основы исследования аккультурации этнических групп в доминирующей культуре, позволяющие раскрыть содержание, выделить типы аккультурации;
2. осуществить анализ универсальных стратегий аккультурации,

выявить характерные черты стратегий аккультурации корейцев;

3. раскрыть роль и значение мифологического наследия корейцев в выборе стратегий аккультурации;

4. выявить роль научных подходов к исследованию этногенеза корейцев в формировании идеологии иноэтнической среды и мировоззренческих установок данной этнической группы на интеграцию в доминирующее общество;

5. описать социокультурные практики совмещения идентичностей корейцев в условиях доминирующей культуры.

Теоретическую основу исследования составляют:

- теория аккультурации (Дж. Берри, М. Гордон);
- теория идентичности (Л.Л. Абаева, В.А. Тишков, У. Холмс);
- эволюционистская теория культуры (Л. Морган, Э.Б. Тайлор);
- этнометодология науки (Г. Гарфинкель);

Методологическую основу исследования составляют системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный подходы. Системный подход при анализе мифа позволил рассмотреть стратегии аккультурации корейцев с точки зрения открытости и целостности культуры. Сравнительно-исторический подход позволил выявить специфику и особенности стратегий аккультурации корейцев. Структурно-функциональный подход был использован при выявлении структуры аккультурации, роли мифологического наследия, функций научных текстов.

Методы исследования. Для решения поставленных задач были использованы анализ и синтез, индукция и дедукция, опрос, сравнение, классификация, типология, метод электронного интервьюирования, биографический метод.

Научная новизна исследования заключается в исследовании проблемы аккультурации корейцев в доминирующей культуре в контексте историко-культурологического происхождения корейского этноса на

материалах российских и зарубежных исследований, с привлечением данных ряда различных дисциплин.

Научная новизна исследования заключается также и в том, что:

- выявлены теоретико-методологические основы исследования аккультурации этнических групп в доминирующей культуре, определившие основные направления развития исследования аккультурации разных этнических групп (концепции М. Гордона и Дж. Берри);

- произведен анализ стратегий аккультурации корейцев в контексте универсальных стратегий этнических групп в доминирующей культуре выявлены стратегии аккультурации корейцев и их характерные черты;

- выявлено, что мифологическое наследие корейцев имеет детерминирующее значение в выборе стратегии аккультурации, готовности к процессам личностной трансформации и интеграции в доминирующее общество;

- выявлено, что в научном знании сложились различные подходы (миграционный, метисационный, автохтонный), объясняющие природу этногенеза корейцев. Интерпретация научных данных, теорий, концепций обуславливает выбор типа стратегий аккультурации, под влиянием идеологии доминирующей культуры;

- описаны социокультурные практики совмещения идентичностей в условиях доминирующей культуры.

На защиту выносятся следующие положения и результаты:

1. В процессе анализа концепций выявлены основные направления исследования аккультурации. Аккультурация понимается учеными как отождествление с ассимиляцией и как процесс изменения оригинальной культуры этнических групп или групп доминирующего общества после вступления в продолжительный непосредственный контакт. Характерным типом аккультурации этнических групп является аккультурация интегративного характера как процесс освоения культурных ценностей, норм,

традиций на основе личного обогащения при взаимодействии с культурой доминирующего общества и сохранении культурных ценностей, норм, традиций своей этнической группы.

Анализ универсальных стратегий аккультурации этнических групп в доминирующей культуре (ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация) и опыта обобщения аккультурации корейцев как этнической группы позволил выявить характерные для них стратегии: интеграцию, копинг-стратегию, частичную ассимиляцию, образовательную стратегию, стратегию неконфликтного характера. Выделены характерные черты каждой стратегии. Интеграции присущи постоянная активная коммуникация с доминирующим обществом, успешная трудовая деятельность; для копинг-стратегии характерно психологическое благополучие, удовлетворенность окружением; частичная ассимиляция есть процесс идентификации с носителями культуры; образовательная стратегия отличается стремлением к получению качественного образования; стратегия неконфликтного характера – гибкость, толерантность. Выявлена ведущая стратегия успешной аккультурации корейцев в доминирующую культуру – интеграция. Особенности этнического самосознания корейцев являются сохранность традиционных ценностных ориентаций, устойчиво укорененных в этническом самосознании; сознательное их адаптация к традиционной культуре, а также интеграции в культуры доминирующего сообщества; толерантный тип поведения.

3. Системообразующим мифом корейского этноса является миф о Тангуне. В основе мифа лежат представления о главных этногенетических качествах личности: терпение, сила как стойкость духа, готовность к личностной трансформации, культивирование основных видов жизнедеятельности, заложенных детерминантами земледельческой культуры, искусства, ремесла. Мифологическое наследие является символическим капиталом, который обеспечивает успешную интеграцию

корейцев и позволяет сохранять этнокультурную идентичность в процессах аккультурации.

4. Американская, российская, японская, южнокорейская и северокорейская научные школы выделяют следующие векторы развития этногенеза: миграционный, метисационный, автохтонный. Северокорейские ученые придерживаются автохтонной концепции происхождения корейцев, большинство южнокорейских исследователей развивает миграционную и метисационную концепции, японские ученые трактуют метисационную концепцию, американские и российские ученые развивают миграционную и метисационную концепции. Научные тексты, основанные на миграционной, метисационной и автохтонной теориях и концепциях детерминируют и санкционируют выбор стратегии аккультурации – интеграции.

5. Социокультурные практики – это формы и виды деятельности, позволяющие успешно социализироваться в обществе и сохранять свою этнокультурную идентичность. Освоение социокультурных практик позволяет человеку активно включаться в систему социальных коммуникаций, наращивать и реализовывать свой потенциал. Результатом стратегии аккультурации корейцев становится формирование их идентичностей. Сохраняя и принимая гражданскую идентичность и идентифицируя себя с гражданами той страны, где проживают, корейцы вместе с тем культивируют этнокультурные ценности своего народа. Наблюдается подъем национального самосознания американских, китайских, российских корейцев. Критериями успешной аккультурации являются выявленные нами социокультурные практики, ставшие репертуарным набором аккультурации: толерантность, гибкость, обогащение.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят вклад в развитие современного культурологического знания о динамике культуры; расширяют методологический потенциал теории культуры в исследовании стратегий аккультурации, конкретизируют общую

теорию этногенеза; могут использоваться в качестве методологической основы при разработке программ культурологических, исторических исследований по проблемам аккультурации; для историко-культурологического и теоретико-культурологического анализа истории Кореи. Результаты исследования имеют значение для развития культурологии, философии культуры, социологии культуры, философии религии, этнологии, антропологии, концепции аккультурации этнических групп в доминирующей культуре.

Практическая значимость состоит в том, что полученные в работе результаты, выводы, рекомендации могут быть использованы при разработке спецкурсов для студентов-культурологов, историков, философов, социологов; при выработке программ по культурной адаптации мигрантов. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть реализованы при написании учебных пособий, подготовке лекционных курсов, методических разработок, а также при выполнении студентами и аспирантами научно-исследовательских работ.

Апробация работы. Основные результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, были представлены на ряде международных, всероссийских и региональных конференций: международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность» (г. Улан-Удэ, 2010, 2011); III всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Научное творчество XXI века» (г. Красноярск, 2010); XIV международной научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (г. Новосибирск, 2010); всероссийской научно-практической конференции «Языковое пространство города» (г. Улан-Удэ, 2010); III международной научно-практической конференции «Молодежь и наука XXI века» (г. Ульяновск, 2010); международном симпозиуме «Кочевые цивилизации и страны Дальнего Востока: диалог культур» (г. Улан-Удэ, 2011); международной научно-

практической конференции «Наука и образование XXI века» (г. Уфа, Республика Башкортостан, 2013); международной научно-практической конференции «Улымжиевские чтения VII» (г. Улан-Батор, Монголия); всероссийская научная конференция с международным участием «Хакасский этнос на рубеже XX-XXI вв.» (г. Абакан, Республика Хакасия, 2013). Материалы диссертационной работы нашли отражение в содержании семинара «Современный социум» на кафедре философии Бурятского государственного университета.

Содержание работы отражено в 22 публикациях, в том числе в трех статьях из Перечня ВАК, общим объемом 8,1 п.л.

Структура диссертационной работы.

Диссертация изложена на 191 страницах и состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения, выводов, библиографического списка (215 наименований, из них 60 на иностранных языках).

Глава I. Культурно-исторические предпосылки аккультурации корейцев в контексте сохранения их этнокультурной идентичности

1.1 Теоретико-методологические основы исследования аккультурации этнических групп в доминирующей культуре

Нами выделяется три этапа в изучении аккультурации: первый этап связан с исследованиями, направленными на рассмотрение аккультурации как влияния доминирующей культуры на подчиненную (начало XX в. – 1950 гг.); второй этап – это изучение аккультурации как влияния подчиненной культуры на доминирующую (1950 гг. – конец XX в.); третий рассматривает аккультурацию как процесс влияния как подчиненной, так и доминирующей культуры (конец XX в. – по н.вр.).

Изначально понятие аккультурации применялось в узком значении и обозначало преимущественно ассимиляцию индейских племен с американской культурой. Диссертант отмечает, что культурные антропологи: Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц – дали классическое определение аккультурации в 1936 г.: «проявление аккультурации происходит в том случае, когда между группами представителей разных культур происходит непосредственный и продолжительный контакт, в результате чего появляются изменения в моделях оригинальных культур одной или обеих групп» [Электронный ресурс. Режим доступа: http://itsjournalist.ru/Articles/akkul._turaciya_kak_forma_mezhkul._turnoj_kommunikacii.html].

Редфилдом, Линтоном и Херсковицем было выделено три вида реакции реципиентной группы:

1. Принятие – процесс полного замещения старого культурного паттерна новым, почерпнутым у доминирующей культуры;
2. Адаптация – процесс частичного изменения традиционного паттерна под влиянием доминирующей культуры;
3. Реакция – когда происходит полное отторжение культурных

паттернов доминирующей культуры и усиление сохранения своей культуры.

Аккультурация является многосторонним, многоаспектным и многомерным социальным явлением. Существует несколько стратегий приспособления групп меньшинств, каждая из которых основана на разных мотивациях и последствиях. Эти стратегии аккультурации включают ассимиляцию в культуре большинства, защитное утверждение группы меньшинства, бикультурное смешивание двух культур, бикультурное изменение культур в зависимости от контекста или ослабление двух культур.

Начиная с середины XX в. аккультурацию трактуют как стратегию реагирования меньшинства на продолжительный контакт с доминирующей группой.

По М. Гордону выделяется семь сфер измерения процесса аккультурации:

- культурная ассимиляция (аккультурация) – приезжие усваивают язык, манеру одеваться и правила ежедневного поведения в принимающем обществе, включая ценности и нормы;
- структурная ассимиляция – массовое вовлечение меньшинства в группы, клубы и институты принимающего населения; распространение смешанных браков;
- ассимиляция на уровне самоидентификации формирования у членов подчиненной группы социальной идентичности, базирующейся на принадлежности к институциональным структурам господствующей группы;
- ассимиляция, связанная с отношением к приему членов подчиненной группы без предрассудков у принимающего общества;
- поведенческая ассимиляция – отсутствие дискриминации в

отношении этнического меньшинства;

- гражданская ассимиляция – отсутствие конфликта на уровне ценностей и силы;
- частичная аккультурация, характеризующаяся избирательной или, другими словами, функциональной аккультурацией, при которой «необязательно требуется, чтобы индивиды отказывались от своих культурных ценностей или отрекались от своей этнической идентичности».

В концепции Р. Тафта адаптация мигрантов рассматривается скорее как некая классификация различных политических программ по приему и «укоренению» мигрантов.

Р. Тафт выделяет монистическую ассимиляцию, согласно которой включение мигрантов в принимающее общество происходит при полном растворении принятого меньшинства с добровольным отказом от имеющейся идентичности; плюралистическую ассимиляцию, которая означает сосуществование самобытных, самостоятельных этнических групп; и интеракционистскую ассимиляцию, которая означает состояние, явившееся результатом плотного взаимодействия мигрантов и принимающего населения вследствие их постоянной коммуникации [91].

Согласно теории аккультурации Джона Берри, процесс аккультурации включает две основные проблемы – поддержание культуры и проблему участия общения различных культур (степень включения в иную культуру или нахождение в своей культуре). Существует несколько стратегий приспособления групп меньшинств, каждая из которых основана на разных мотивациях и последствиях.

Эти стратегии включают ассимиляцию в культуре большинства, защитное утверждение группы меньшинства, бикультурное смешивание двух культур, бикультурное изменение культур в зависимости от контекста

или ослабление двух культур. Дж. Берри предложил четыре основные стратегии аккультурации – ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация – которые в настоящее время получили наибольшее признание в научном мире.

Ассимиляции – принятие индивидом норм и ценностей новой среды и одновременно полный отказ от культуры этнической группы, к которой он принадлежит. То есть происходит процесс утраты индивидом прежней этнической идентичности и идентификация его с культурой доминирующего общества.

Интеграция характеризуется стремлением индивида к сохранению основных культурных характеристик, с процессом одновременного принятия основных ценностей и образцов поведения культуры доминирующего общества.

Сепарация характеризуется сохранением только своих культурных характеристик, этнической идентичности и отвержением каких-либо контактов и отношений с представителями доминирующего общества. При данной стратегии происходит ограничение контактов с представителями доминирующего общества только в рамках рабочего и общественных.

Маргинализация характерна отвержением собственной культуры и также не восприятием культуры доминирующего общества [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/psihologia-2-1/129.htm>]. Таким образом, самой оптимальной стратегией аккультурации является интеграция. Ранее исследователи считали полную ассимиляцию с доминирующей культурой наилучшим вариантом стратегии аккультурации, в настоящее время наилучшим вариантом считается получение бикультуральной или мультикультуральной личности.

У Берри, помимо стратегий аккультурации мигрантов, существует и вариант стратегий отношения к мигрантам для представителей принимающего общества:

- «Мультикультурализм» - наиболее конструктивная стратегия позволяющая мигрантам быть принятыми в обществе и сохранить свою культуру.

- «Плавильный котел» - ассимиляционистская концепция, бывшая популярной в США в прошлом веке. В соответствии с этой стратегией принимающее общество «перемалывает» мигрантов, они утрачивают свою исходную культуру и идентичность.

- «Исключение» - создание гетто, изоляция мигрантов от коренных жителей, отторжение мигрантов из культурной и экономической жизни общества.

- «Сегрегация» - мигранты сами стремятся изолироваться от коренных жителей жить самостоятельно, сохраняя свою культуру [91].

Знание языка страны приема и длительность проживания в стране приема, а также соответствие установки аккультурации иммигранта иммиграционной политике государства являются общими для всех иммигрантов предикторами успешной адаптации.

Таким образом, владение языком принимающей страны является важным показателем аккультурации. Вторичная языковая личность (представитель инотэтничного населения), постигая целевой язык и обретая знания об инокультуре, тем самым расширяет свое языковое сознание, меняя его содержание на приемлемое в культуре целевого языка в зависимости от целей межкультурной коммуникации.

Нами аккультурация рассматривается в русле стратегии интеграции, с

процессом обогащения, усвоения языка.

В качестве теоретико-методологических оснований данного положения выносимого на защиту мы выявляем что аккультурация этнических групп в доминирующую культуру есть процесс активного обогащения личностью социокультурным опытом доминирующей культуры, связанной с языковой ассоциацией и созданием вторичной языковой личности. Владение языком принимающей страны является важным показателем аккультурации. Вторичная языковая личность (представитель иноэтничного населения), постигая целевой язык и обретая знания об инокультуре, тем самым расширяет свое языковое сознание, меняя его содержание на приемлемое в культуре целевого языка в зависимости от целей межкультурной коммуникации.

Для корейцев, усваивающих культуру принимающей страны, самоидентификация приобретает специфическое содержание и определяется установками и потребностями этнокультурного сообщества в успешную интеграцию его индивида в доминирующую культуру. Данная санкция объясняет мотивационную активность индивида в усвоении языка, осуществления языковой социализации, освоения типичных поведенческих доминант представителей культуры доминирующей страны.

Поскольку процесс активного освоения культуры принимающей страны осуществляется посредством усвоения языка, то целесообразно выявить структуру и процессуальность успешной языковой социализации, для высокого уровень владения языком доминирующей культуры характерно овладение ценностями, составляющие ядерные ценности культурной идентичности (самый высокий уровень владения языком есть национально культурный уровень).

При определении «ядра» и «периферии» мотивационной структуры самоидентичности наблюдается смещение акцентов в обозначении мотивов,

побуждающих личность к трансформации идентичности и к усвоению языка. Так, «ядро» мотивационной структуры усвоения языка составляют следующие определяемые потребностями и целями мотивы: познавательные, коммуникативные, престижности, необходимости, личного удобства и предпочтений. В мотивационную «периферию» усвоения языка входят мотивы, определяемые интересами: профессиональные и развлекательные. Таким образом знания языка доминирующего общества становится импульсом для трансформации идентичности вторичной языковой личности, поскольку язык является: одним из инструментов социализации людей в обществе и культуре; инструментом установления и поддержания социальных отношений (бикультуральная личность).

Для корейцев, усваивающих язык доминирующего общества в условиях функционирования целевого языка, самоидентификация приобретает конкретное содержание и определяется внутренней мотивацией, являющейся составной языкового сознания. В этой связи необходимо выявить мотивы, составляющие структуру мотивации. В роли мотивов выступают потребности, интересы, установки и цели, которые в определенной иерархии составляют мотивационную структуру. К мотивам отнесены и ценности, усиливающие мотивы и придающие им стабильность и определенный смысл. Безусловно, в структуру мотивов, побуждающих личность к смене идентичности, входят и те, что определяют языковую мотивацию. Однако при определении «ядра» и «периферии» мотивационной структуры самоидентичности наблюдается смещение акцентов в обозначении мотивов, побуждающих личность к трансформации идентичности и к усвоению языка. Так, «ядро» мотивационной структуры усвоения языка составляют следующие определяемые потребностями и целями мотивы: познавательные, коммуникативные, престижности, необходимости, личного удобства и предпочтений.

В мотивационную «периферию» усвоения языка входят мотивы, определяемые интересами: профессиональные и развлекательные. В «ядро» доминирующих мотивов самоотождествления языковой личности, на наш взгляд, входят мотивы усвоения языка (коммуникативные и познавательные) и те, основу которых составляют ценности личности: этические, морально-идейные, гражданские, избегания неприятностей. Далее к «периферии» следуют мотивы, продиктованные необходимостью, профессиональными интересами и потребностями и т.д. Тот факт, что доминирующими мотивами трансформации идентичности являются мотивы, составляющие «ядро» мотивационной структуры языка, свидетельствуют о том, что языку отводится основная роль при трансформации идентичности. Знание второго/неродного языка становится своего рода «импульсом» для трансформации идентичности вторичной языковой личности, поскольку язык является: одним из инструментов социализации людей в обществе и культуре; инструментом установления и поддержания социальных отношений.

Решающим в адаптации человека к чужой культуре является приобретение умений и навыков поведения для действий в конкретных житейских ситуациях. Умения и навыки подразделяются на технические, важные для каждого члена общества (владение языком, умение делать покупки, платить налоги и т.п.), и социальные, которые обычно менее специфичны, чем технические, и овладеть ими сложнее, чем техническими навыками. И даже носители культуры, естественно «играющие» свои социальные роли, очень редко могут объяснить, что, как и зачем они делают. Тем не менее, методом проб и ошибок поведение человека постоянно совершенствуется и организуется в алгоритмы и стереотипы, которыми можно пользоваться автоматически, не задумываясь [Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/26655327/%D0%90%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B2->

%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82
%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9-
%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA
%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8].

1.2 Стратегии аккультурации корейцев в сохранении этнокультурной идентичности в доминирующей культуре

По всему миру в корейской диаспоре насчитывается около 7 миллионов мигрантов с Корейского полуострова. *Корёсарам* (고려사람) либо *корёин* (고려인) – этнические корейцы. Корейские диаспоры, которые проживают в странах СНГ, являются чосонцами или их потомками, эмигрировавшими с середины XIX в. Россия стоит на пятом месте после США, КНР, Японии и Канады по численности этнических корейцев (рост численности, согласно статистическим данным, с каждым годом растет). В США корейская диаспора насчитывает уже более 1,7 млн. человек, а по неофициальным данным даже 3 млн. Основное занятие первого (и частично второго) поколения иммигрантов – это мелкий бизнес. Одна из особенностей корейской общины США – это огромная роль протестантских церквей как главного организатора корейской диаспоры. Большинство верующих корейцев являются сторонниками тех же направлений протестантизма, что распространены в США.

По Ли Чжэуну, выделяются четыре этапа переселения корейцев на территорию России с Корейского полуострова (до революции 1917 г.). Первый и второй этапы переселения корейцев носят социально-экономический характер. Первой волне переселения способствовало тяжелое экономическое положение корейских крестьян (1863-1884 гг.), вторая волна вызвана подписанием русско-корейского договора о торговле (1884-1894 гг.). Третий (1894-1910 гг.) и четвертый (1910-1917 гг.) этапы характеризовались насильственным, вынужденным переселением, утратой независимости Корейской империи в 1910 г, которая была аннексирована Японией. Так, например, в 1894 г. в Чосон происходило восстание Тонхак

(восстание крестьян), направленное против вторжения Японии и западных странах [Чжон Бонг Су, 2012, с.20].

Известным исследователем процессов иммиграции корейцев на территорию Российской империи Б.Д. Паком были выделены основные предпосылки миграционных волн: социально-экономические, географические и идеологические. Следует отметить, что большинством корейских ученых данные процессы связаны с идеологическими факторами, а именно позицией несогласия потери независимости Кореи.

Таким образом, процесс формирования и развития корейских диаспор в России обуславливается несколькими факторами, такими как социально-экономическими, политическими (в Корее); природно-географическими, климатическими (в Дальневосточном крае Российской империи); национальной политики.

Корейскими учеными считается, что большинством переселенцев дореволюционного периода являются выходцы из приграничных с Россией провинций – Северная Хамгён, Южная Хамгён и Северная Пхёнан.

Вторая половина XIX в. характеризуется упадком рисового производства, снижением сельскохозяйственного производства, резким сокращением заработной платы рабочих и как следствие сокращение количества людей в семье.

Как отмечает Чжон Бонг Су, общий спад корейской экономики, слабое финансирование правительством экономики Кореи привели к кризису, а затем и исчезновению системы «Хвангок чедо» (системы, при которой правительство выделяло крестьянам земельные участки с последующим сбором поземельного налога). Она была принята еще в XV в., в XVI в. пережила некоторый упадок, а в XVII в. эта система вновь столкнулась с кризисом. В течение XVIII-XIX вв. «Хвангок чедо» претерпела значительные изменения. Но крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения Кореи, по-прежнему находились в зависимости от

государства. До конца XIX в. государство, постепенно увеличивая налоговое бремя на подданных, вместе с тем брало на себя ответственность поддерживать крестьян в голодные годы, выдавая им определенное количество продовольствия и зерна.

Советский период российской истории для корейских мигрантов также явился тяжелым этапом. Так, в 1937 г. (эпоха сталинских массовых репрессий) практически всех этнических корейцев насильственно переселили на территории среднеазиатских республик СССР. Корейцам, насильно переселенным из Приморья в Среднюю Азию с 1937 г., запрещалось свободное перемещение на территории СССР вплоть до 1 октября 1956 г.

Исследователями российские корейцы рассматриваются как одна этническая группа. Однако в различных регионах России среди них отмечаются различия в социальной и культурной адаптации в российском обществе.

Восток явилась сложная экономическая и политическая ситуация в Корее. В 1910 г.

ских переселенцескую империюб где они могли открыто проявлять свою гражданскую позицию.

-

род

ское педагогическ

(Т. М., 2013).

Затем в 1937 г. началась депортация советских корейцев в Ср

-
ЖИЗНИ СОВ

- -
были

крупные политики и члены п

, известные спортсмены.

Горбачевская перестро

и истории советских

народо

стране (Тен, 2013, 8).

В настоящее время проживание корейцев осуществляется на территориях Сахалина, Приморского края, Сибирского федерального округа и европейской части России. Следует отметить, что сахалинские корейцы более тесно связаны с Кореей, в отличие от других корейских диаспор. Корейское правительство возвращало на родину первое поколение сахалинских корейцев, которые были рождены на территории Российской империи до 1948 г., вплоть до 2009 г. (2 600 чел.).

Корейцы бывших среднеазиатских республик после распада СССР

стали испытывать некоторое межэтническое напряжение. Следует отметить, что корейцы считали среднеазиатские народы инокультурной этнической группой, и когда уровень этнического национализма стал выше, корейцы снова начали процессы реэмиграции. Также, как отмечает Чжон Бонсу, процесс реэмиграции корейцев происходит вплоть до настоящего времени, где выделяется два этапа, до и после распада Советского Союза. И именно Приморский край реэмигрантами первого этапа считался их исторической родиной. После распада СССР в бывших среднеазиатских республиках наблюдалась тенденция к выдавливанию с их территорий некоренных и неавтохтонных этносов и этнических групп. Вследствие чего, основная масса реэмигрантов второго этапа предпочла территорию Волгоградской области и Приморского края, где уже существовали этнокультурные сообщества корейцев [Чжон Бонг Су, 2012, с. 30].

В Республику Бурятия реэмиграция современных корейцев началась со второй половины 1950-х гг.

Правительством Республики Корея признается некоторая доля вины государства Корея (대한제국) в переселении. Историческое сознание правительственными и неправительственными структурами Республики Корея своей ответственности обуславливает достаточно лояльное отношение к данной диаспоре корейцев. Следует отметить, что сахалинские корейцы исторически имеют более тесные связи с Кореей, чем другие корейские диаспоры [Чжон Бонг Су 2012 с.36]. Северные корейцы в России – часть корейцев из КНДР, постоянно или временно проживающая в России. В основном это студенты, перебежчики и экспатриаты. Исследование, проведенное в 2006 г. университетом Кёнххи, показало, что численность северных корейцев в России приблизительно равна 10 тыс. чел. Этническая идентичность российских корейцев развита, они считают себя в большей степени корейцами (корейцами по духу), но не изъявляют желания возвращаться на историческую родину. Лучше быть корейцем по духу,

нежели гражданином Кореи, но в статусе *вегугина*³.

Согласно переписи населения, численность корейцев, проживающих в Республике Бурятия, в 1989 г. составила 339 чел.⁴, в 2010 г. – 486⁵. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., по России численность корейцев в 2002 г. составила 148 556 чел., в 2010 г. – 152 156 чел. Для примера, в Иркутской области – 1342 чел., в Сахалинской области – 24 993, в Приморском крае – 18 824, Камчатском крае – 1 401, в Сибирском федеральном округе – 12 614, Дальневосточном федеральном округе – 55 552 чел. В общем отмечается прирост корейцев в регионы Российской Федерации, что не скажешь о других нациях. Например, китайцев, согласно переписи, в 2002 г. было 34 577, в 2010 г. стало 28 943 чел, японцев в 2002 г. было 835 чел., в 2010 г. – 888.

Таблица 1. Численности корейского населения в Российской Федерации и некоторым регионам и городам

	Регионы	Кол-во
	РФ	153156
	Московская область	5537
	Москва	9783
	Санкт-Петербург	4031
	Республика Бурятия	486
	Забайкальский край	256
	Иркутская область	1342
	Приморский край	18824

³ Вегугин – человек *внешней страны*, этнический кореец из-за рубежа

⁴ Национальный состав населения Республики Бурятия, Всероссийская перепись населения 1989 года

⁵ 4.2. национальный состав населения по субъектам российской федерации. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. Статистики – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 11: Сводные итоги. – 579 с.

	Камчатский край	1401
0	Сахалинская область	24993

Таблица 2. Численности корейского населения по регионам

Округ	Регион	Кол-во
Центральный федеральный округ	21779	
Северо-западный федеральный округ	7003	
Южный федеральный округ	27640	
Северо-Кавказский федеральный округ	12548	
Приволжский федеральный округ	18974	
Уральский федеральный округ	4938	
Сибирский федеральный округ 11203	Республика Алтай	1 4
	Республика Бурятия	486
	Республика Тыва	162
	Республика Хакасия	5 7
	Алтайский край	1214
	Забайкальский край	256
	Красноярский край	1029
	Иркутская область	1342
	Кемеровская область	9 8

		Новосибирская область	3193
			705
		Омская область	12 7
		Томская область	
Дальневосточный федеральный округ 56973		Республика Саха (Якутия)	1421
			1401
		Камчатский край	8824
		Приморский край	8015
		Хабаровский край	1756
		Амурская область	83
		Магаданская область	249 3
		Сахалинская область	352
		Еврейская автономная область	8
		Чукотский автономный округ	

Примечание. Статистические данные из официального издания Федеральной службы государственной статистики за 2010 г.

Осознание этнической принадлежности зависит от того, в какой среде они живут – полиэтнической или моноэтнической. Полиэтническая среда в большей мере способствует приобретению знаний об особенностях своей и других этнических групп. Владение национальным языком является важной составляющей этнической идентичности. Так, на основе проведенного интервьюирования было выявлено, что среди корейцев зарубежных стран по знанию национального языка 89% опрошенной группы корейцев КНР владеют национальным языком, 7% корейцев – в России.

Российские корейцы для безболезненной адаптации в обществе

старались говорить больше на русском языке, нежели на корейском (хотя национальный язык считается одним из важнейших компонентов этнической идентичности этносов).

В 2005 г. в Университете иностранных языков Республики Корея открылся научно-исследовательский центр, в область исследований которого входило и изучение российских корейцев, где прозвучало несколько докладов о корейцах в России, среди которых особый интерес вызвал доклад о проблеме конфликта и сотрудничества южнокорейских, китайских и российских корейцев.

В качестве объекта исследования данного центра были определены города Санкт-Петербург и Москва, и три обширные территории – Волго-Уральский регион (Волгоград, Самара, Саратов, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург), Сибирь (Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Чита), Приморский край (Владивосток, Уссурийск, Артем и Сахалин) [Чжон Бонг Су, 2012, с.7-9].

Берри отмечает, что существование этнической идентичности своей и чужой этнических групп может происходить независимо друг от друга. Респондентами выступило 345 корейцев, из них 222 человека из Республики Корея, 33 из КНДР, 76 из КНР, 14 из России. Первоначально происходило определение основных вопросов, затем изучение этнической идентичности респондентов.

Как правило, большинство этнических групп, используя свой этнический язык как средство коммуникации, который отличает членов этнических групп, относят себя к одной и той же этнической группе. Владение этническим языком, является важным средством этнической принадлежности. Так, большинство корейских диаспор Китая, Японии, Канады и других стран, за исключением России, владеют этническим – корейским языком.

Среди корейцев КНР, Монголии, РФ выявлялась степень идентификации со своей и чужой этническими группами. Можно предположить, что предпочтение языка играет большую роль при определении уровня идентичности, нежели его реальное использование. Говоря о стратегии интеграции большое значение имеет степень владения языком страны доминирующей культуры. Ведь чем больше у мигранта имеется опыт социального общения, тем лучше пройдет процесс аккультурации в новой стране.

Показателями успешной аккультурации корейцев выступают валентность этнической идентичности и этническая толерантность.

В процессе межэтнического взаимодействия отличительной особенностью корейцев является высокая степень толерантности и интегрированности. В выборе идентификационных стратегий представители корейской субобщности используют в большинстве случаев стратегии неконфликтного характера, что позволяет представить стратегии аккультурации корейцев как модели позитивного развития межэтнического взаимодействия в странах доминирующей культуры, а также предложить их в качестве способов аккультурации этнического меньшинства в полиэтничном сообществе.

Говоря об этнокультурной идентичности корейцев приведем определен

ные черты личности, которые имеют важное и жизненно необходимое

значение этнодифференцирующие признаки, такие как историческая память, миф об общих предках, ценности и нормы, религия, язык, традиции, обычаи, обряды.

Основные критерии этнокультурной идентичности – язык, традиции и обычаи и т.д.

Стратегия интеграции аккультурации включает в себя контакты с представителями доминирующего общества; уровень владения и частоту употребления родного языка, языка доминирующей культуры, степень удовлетворенности смыслом жизни. Интеграция характерна стремлением и желанием корейцев сохранить свои культурные нормы, традиции и принятием ценностей, норм, образцов поведения доминирующей культуры. Интеграции соответствуют позитивная этническая идентичность и этническая толерантность. Полученные результаты позволяют сказать, что в целом, у корейцев стратегия интеграции положительно взаимосвязана с компонентами психологического благополучия.

Н.М. Лебедевой отмечается, ситуации, где происходит успешное использование данной стратегии, характеризуются наиболее успешным процессом психологической и социокультурной адаптации.

Как отмечает Дж. Берри стратегия интеграции является единственной аккультурационной стратегией, связанной с психологическим благополучием и высокой степенью социокультурной адаптации [Лебедева, 2009].

Трансформация идентичности в сторону иной культуры проявляется, в первую очередь, в поведении личности и активизации интереса к образу жизни тех социальных и этнических групп, с представителями которых ей приходится вступать в языковой контакт. Познавательная цель «усвоить язык» подкрепляется мотивом не просто познакомиться с культурой, но «сродниться с ней».

Также нами выявлено, что инструментом успешной аккультурации корейцев можно считать и применяемые ими копинг-стратегии, которые способствуют психической адаптации человека к новой культурной среде. Копинг-стратегия это индивидуальный способ взаимодействия человека с ситуацией в соответствии с логикой ситуации, ее значимостью для человека и его психологическими особенностями и возможностями.

По К. Уорду, в основе психологической адаптации главным образом

лежат аффективные реакции, которые связаны с ощущениями благополучия или удовлетворения в процессе кросс-культурного перемещения. А социально-культурная адаптация определяется способностью соответствия или эффективного взаимодействия с иной культурной средой.

Также, в качестве критериев успешной аккультурации корейцев в новой культуре выделяются: хорошие отношения с носителями культуры, постоянная активная коммуникация с принимающим сообществом; психологическое благополучие, успешная трудовая деятельность, удовлетворенность окружением, положительное отношение к своему переезду, наличие идентификации с носителями культуры.

Корейцы в условиях своего титульного этноса проявляют выраженное стремление к интеграции в мировое сообщество; сходная ситуация проявляется и в аккультурационных процессах, происходящих у корейцев, проживающих в России. Особенности этнического самосознания корейцев можно выделить традиционные ценностные ориентации, которые устойчиво сохраняются в их этническом самосознании. Корейцы сознательно ориентированы на воспитание в себе личностных качеств, которые должны содействовать адаптации к исконной культуре, а также интеграции в другие культуры.

Корейцы характерны толерантным типом поведения, который является доминирующим во всех ситуациях общения. То есть можно говорить о том, что их готовность к интеграции выражена достаточно отчетливо.

чивость и преемственность.

По определению многих ученых, традиция (лат. *Traditio, tradere*
– , обычаев, ритуалов, привычек,

навыков, норм поведения, питания, транслируемая из поколения в поколение. С течением времени некоторые традиции могут стать архаичными, вместо них формируются новые, характерные для лингвокультурного социума определенного хронологического периода. Тем не менее, исторически сложившиеся традиции в основном сохраняются, поскольку они являются социальным опытом и ценны для каждого конкретного этноса и отдельного индивида. Тр

, тем не менее, их символические характеристики оста
практики человечества.

Корейцы в условиях своего титульного этноса проявляют выраженное стремление к интеграции в доминирующее общество. Особенности этнического самосознания корейцев можно выделить традиционные ценностные ориентации, которые устойчиво сохраняются в их этническом самосознании. Корейцы сознательно ориентированы на воспитание в себе личностных качеств, которые должны содействовать адаптации к исконной культуре, а также интеграции в другие культуры. Корейцы характерны толерантным типом поведения, который является доминирующим во всех ситуациях общения. То есть можно говорить о том, что их готовность к интеграции выражена достаточно отчетливо.

В процессе межэтнического взаимодействия отличительной особенностью корейцев является высокая степень толерантности и интегрированности. В выборе идентификационных стратегий представители корейской субобщности используют в большинстве случаев стратегии неконфликтного характера, что позволяет представить стратегии аккультурации корейцев как модели позитивного развития межэтнического взаимодействия в странах доминирующей культуры, а также предложить их

в качестве способов аккультурации этнического меньшинства в полиэтничном сообществе.

В зависимости от степени и уровня различают четыре стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация. Ассимиляция – потеря своих отличительных черт и замена заимствованными у доминирующего общества. При ассимиляции, которая может быть как добровольной, так и принудительной, аккультурация этнической группы полностью идентифицируется с культурой, ценностями, правилами и нормами доминирующего общества, при этом отказываясь от норм и ценностей культуры своего этноса. Маргинализация – тип интеграции, при котором этническая группа (или индивид) теряет идентичность с собственной культурой и одновременно не принимает культуру доминирующего общества. Сепарация характеризуется абсолютизацией своей культуры и отрицанием чужой. Интеграция представляет собой идентификацию как с новой, так и со старой культурой, взаимное приспособление доминантной и недоминантной групп. Этническая группа принимает установки и ценности новой для себя культуры доминирующей группы, сохраняя при этом свою культуру, ценности и т.д.

Диссертант отмечает, что для корейцев, усваивающих культуру доминирующего общества, самоидентификация приобретает специфическое содержание, определяется установками и потребностями этнокультурного сообщества. Усиленная интеграция объясняет мотивационную активность индивида в усвоении языка, осуществления языковой социализации, освоения типичных поведенческих доминант.

Трансформация идентичности в сторону иной культуры проявляется, в первую очередь, в поведении личности и активизации интереса к образу жизни тех социальных и этнических групп, с представителями которых ей приходится вступать в языковой контакт. Познавательная цель «усвоить язык» подкрепляется мотивом не просто познакомиться с культурой, но

«сродниться с ней».

Обобщение практического опыта аккультурации, анализ теоретических концепций позволил выделить стратегии аккультурации корейцев: интеграцию, частичную ассимиляцию, копинг-стратегию, образовательную стратегию, стратегию неконфликтного характера в доминирующих культурах разных стран (США, КНР, России). При анализе стратегий аккультураций диссертант считает, что наиболее важной для нашего исследования из представленных четырех стратегий по Дж. Берри, является стратегия интеграции. Стратегия интеграции, по мнению диссертанта, это стратегия наилучшего вхождения в доминирующую культуру с наименьшими потерями паттернов оригинальной культуры и принятием паттернов культуры доминирующего общества, которая способствует адаптации к новой культурной среде в большей степени. Частичная ассимиляция понимается как процесс достижения удовлетворенности и умение свободно ориентироваться в культуре доминирующего общества; копинг-стратегия в трактовке автора рассматривается как индивидуальный способ взаимодействия человека с ситуацией в соответствии с логикой ситуации, ее значимостью для человека, его психологическими особенностями и возможностями; образовательная стратегия нацелена на ориентацию получения образования, который впоследствии станет отправной точкой социального лифта в доминирующем обществе; стратегия неконфликтного характера подразумевает присущую и заложенную в корейцах такие черты как толерантность, гибкость, неконфликтность.

1.3 Мифологическое наследие корейского народа как основа формирования стратегий аккультурации

Мифологическое наследие корейского народа привлекало и привлекает внимание многих ученых, как зарубежных, так и отечественных: историков, этнографов, литературоведов. Для изучения корейской мифологии большое значение имеют переводы из китайских (Н. Я. Бичурин, Н. В. Кюнер, М. Н. Пак) и корейских (М. Н. Пак, М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич, Д. Д. Елисеев, Л.Р. Концевич) источников древних мифов и легенд о культурных героях.

Первая попытка осветить мифологию корейскими учеными с научных позиций была сделана Пэк Намуном в книге «Социально-экономическая история Кореи». Из работ последнего времени особенно следует отметить монографию Хон Гимуна «Изучение корейских мифов», посвященную детальному и разностороннему анализу корейских мифов о культурных героях. Выявлению генезиса одного из древнейших мифов корейцев – мифа о Тангуне – посвящены работы Ким Джэвона. Вопросы корейской мифологии нашли свое отражение также в работах Ли Бёндо, Чон Инсопа, Им Донгвона, Хан Нённока, Ли Гапки, Ли Джирина и др.

В деле изучения корейской мифологии немало сделано японскими учеными (К. Сиратори, Е. Симада, С. Мисина, Я. Суэмацу, Т. Обаяси и др.). Из европейских и американских авторов, писавших о корейской мифологии, необходимо назвать У. Гриффиса, Х. Хальберта, Л. Р. Концевич, Э. Маккюн, У. Хенсорна.

Этногенетический аспект изучения мифологии, этой важнейшей области духовной культуры, предполагает несколько направлений: во-первых, выделение мотивов, сюжетов, представлений, генетически, возможно, связанных с различными этническими компонентами в пределах собственной мифологии, и, во-вторых, попытку их сопоставления с мотивами и сюжетами мифологии других народов. При этом в процессе сравнительного изучения могут быть выявлены и типологические и генетические взаимосвязи.

Однако следует иметь в виду, что материал мифологии, рассматриваемый в комплексе других исторических и этнографических данных, может служить дополнительным важным источником, который нельзя толковать прямолинейно. Помня о критическом взгляде на возможность эффективного использования мифологических сюжетов в качестве безошибочного дифференцирующего признака, способного служить надежным ориентиром в определении этнической принадлежности, направлении миграций, в выяснении других сторон этногенетических процессов, мы полагаем, что при решении всех этих важных проблем полностью игнорировать мифологические сюжеты неправомерно, и присоединяемся к тем исследователям, которые считают, что миф несет в себе ценную информацию и имеет познавательное значение.

Вопрос о четком разграничении мифов и легенд в мировой литературе по мифологии до сих пор остается дискуссионным. В корейской мифологии разграничение мифа и легенды в значительной степени осложняется тем обстоятельством, что в произведениях средневековых корейских авторов древняя мифология была превращена в часть традиционной истории. Аналогичное явление характерно для китайской, японской, вьетнамской и индонезийской мифологии [Джарылгасинова, 1979, с.85].

Историзацию корейских мифов можно в известной мере рассматривать как форму усвоения письменной культуры, связанной с конфуцианством,

буддизмом и даосизмом, элементов, входящих в систему стадиального развития – местных культов, а не великих мировых и региональных религий. Следует иметь в виду, что здесь, по-видимому, завершается процесс, начальный этап которого точно охарактеризован М. О. Косвеню: «Предок старшего, главенствующего в племени рода становится главным, господствующим над остальными, превращается в легендарного предка всего рода» (по Косвеню). Сходным образом и в ходе приспособления мифологии к условиям государственной консолидации предок всего этноса становится предком первой династии. Его образ, зафиксированный в историческом сочинении, приобретает строго нормативные черты, а буйный размах народной фантазии приглушен, образ по-своему сдержанно в соответствии с этикетом эстетизирован.

Этногенетический аспект изучения мифологии предполагает несколько направлений: во-первых, выделение мотивов, сюжетов, представлений, генетически, возможно, связанных с различными этническими компонентами в пределах собственной мифологии, и, во-вторых, попытку их сопоставления с мотивами и сюжетами мифологии других народов [Джарылгасинова, 1979, с. 129].

В мифологическом аспекте, среди корейских ученых, схожим является признание гетерогенности в расовом составе корейского народа, его гомогенности с неолитической эпохи. Тангуна относят палеосибирским (палеоазиатским народам). Позже Тангуна вытеснили из сибирского региона в маньчжуро-северокорейский регион, который позже ассимилировался алтайскими племенами, емэк.

Корейские ученые То Юхо и Хон Гимун этноним Когурё, в особенности вариант Корё, связывают со страной Кори. По мнению Кан Инсука и Ли Джирина, у государства Пуё были разные названия. Как отмечает Ли Кан, дунхусцы также были в числе создателей Когурё [Воробьев, 1997, с. 105].

Система древнекорейских мифов об основании государств центральное место отводит мифу о Тангуне. Его считают не только основателем первого государственного образования – Древнего Чосона, на севере Корейского полуострова и юге Маньчжурии, но и предком корейцев. Традиционная корейская хронология начинается с 2333 г. до н.э., времени его рождения. Тангун по праву считается типичным мифологическим персонажем с чертами «культурного героя» и тотемного предка неолитической эпохи.

Записи мифа сохранились в фрагментах только в письменных памятниках XIII-XV вв. в виде цитат из более древних, рано исчезнувших источников. Согласно записи мифа в «Самгук юса», которая считается самым ранним документированным свидетельством, некогда жил Хванун – второй сын Верховного небесного владыки Хванина, который страстно хотел попасть в людской мир. Хванин отправил сына для правления, дал ему три небесные печати и послал править людьми с трехтысячной свитой. Хванун сошел с небес на самую высокую вершину горы Тхэбэк. В это же время в пещере обитали медведица и тигр, молившиеся о превращении в человека. Тогда Хванун вручил каждому по стебельку волшебной полыни и по 20 чесночин, сказав, что если они съедят все это и будут остерегаться солнечного света в течение ста дней, то станут людьми. Медведь и тигр съели все и скрывались от солнца до трижды седьмого дня, но только медведь выдержал обет и стал женщиной. Женщина каждый день приходила под дерево возле жертвенника и заклинала духов ниспослать дитя. Узнав об этом, Хванун обратился в человека и женил ее на себе. Вскоре она родила сына, которого прозвали Тангун-Вангомом [Концевич, с. 465-469].

Как отмечает Воробьев, Древний Чосон образовался благодаря формированию чосонцев, где народности емэк отводилась главное место. Емэк корейской народности. Исходя из китайских источников «Вэй чжи», «Ши цзин», «Шан хай цзин», «И Чжоу шу» и «Хоу Хань шу», выдвигается

несколько версий происхождения этих народов, и все они противоречивы.

Касательно этнонима чосон, как полагает корейский ученый Хван Чхольсан, данный этноним образовался от политического образования. Основой данного этноса считается народность «мэк», которая стала взаимодействовать здесь с другим этносом «е». Затем новый этнос емэк завладел землями к востоку от р. Тацзыхэ и заложил основы этноса Когурё [Воробьев, 1997, с. 102]. Этнос е считают носителем гребенчатой керамики, этносу мэк приписывается изготовление гладкой керамики, а чосонцам дольмены (северный тип). Как отмечают южнокорейские ученые, все это свидетельствует о древних родственных связях корейцев с тунгусо-маньчжурскими народами.

Относительно этнической общности когурёсцев, которая прошла длинный и сложный путь, в мифах говорится о родстве когурёсцев с пуёсцами, других северных народов и «е». В письменных источниках говорится, что когурёсцы вели свое происхождение от пуё, также об их родстве говорит схожесть легенд о Пуё и Чумоне.

Обращаясь к мифу о Чумоне, следует рассмотреть историю становления корейской народности с точки зрения эпиграфики. Ученые уже давно обратили внимание на важность данных эпиграфики для изучения этнической истории народов. Среди достоинств памятников эпиграфики, если рассматривать их в качестве источников, обычно отмечается то, что они доходят до нас, как правило, в своем подлинном виде и тем самым иногда снимается вопрос об их аутентичности. Как отмечает Джарылгасинова, эпиграфика – чрезвычайно своеобразный исторический источник, который может быть отнесен как к археологическим, так и к письменным памятникам. Стела Квангэтхо-вана имеет особое значение для изучения этнической истории Кореи периода Трех государств, т.к. сохранившаяся на ней надпись – яркое свидетельство о важном этапе этнической консолидации древнекорейских народов [Джарылгасинова,

1979, с. 7,9].

Стела Квангэтхо-вана начинается с мифологического вступления, пересказа сюжета о первопредке когурёсцев Чхумо-ване (Чумоне), где говорится, что Чхумо-ван был родом из Северного Пуё, сын небесного владыки. Мать его, дочь речного божества, разбила яйцо и оттуда вышел мальчик, который и стал первооснователем Когурё. В «Самгук саги» Ким Бусика также находим идентичный текст – правитель Северного Пуё спрятал дочь речного божества в покоях, но лучи солнца озарили ее и она зачала и родила мальчика [Там же, с. 146].

У народов Юго-Восточной Азии также присутствуют сходные мифы. Аналогичные сюжеты встречаются и в мифологии и фольклоре монгольских народов.

Корейскими учеными миф о Чумоне трактуется как более поздняя интерпретация мифа о Тонмёне, основателе государства Пуё. Почти полное совпадение мифов о Тонмёне и Чумоне привело позднее, как отмечает Р.Ш. Джарылгасинова, к их слиянию в один образ. Наичная с Ким Бусика, в корейской литературе утверждается объединенный образ Тонмёна-Чумона. Однако другой корейский историк XIII в. Хан Чхи Юн пытался доказать, что Тонмён и Чумон – разные лица.

Как отмечает Итс, личные имена людей и прозвища животных также являются основаниями для выводов об этнокультурных контактах этнических общностей. Но особенно значимыми оказываются данные топонимики. Чаще всего основные географические объекты – крупные реки, горы, долины, пустыни – сохраняют названия, присвоенные им первопоселенцами, и, если топонимы непонятны, невыводимы из языка ныне живущего в данном районе этноса, то можно и нужно искать их предков, искать этносы, оставившие о себе память [Итс, 1991, с. 124].

Большой интерес в данном аспекте представляет точка зрения монгольского профессора Б. Сумъябаатара, который отмечает, что Чумон

(58 г. до н.э. – 19 г. до н.э.), основавший в 37 году Когурё, стал называться Тонмёнваном. Чумон – сын Хэмосу, небесного владыки и дочери речного владыки Юхва.

Имя «Чумон» впервые упоминается на стеле Квангэтхована, которая была возведена в 414 г., где надгробная надпись начинается с рождения Чумона. Хотя в созданной в начале V в. стеле Квангэтхована встречается имя Чумо, значительно позже, в изданной в сер. XII в. «Самгук саги» он описан как Чумон. В источнике конца XIII в. «Самгук юса» также отмечено имя Чумон. Кроме того, в китайском источнике середины VI в. его называют не Чумо, а Чумон. В других китайских летописях основатель Когурё также отмечен как Чумон.

Однако в «Самгук саги» в разделе Пэкче встречается имя Чумо. Также в «Самгук саги» встречается наименование Санхэ. С одной стороны, в «Самгук юса» в списке ванов, появляется специфичное имя Чумон. В приказе короля Силла Мунмувана есть имя Чжунмо. В японских хрониках встречаются имена Чжунмо, Томо. В диалекте народа Пуё, человека, хорошо владеющего луком, называли Чумон. Подобное содержание можно обнаружить и в «Самгук Юса». Однако слово с подобным значением встречается и в монгольском языке. Монгольское слово «мэргэн» по значению абсолютно совпадает со словом пуёского диалекта Чумон.

В китайской летописи также записано, что он был высокого роста, звали его Чумон, что на языке Пуё означает «хорошо стреляющий из лука». В другой китайской летописи приведено такое же значение имени Чумон, подобное содержание можно встретить и в маньчжурской летописи. Похожие надписи появляются и в настенных фресках Когурё, где изображена сцена охоты. Таким образом, Сумьябаатар говорит о том, что имя Тонмёнсон-вана обозначается разными иероглифами, такими как Чжумон, Чумо, Чумон, Чжунмо, Томо, Санхэ.

Начиная с корейских исторических документов, наряду с китайскими и

японскими, значение имени Чжумон можно толковать как имя исторического героя. В этом процессе авторы исторических хроник записывали иероглиф Чумо согласно исторической эпохе или точке зрения. Как мы выявили, это было связано с тем, что в то время, несмотря на схожее или идентичное произношение, слово могло записываться разными иероглифами. В диалекте пуё, человека, хорошо владеющего стрельбой из лука, называли «чумон», однако слово с подобным значением встречается и в монгольском языке «мэргэн», по значению абсолютно совпадает со словом пуёского диалекта «чумон».

Мы разделяем мнение автора о том, что в именах «Чжумон, Чумо, Чумон, Чжунмо» прослеживается одинаковое происхождение.

В записях на стеле Квангэтхо-вана говорится, что Чумо, бежав из Северного Пуё, спустился на юг и выкрикнул: «Я сын неба и дочери речного владыки – ван Чумон!». Чумо использовал титул «Сын Неба» в качестве вежливого обращения. Чумо также провозгласил, что он сын потустороннего мира, а именно – сын Неба.

Так, например, в 1145 г., Ким Бусик, составитель «Самгук Саги» упоминает о Чумо как о сыне неба и внуке речного владыки. Также в 1281 г. буддийский монах Ирён, составитель «Самгук Юса», описывает Чумо как сына Неба. Таким образом, и «Самгук саги» и «Самгук Юса» описывают Чумо как Сына Неба. Однако описание Чумо-вана как Сына Неба уже встречалось в V в. на стеле Квангэтхо-вана.

Но, примерно, через 150 лет в китайской летописи Чумо-ван записан не как Сын Неба, а как Сын Солнца. Таким образом, китайские летописцы связывают Чумо-вана не с небом, а с солнцем. Подобная запись встречается и в официальном названии Когурё.

Особый интерес представляет интерпретация этнонима Когурё, как отмечает монгольский ученый, на самом деле правильнее произносить – Когури. Так как иероглиф «рё» в случае, если это название страны, нужно

произносить «ри» или «ро», соответственно следует произносить не «Когурё», а «Когури». Поэтому Тонмёнсон-ван основал страну «Когури», «ко» – фамилия Чумо, а страна называется «Кури». Поэтому в китайских хрониках, начиная с «Саньгочжи», «Когури», записывается как «Хагури». В этих же хрониках с самого начала отмечается только название «Кори». С другой стороны, при Квангэтховане, Чансуване «Когурё» записано как «Корё».

С мифом о Чумоне неразрывно связан миф о Тонмёне. В корейских исторических и литературных сочинениях XII-XIII вв. («Самгук саги», «Самгук юса» и др.) происходит контаминация мифа о Тонмёне с мифом о Чумоне. Тонмён и Чумон сливаются в один персонаж, который был канонизирован как «основатель Когурё», правивший в 37-19 гг. до н.э. Мифы о Тонмёне и Чумоне, возникшие на общей фольклорной основе, отражают разные этапы этнической истории родственных народов Пуё и Когурё. Как правило, Тонмён интерперетируют как «[несущий] свет с востока». Надо отметить, что имя Тонмён стало посмертным храмовым именем Чумон. Культ Тонмёна сохранялся и в средние века.

О самоназвании Тонмёна корейский ученый Чу Чехёк говорит, что слово Тонмён не следует интерпертировать как «[несущий] свет с востока», на самом деле нужно рассматривать с точки зрения фонетики. Таким образом, он сопоставляет корейское слово Тонмён с монгольским словом Тумэн, т.е. вполне возможно, что Тонмёна на самом деле зовут Тумэн.

В мифах, объясняющих происхождение когурёсцев, наиболее четко выделяются две линии; родство когурё с пуё, а через пуёсцев – с другими народами, жившими еще севернее; и тесная связь когурёсцев с древнейшим населением южных районов современного Северо-Восточного Китая и Корейского полуострова. Пуё, как считают корейские ученые, является еще одним древнекорейским государством, созданным в Южной Маньчжурии (вторая половина I тыс. до н.э). Однако Е.И. Кычанов не согласен с их

мнением, рассматривая Пуё как первое государство тунгусо-маньчжурского народа.

Продолжая тему мифов о происхождении корейцев, обратимся к мифам о первопредках народов когурё и пуё. Самая ранняя запись мифа об основателе Пуё Тонмёне находится в трактате китайского философа Ван Чуна «Лунь Хэн» I в. до н.э. («Критические рассуждения»); затем в следующем по времени китайском источнике «Вэй люэ» Юй Хуаня (дошло во фрагментах, в комментариях историка Пэй Сун-чжи, V в. к тексту Саньго чжи; следующая интерпретация мифа встречается в китайских летописях «Хоу Хань шу»; и наконец, в интерпретации этого мифа в сочинении «Лян шу» Яо Сы-ляна, где он включен в раздел «Гаогюйли» (Когурё).

Р.Ш. Джарылгасинова отмечает, что появление данного мифа в разделе, посвященном истории Когурё, важное событие и в политическом, и этническом событии. Яо Сы-лян, будучи современником государства Когурё, отразил господствовавшую в его время идею, что Когурё – преемник традиций и престижа древнего Пуё [Там же, с. 90].

Приведем описание мифа из «Лунь Хэн»:

«Наложница правителя государства Тханни, варварского государства, расположенного на севере, забеременела. Правитель хотел убить ее. Наложница сказала: «Облако в виде куриного яйца спустилось с небес, и поэтому я зачала» Потом она родила сына. Его выбросили в свиной хлев. Свиньи дышали на него, чтобы его согреть, и он не умер. Тогда его бросили в конюшню. Лошади тоже согревали его своим дыханием, и он не умер. Правитель подумал, что он, может быть, сын Неба. Отдал его матери и воспитал как раба. Назвали его Тонмён. Поручили ухаживать за коровами и лошадьми. Тонмён много преуспел в стрельбе из лука, и правитель начал опасаться, что он может захватить власть в стране. Правитель решил убить его. Тонмён убежал и достиг реки Омхосу на юге. Он ударил по воде луком – рыбы и черепахи всплыли, для того чтобы сделать ему мост. Как только

Тонмён переправился через реку, рыбы и черепахи уплыли в разные стороны. Преследовавшие его солдаты не смогли переправиться. Он основал столицу и стал ваном Пуё. Так возникло Пуё, варварское государство на севере» [Там же, 1960, с. 89].

Предание о Чумоне является более поздней версией предания о Тонмёне. В ранних записях мифы о Чумоне и Тонмёне существовали отдельно друг от друга. Однако в XII-XIII вв. произошла контаминация данных мифов, и вводящей частью к этому мифу стали мифы о Хэбуру и Кымва, Хэмосу и Люхва. По Курбанову, в мифе о Чумоне отражаются миграционные процессы части племен, которые населяли Пуё, и впоследствии образовало Когурё. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Korea6.htm>].

Сюжет о приходе Чхумо-вана из Северного Пуё, а следовательно, и свидетельства о северных этнических контактах древнекорейских народов, очевидно, были широко распространены в первые века нашей эры. Более того, в несколько измененном, развернутом виде они зафиксированы в поздних исторических сочинениях.

В VI в. миф о Чхумо-ване, или Чумоне, как о первопредке когурёсцев и основателе их государства, был записан Вэй Шоу в его сочинении «Вэй шу». Изложение Вэй Шоу изобилует многими новыми деталями, но в нем также подчеркивается происхождение Чумона из Пуё. Аналогичный вариант был помещен Ли Яньшоу в «Бэй ши». С мифа о Чумоне начинается история Когурё и Ким Бусик. Так, древний миф когурёсцев о первопредке-основателе Чумоне Ким Бусик сделал частью официальной истории Когурё.

Сопоставление мифа о Чумоне в сочинениях Вэй Шоу и Ли Яньшоу с вариантом, записанным Ким Бусиком, обнаруживает их большую близость в основных положениях. В то же время миф в изложении Ким Бусика содержит ряд важных новых деталей. В «Самгук саги» впервые появляются такие персонажи, как ван Пуё – Хэбуру, его сын Кымва, чудесно найденный

в золотой раковине. Сюжет о необычайном рождении Кымва вообще впервые встречается только у Ким Бусика. В «Самгук саги» полно охарактеризован сын Кымва по имени Тэсо, невлюбивший Чумона и пытавшийся его убить. Ким Бусик сообщает нам имя матери Чумона – Рюхва, имена трех друзей, с которыми он бежит из Пуё, имена трех мудрецов, которых встречает в долине Модук.

Очевидно, в первых веках нашей эры мифы и легенды о родстве пуё и когурё были широко распространены. Неслучайно китайский ученый Чэнь Шоу, автор «Саньго чжи», писал, что, по преданиям дун-и, когурёсцы составляли отделившийся от пуё народ, поэтому их язык и обычаи во многом были одинаковы с пуёскими [Пак, 1961, с. 119].

Родство когурёсцев с пуёсками подтверждается не только мифологическим свидетельством о приходе Чумона из Пуё, но и однотипностью мифов о первопредках этих народов.

Самая ранняя запись об основателе Пуё сохранилась в «Лунь хэн» («Критические рассуждения») – произведении китайского философа Ван Чуна (27-97 гг. н. э.). Миф, изложенный в «Вэй люэ», почти полностью совпадает с текстом Ван Чуна. По мнению японского исследователя Сиратори Куракити, под «Старинными записками», на которые ссылается автор «Вэй люэ», возможно, скрывается «Лунь хэн».

В V в. н.э. миф о Тонмёне был повторен Фань Е, автором «Хоу Хань шу», в разделе, посвященном историко-этнографической характеристике Пуё (по Бичурину).

Интересной представляется интерпретация этого мифа танским историком Яо Сыляном в его сочинении «Лян шу». Миф о Тонмёне дается им в разделе, посвященном Когурё, что является знаменательным как в политическом, так и в этническом аспекте. Помещая миф о Тонмёне в разделе «Когурё», Яо Сылян, очевидно, отразил господствовавшую в то время идею, что Когурё наследовало традиции и престиж древнего Пуё.

Вместе с тем сообщение Яо Сыляна освещает одну из важных сторон духовной культуры когурёсцев – процесс циклизации мифов о Тонмёне, как об основателе Пуё, и о Чумоне, как об основателе Когурё. Имя Чумона не упоминается в «Ляо шу». Однако даже предварительное сопоставление мифа о Тонмёне и мифа о Чумоне обнаруживает их большое сходство.

Одной из ведущих функций двух мифов является характеристика героев как отличных табунщиков и искусных стрелков, причем умение отлично стрелять из лука определяется как дар Неба и основное следствие необычного рождения героев. Неслучайно некоторые исследователи высказывали предположение, что иероглифы, которыми в древности записывались имена Тонмён и Чумон, звучали одинаково. Согласно последней гипотезе, этимология обоих имен, возможно, восходила к понятию «отличный стрелок из лука»

Продолжая мысль Хан Чхюна о одновременности существования Тонмёна Пуёского и Чумона Когурёского, Джарылгасинова предполагает, что мифы об этих двух героях, хотя, возможно, и возникли на одной фольклорной основе, отражают по крайней мере два этапа в этнической истории родственных народов. В них нашло отражение воспоминание народов о миграции их предков с северных территорий. Возможно, эти передвижения происходили несколькими волнами, и косвенным доказательством тому является возрождение аналогичного сюжета. Так, сюжет, в краткой форме отраженный в надписи на «Стеле Квангэтхо-вана», вводит нас в мир богатого мифологического наследия пуёсцев и когурёсцев, мир мифологии, отразившей древние этногенетические контакты древнекорейских народов с их северными соседями.

Между тем миф о Чхумо-ване содержит еще один сюжет, интересный с этногенетической точки зрения. Этот мотив не звучит столь явно, как сообщение о том, что Чхумо-ван был родом из Северного Пуё, и, очевидно, отражает какие-то более древние контакты.

И, по мнению Р.Ш. Джарылгасиновой, сходство мифов об основателях государств и первопредках пуё и когурё является доказательством родства этих народов, еще один аргумент в пользу гипотезы о наличии северного компонента в этногенезе когурёсцев.

В Южной Корее в 1970-х гг. легенда о чудесном рождении Тангуна от союза Хвануна и медведицы, обернувшейся человеком, интерпретировалась как миф о формировании государства.

Национальная спасительная драма Тангуна обеспечила всеобъемлющее повествование определения линии корейских предков, национального духа, единой государственности на разделенном полуострове. Это заняло около ста лет исследований образа легендарного основателя Тангуна, были опубликованы сотни сочинений о нем. Первые исследования о Тангуне были инициированы ведущими японскими учеными колониального периода Сиратори Куракичи и Иманиши Рю, в начале XX века.

Самые первые записи о Тангуне были в китайских записях «Вэй шу», где говорится «...2 тыс. лет назад, здесь жил Тангун Вангом. Он основал столицу в Асадале, и государство назвал Чосон. Однажды жил Хванин, его сын Хванун родился от наложницы, и он часто выражал свое желание спуститься с небес на землю, чтобы жить среди людей. Хванин разрешил Хвануну и трем тысячам его последователей спуститься, тогда Хванун спустился к горе Пэкту, священному дереву Тансу. где и основал Синси (신시, 神市, «Божий Град»). Также назначил повелителей облаков, дождя и ветра, придумал законы и учил людей ремёслам, медицине и сельскому хозяйству. Таким образом, он имел контроль над всеми 360 аспектами человеческого мира».

Таким образом, можно выделить пять ключевых моментов в изучении Тангуна:

1. Хванун является сыном наложницы Хванина Чхесок, и он спустился с небес к вершине горы Тхэбэк на священное дерево Тансу и правил оттуда

миром.

2. С помощью Хвануна медведица обрела облик человека.

3. Союз между сыном небес и женицной дал чудесное рождение Тангуну.

4. Тангун основал Чосон (первое государственное образование) в 15-ый год правления китайского императора Яо и правил 1500 лет.

5. Когда Кичжа бежал на восток, Тангун, которому на тот момент было 1908 лет, перенес свою столицу в Асадал и стал духом горы.

Стоит отметить, что Тангун трансформировался из мифического персонажа в полноценную историческую фигуру (в учебниках Кореи Тангун представлен исторической фигурой).

Следующее интервью ясно показывает значимость образа Тангуна для корейцев, не только как мифического персонажа, но и как исторического:

Исследователь: Как вы относитесь к тому, что многие зарубежные ученые со скептицизмом относятся к реальности существования исторической фигуры Тангуна?

Рассказчик: Это их дело, главное что мы знаем и верим в то, что Тангун на самом деле существовал.

Исследователь: Но ведь нет никаких доказательств этому.

Рассказчик: Как же! Есть, гробница Тангуна обнаруженная на полуострове, разве это не доказательство?

(электронное интервью с Пак Вониль, родом из Южной Кореи, г. Сеул, бон – Ульсан, октябрь 2009)

Одним из первых корейских ученых, который начал рассматривать фигуру Тангуна как историческую, был Син Чхвехо (1880-1936 гг.).

Следующее интервью также наглядно показывает, что Тангун для северных корейцев является ключевой фигурой в истории происхождения

их этноса:

Исследователь: Как вы считаете, кто является предком корейцев?

Рассказчик: Как мне рассказывала бабушка, нашим прародителем является первопредок Тангун, который родился от союза медведицы и бога. Но я скептически отношусь к этой версии. Мне кажется, что Тангун действительно является нашим первопредком, но он не мифический персонаж, а реальная историческая фигура.

(электронное интервью с Ким Чжихон из КНДР,
г. Пхеньян, март 2010 г.)

Как отмечает Курбанов, относительно слова «Тангун» у южнокорейских ученых существует немало дешифровок, но можно обобщить их под общим названием «Небесный князь». Так, многими учеными отмечается, что имя Тангуна в первую очередь является названием «должности» главы союза племен. Ученые Северной Кореи вплоть до 1993 г. утверждали, что иероглифы *тан* и *гун* указывают на название группы людей, наследиях Древний Чосон, и статус вождя племени соответственно.

Ученый Хюн Ильбэ также уделяет большое внимание мифическому аспекту возникновения населения Корейского полуострова. Во-первых, многие корейцы верят в то, что они были гомогенной нацией, т.е. придерживаются теории исключительно гомогенного (автохтонного) развития населения Корейского полуострова. Но здесь следует заметить, что по проведенному нами опросу выяснилось, что на самом деле большинство из опрошенных придерживаются иной точки зрения на происхождение корейцев. Приведем отрывки из двух интервью, которые наглядно показывают разрозненность взглядов:

Отрывок из интервью №1:

Исследователь: Придерживаетесь ли Вы автохтонной гипотезы происхождения?

Рассказчик: Да, конечно. Наш предок-прародитель – Тангун, родоначальник нашей нации.

(электронное интервью с Хван Инчжу, родом из Южной Кореи, г. Ансан, бон – Квансан, октябрь 2011)

Отрывок из интервью №2:

Исследователь: Придерживаетесь ли Вы автохтонной гипотезы происхождения?

Рассказчик: Нет, я считаю, что нет каких-либо реальных подтверждений этой гипотезы. А обнаруженная гробница Тангуна является результатом умело сфабрикованных деталей. Эти останки Тангуна были раскопаны по инициативе, или как сказать, благодаря, руководству страны (КНДР), а это говорит о многом⁶.

(электронное интервью с Ким Сончжин, родом из Южной Кореи, г. Пусан, бон – Кымнён, октябрь 2011)

Данная теория исключает какие-либо иные (японские или китайские) вкрапления в процессе становления корейского этноса. Во-вторых, миф об автохтонности корейского этноса – миф о Тангуне – очень распространен среди корейцев. Первые записи о Тангуне появились в китайских летописях «Самгук юса», во всех учебниках школьной программы Тангун изображается как основатель первого корейского государственного образования Кочосон в 2333 г. до н.э. Его прямые потомки также пропагандируются как основатели последовательных династий Пуё, Когурё, Пэкче и Силла.

Магическое рождение мифического основателя Кореи произошло на вершине горы Пэктусан, самой высокой и северной горы Кореи, которая

⁶ Здесь, на наш взгляд, интервьюируемый имел ввиду политику руководства КНДР относительно развития теории автохтонности корейцев.

находится на границе провинции Хамгёнбок и КНР. На вершине горы в кратере вулкана располагается Небесное озеро, из которого берет свое начало река Сунгари. На склонах вулкана также находятся истоки рек Тумыньцзян и Ялуцзян. Как наиболее священная гора в корейской геомантии, Пэктусан упоминается в корейской буддийской и даосской традициях в легендах Пуё, Когурё и Бохай. Горный хребет официально стал считаться северной границей между династиями И и Цин в 1712 г, с возведением торжественной стелы королем Сукчоном, даже гимн Южной Кореи начинается со слов «С берегов Восточного моря горы Пэкту», т.к. гора Пэкту является «духовной» родиной всех корейцев.

Далее приведем интервью, в ходе которого выяснилось, что гора Пэктусан действительно имеет сакральное значение:

Исследователь: Вы знаете миф о первопредке корейцев Тангуне?

Рассказчик: Да, конечно, этот миф должен знать каждый уважающий себя кореец.

Исследователь: Хорошо, а что вы скажете насчет горы Пэктусан? Действительно ли, на ваш взгляд, эта гора является священным местом?

Рассказчик: На вершине горы Пэктусан родился наш Тангун, конечно же, это место почитается нами и считается священным для всего народа.

(электронное интервью с Пак Ённам из Южной Кореи,
г. Пусан, бон – Ульсан, сентябрь 2009 г.)

Гора Пэкту как священное место национальной агиографии является самым популярным в КНДР для всех туристов с корейскими корнями. В Северной Корее Пэкту изображается как официальный символ

государственной идеологии чучхе⁷ или, другими словами, независимости и его изображение украшает главный культурный центр Пхеньяна. Так, гора Тхэбэксан (Пэктусан) считается сакральным местом в КНДР и имеет большое значение для этнических корейцев. В КНДР гора рассматривается как официальный символ государственной идеологии чучхе⁸, которая акцентирует внимание на том, что человек является хозяином всего, и также несет идеологию национального единства.

Другой причиной известности горы Пэктусан является тот факт, что Ким Ир Сен, «Великий вождь», был вдохновлен духами этой горы на начало его деятельности антияпонского сопротивления. Также примечательна она еще одним фактом – глубоко в лесу окрестности горы Пэкту был построен бревенчатый домик – место рождения сына и официального преемника дорогого лидера Ким Чен Ира, несмотря на то, что Ким Чен Ир родился в России, во время изгнания его отца, в 1940 г.

Диссертант подчеркивает, что мифологическое наследие корейцев служит этнокультурным основанием интеграции. Системообразующим мифом корейского этноса является миф о Тангуне, в основе которого лежит идея о главных этногенетических качествах личности, таких как терпение, сила как стойкость духа, культивирование основных видов жизнедеятельности, заложенных детерминантами земледельческой культуры, искусства, ремесла. Осознание человеком своей принадлежности к обществу изначально освящено мифом.

⁷주체 (на кор.яз.), 主體(на кит.яз.) – официальная идеология КНДР (사상사업에서 교조주의와 형식주의를 퇴치하고 주체를 확립할 데 대하여), [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%83%D1%87%D1%85%D0%B5>].

⁸주체 (на кор.яз.), 主體(на кит.яз.) – официальная идеология КНДР (사상사업에서 교조주의와 형식주의를 퇴치하고 주체를 확립할 데 대하여), [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%83%D1%87%D1%85%D0%B5>].

Автор диссертации отмечает, что Тангун в корейской мифологии рассматривается как архетипический образ предка, культурного героя, черты которого являются прообразом прародителя всего корейского народа. Нами выделены наличие мифологических констант, таких как сакральность, божественное происхождение, культурный герой, первопредок, начало человеческой жизни, которые рассматриваются в качестве предпосылки самоидентификации корейцев как части целого, большего, более значимого, нежели сам человек. Давая оценку мифу о Тангуне многие корейские ученые считают, что Тангун является символом, который имеет объединяющее значение, особенно актуальное в настоящее время. На наш взгляд миф о Тангуне является для корейцев этноисторическим мифом о лидере как духовном, так и политическом, где в одном персонаже совпадают эти качества (сын божества, он же правитель). Таким образом, древнее санкционирует современное.

Диссертантом отмечается, что в данном мифе прослеживается основная идеология корейцев, направленная на развитие высокого уровня национальной, этнической идентичности, воспитания в личности таких качеств, как терпение, напористость, трудолюбие, которые влияют на интеграционный характер корейцев.

Мифологическое наследие рассматривается в качестве основания успешной социализации в обществе принимающей страны в качестве символического капитала, который позволяет корейцам сохранять этнокультурную идентичность в процессах аккультурации. Представления об автохтонности своего этноса из мифологических сюжетов закладывают в их сознании доминантную составляющую, с помощью которой процессы интеграции протекают для них безболезненно, заложена установка на готовность и принятие личностных изменений.

Выводы по главе I

Характерным типом аккультурации этнических групп является аккультурация интегративного характера как процесс освоения культурных ценностей, норм, традиций на основе личностного обогащения при взаимодействии с культурой доминирующего общества и сохранения культурных ценностей, норм, традиций своей этнической группы. Теоретико-методологической основой нашего исследования являются концепции Дж. Берри и М. Гордона. Так, созданные ими концепции позволяют выявить общие и специфические стратегии аккультурации, дать оценку механизмов, способствующих успешной аккультурации корейцев в доминирующую культуру.

Для корейцев, усваивающих культуру доминирующего общества, самоидентификация приобретает специфическое содержание, определяется установками и потребностями этнокультурного сообщества. Усиленная интеграция объясняет мотивационную активность индивида в усвоении

языка, осуществления языковой социализации, освоения типичных поведенческих доминант. В выборе идентификационных стратегий корейцы используют механизмы неконфликтного взаимодействия, что позволяет рассмотреть стратегии аккультурации корейцев как модели позитивного развития межэтнического контакта в странах доминирующей культуры: интеграцию, частичную ассимиляцию, копинг-стратегию, образовательную стратегию, стратегию неконфликтного характера в доминирующих культурах разных стран (США, КНР, России).

Таким образом, особенностями этнического самосознания корейцев являются традиционные ценностные ориентации, которые устойчиво сохраняются. Корейцы характеризуются толерантным типом поведения, который является доминирующим во всех ситуациях общения. Диссертант считает, что готовность корейцев к интеграции выражена достаточно отчетливо.

Мифологическое наследие корейцев служит этнокультурным основанием интеграции. Системообразующим мифом корейского этноса является миф о Тангуне, в основе которого лежит идея о главных этногенетических качествах личности, таких как терпение, сила как стойкость духа, культивирование основных видов жизнедеятельности, заложенных детерминантами земледельческой культуры, искусства, ремесла. Осознание человеком своей принадлежности к обществу изначально освящено мифом. Тангун в корейской мифологии рассматривается как архетипический образ предка, культурного героя, черты которого являются прообразом прародителя всего корейского народа. Нами выделены наличие мифологических констант, таких как сакральность, божественное происхождение, культурный герой, первопредок, начало человеческой жизни, которые рассматриваются в качестве предпосылки самоидентификации корейцев как части целого, большего, более значимого, нежели сам человек. Давая оценку мифу о Тангуне многие корейские

ученые считают, что Тангун является символом, который имеет объединяющее значение, особенно актуальное в настоящее время.

Мифологическое наследие рассматривается в качестве основания успешной социализации в обществе принимающей страны в качестве символического капитала, который позволяет корейцам сохранять этнокультурную идентичность в процессах аккультурации. Представления об автохтонности своего этноса из мифологических сюжетов закладывают в их сознании доминантную составляющую, с помощью которой процессы интеграции протекают для них безболезненно, заложена установка на готовность и принятие личностных изменений.

Глава II. Социокультурные практики аккультурации корейцев: научные реконструкции и поведенческие стратегии

2.1 Научные подходы к исследованию этногенеза корейцев как основа формирования стратегий аккультурации

Сложные процессы, длительно протекавшие на территории Корейского полуострова, оказали соответствующее влияние и на процесс формирования корейского этноса, впоследствии сказавшиеся на процессах их аккультурации.

Рассмотрим этногенез корейцев с точки зрения науки, способной дать наиболее древние этнодифференцирующие факты, – антропологии. Следует отметить, что антропологическая классификация происходит на основании биологического и генетического родства между различными этническими общностями. Например, существует фенотипическое разнообразие людей,

это физические (телесные) различия, такие как цвет кожи, лицевые черты, строение скелета, тип волос и т.д. Важное значение имеет кластерный анализ, метод изучения степени близости по комплексу признаков большего числа совокупностей индивидов или отдельных наблюдений – таксономических единиц и выявления кластеров, объединяющих такие наиболее сходные единицы.

Определяя антропологический тип как классификационную единицу, Н.Н. Чебоксаров писал: «В группы антропологических типов объединяются те, которые связаны историей происхождения, которые сложились в силу сходных или однородных причин из элементов одинакового происхождения, смешавшихся в разных пропорциях, которые морфологически напоминают друг друга». Как отмечает Итс, именно антропологические типы выступают в качестве первичных, выраженных антропологически, категорий этнического многообразия мира [Итс, 1991, с.116].

Данные антропологических исследований показывают, что геном человека содержит в себе все внутренние и внешние антропологические особенности, которые передаются с каждым поколением. Первыми изучали этнологию и антропологию корейского этноса европейские и американские ученые. Как отметил Пан Мин Кю, большое значение в изучении антропологии имеют российские ученые Н.Н. Чебоксаров и А.М. Золотарев. А.М. Золотарев, выдающийся советский этнограф, во время этнографических исследований в Приамурье собрал и большой антропологический материал [Левин, 1958, с. 309].

М.Г. Левин, известный отечественный антрополог, этнограф и археолог, данный вопрос рассматривал в своей работе, где содержатся обширные данные по антропологии корейцев. Им было обследовано 486 мужчин и 99 женщин. Исходя из данных, полученных в результате опроса, проведенного М.Г. Левиным, выходцы из Южной Кореи встречались значительно реже [Пан, 2008, с. 154-159].

Н.Н. Чебоксаров, исследователь, занимавшийся вопросами этнической антропологии, полагал, что корейцы относятся к числу потомков древнейшего населения Восточной Азии: «Ближайшие аналогии *«чжоукоудяньцам»* по сочетанию значительных вертикальных размеров мозговой и лицевой частей черепа мы находим только в Восточной Азии и в Полярной Америке среди древних краниологических серий эпохи неолита и палеолита, а также среди современных северных китайцев, корейцев, маньчжуров, гольдов, чукчей и эскимосов». М.Г. Левин также пишет на основании антропологических данных, «корейцы сближаются с сибирскими монголоидами и свидетельствуют о древних связях населения Кореи с населением более северных областей».

Следует отметить, что в антропологическом типе современных корейцев М.Г. Левин выявляет комплекс признаков, характеризующихся большей растительностью на лицевой части, и большей волнистостью волосяного покрова, увеличением носового указателя, понижением переносья, приподнятым положением кончика и основания носа, относительно поперечным расположением ноздрей, увеличением толщины губ, некоторым понижением роста. Данные признаки характерны южноазиатским (в меньшей степени) и североазиатским (сибирским) монголоидам (в большей степени). Таким образом, М.Г. Левин выделил в составе корейцев наличие северо-азиатского компонента, обусловленного длительными связями древнего населения Кореи с населением более северных районов [Дашибалов, с. 82-85].

Как отмечает российский археолог, антрополог С.И. Руденко, наиболее важным диагностическим расовым признаком является волосяной покров. Так по сравнительному изучению волос монголо-халхаского, бурятского, корейского, алтайского, финно-угорского народов и славян, в результате которого было выявлено, что по наибольшей толщине волос лидировали корейцы, буряты, монголы-халхасцы, алтайцы и ноинулинцы: у монголов-

халхасцев – 77,7; корейцев – 76,4; бурят – 75,8 [Шабалов, 2009, с. 121].

Якутский исследователь А.И. Гоголев полагает, что тысячелетия назад племена, обитавшие в горах Алтая, начали мигрировать в восточном направлении, через Южную Сибирь и Маньчжурию, некоторые достигли Корейского полуострова и, начиная с III тыс. до н.э. стали расселяться по территории полуострова, став со временем преобладающей здесь этнической группой, с характерными чертами восточных монголоидов [Гоголев, 1988, с. 42]. По Гоголеву, в формировании корейцев принимали участие три группы племен: палеоазиатская (более древняя, возможно автохтонная), алтайская и австронезийская, связанная с восточноприморским побережьем Китая с истоками культуры Цинляньган. При этом ведущая роль принадлежала группам, говорившим на алтайских языках.

По результатам исследований единичных антропологических находок начала 30-х гг. XX в. в Унги, провинции Северная Хамгён, датированных II тыс. до н.э., короткоголовость считается одним из важных признаков принадлежности к предкам тунгусо-маньчжурского и корейского народа [Дашибалов, 2011, с.86].

Далее, продолжая рассматривать вопрос этнической принадлежности неолитического населения Восточной Сибири, следует обозначить два существующих взгляда: согласно первому, носителями культуры неолита данного региона является дотунгусское палеоазиатское население, позже ассимилированное тунгусскими племенами. Согласно второму, как отмечает А.П. Окладников, тунгусские племена обитали в данном регионе в верхнепалеолитическую эпоху, сохраняя культуры неолитического или бронзового века и двигались с севера на юг [Дашибалов, 2011, с. 90]. Именно в неолитической эпохе на новой этнической основе в ареале Центральной и Восточной Маньчжурии, Корейского полуострова.

М.Г. Левин и А.П. Окладников рассматривали вопросы

распространения тунгусских племен на Корейском полуострове, после которых палеоазиаты постепенно исчезли или смешались с ними. Но особое внимание этому вопросу уделено в книге выдающегося русского этнографа С.М. Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов». В 1912-1913 и 1915-1917 гг. он был направлен Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Сибирь и на Дальний Восток, где последняя экспедиция была организована и частично финансировалась Императорской Академией наук и называлась Маньчжурской. Он говорит о миграции предков тунгусов на север и разделяет ее на два этапа, где первый этап связан с освоением ландшафтов горной тайги в бассейне рек Уссури и Сунгари, а второй – с продвижением в эти районы китайцев в период с 1912 по 1918 гг.

Широкогоров жил среди различных групп тунгусов-оленеводов и кочевников Сибири и Маньчжурии, а также маньчжуров, солонов и дагуров. Основное внимание его было направлено на этнографическое исследование тунгусов, собирание антропометрического материала тунгусов и других групп населения. Его исследовательские интересы распространялись не только на области, традиционно относящиеся к этнографии и физической антропологии, но охватывали также географическое и археологическое изучение Дальнего Востока и Сибири. Тунгусы были разделены на северную и южную группы по географическому распределению, языку, обычаям, поселениями. Северные тунгусы жили в бассейнах трех великих рек – Енисея, Лены, Амура, и к востоку – на Камчатке (включая Баргузин, Байкал, Верхнюю Ангару, Нерчинск). Южные забайкальские группы тунгусов (солоны и дауры) были отделены друг от друга горными хребтами Большого Хингана и жили в дельтах рек Хэйлунцзян, Сунгари, Амур, Аргунь и их притоков.

Результаты исследований показали, что черепной указатель эвенков и современных корейцев отличается. Таким образом, исследователи

сомневаются в контактах предков корейского народа с эвенкийским [Пан, Бахолдина, 2008, с. 158].

Отечественные ученые указывают и на монгольское присутствие в регионе формирования предков корейцев и тунгусо-маньчжуров. Исследования В.С. Старикова, жившего около 20-ти лет в Маньчжурии (1935-1955 гг.), показывают, что китайцы освоили северные земли не очень давно, т.е. он приходит к выводу, что земледелие в Маньчжурии связано с протомонголами.

Далее следует рассмотреть тунгусо-маньчжурский компонент в этногенезе корейцев. Прежде всего следует отметить, что данные Палладия Кафарова свидетельствуют о том, что сушени и их прямые тунгусские потомки (*илоу, уги*) и *мохэ*, оказали друг на друга не только культурное влияние, но и участвовали в этногенезе древнекорейских племен того времени. Предположение о связях древних корейцев, в частности когурёсцев, с тунгусо-маньчжурскими народами впервые было высказано Н.Я. Бичуриным. Скорее всего, именно когурёсцы имели наиболее близкие и тесные связи с тунгусо-маньчжурскими народами, в частности *дун-и сяньбийцами, сушенями-илоу, угу-удэгэйцами*, возможно, с *увасами-уванями, чжурчженями* и собственно *маньчжурами*.

Одним из первых, кто определил предполагаемое место формирования тунгусо-маньчжурских народов, был финский исследователь М.А. Кастрен. Он предполагал, что родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков с финно-угорскими связано с общим этногенезом на когда-то единой территории (Алтайских гор) [Дашибалов, 2011, с. 67].

В. Горский, А.М. Золотарев и А.Н. Липский считали племена сушень и илоу предками тунгусо-маньчжурских народов. Исследователи единодушны в том, что в создании государства Когурё ведущая роль принадлежала когурёсцам. Однако это не говорит о том, что в этническом отношении это государство было однородным. Также с потомками родственных

когурёсцам народов Корейского полуострова (ё, окчо, пуё, хань) в его состав вошли и ханьцы, сяньбийцы, кидани, мохэ и другие.

Созданная когурёсцами культура стала одним из краеугольных камней в формировании самобытной культуры корейской нации. Почти все специалисты мохэсцев относят к тунгусам, также предполагается, что некоторые группы шивэй и сяньби, возможно, даже были тунгусоязычными народами. Передвижения древних тунгусских народов на рубеже II–I тыс. до н.э. на восток и юго-восток подтверждаются и данными археологии, о чем было отмечено в работе Д.Л. Бродянского.

Таким образом, тунгусо-маньчжурские племена в течение I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. оказали наиболее культурное влияние на формирование корейской культуры, в особенности духовной. Более тесные связи с когурёсцами, тунгусоязычной частью сушеней, сяньбий имели мохэсцы. Этому способствовало и расселение семи мохэских племен в Приамурье и Приморье [Пан Мин Кю, Бахолдина, 2008, с. 156].

Немаловажно подчеркнуть, что наибольшее распространение получила «маньчжурская» гипотеза в начале XX в., основными сторонниками которой были П.П. Шмидт и С.М. Широкогоров. Шмидт на основании собранных им данных предположил, что процесс формирования тунгусов происходил где-то в смежных районах Маньчжурии и северо-востока монгольских степей. Ближайшими соседями предков тунгусов считал группы палеоазиатов. По мнению Широкогорова, первичный очаг формирования предков северных тунгусов располагался в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы [Дашибалов, 2011, с. 68]. С.М. Широкогоров изучал историю, культуру, социальную организацию, менталитет, обычаи и язык тунгусов, что было описано в его книге «Социальная организация северных тунгусов» в 1928 г.

В начале XII в. исследователи пришли к выводу, что тунгусы и палеоазиаты являются подрасами северных и южных монголов. Северная

ветвь монголов включала таких тунгусов, как буряты и калмыки, а южная – расы Маньчжурии, Кореи и Северного Китая. Северная теория развивалась синологами, южная – Широкогоровым. В рамках данной теории он классифицировал корейцев как расу «типа Б» и сравнивал с северными расовыми типами китайцев. По физическим показателям, Широкогоров также относит корейцев к расе «типа Б» и сравнивает их с северными расовыми типами китайцев. Он считал, что физические характеристики некоторых корейцев, в частности, небольшой рост, темные глаза, указывают на то, что они сохранили оригинальные характеристики «тунгусов» из-за их изоляции на полуострове, с трех сторон окруженный морем. По Широкогорову, биологические характеристики корейского населения того времени связывали их с оставшимися палеоазиатскими группами гиляков, чукчей и юкагиров, проживающих в районе реки Енисей.

На основании результатов исследований по данному вопросу академик А.П. Окладников сформулировал собственную концепцию этногенеза тунгусо-маньчжурских народов, по которой тунгусы являются автохтонными насельниками Сибири.

Одним из крупнейших советских специалистов по данным народам была Г.М. Василевич. По Василевич, в первый период этногенеза прототунгусов происходит разделение на северную и южную языковые группы, во второй период первые продолжают осваиваться в горной тайге (примыкающей на юге к оз. Байкал). Затем, как отмечает Дашибалов, следующий этап дифференциации общности тунгусо-маньчжуров является расселение на западную и восточную части Забайкалья [Дашибалов, 2011, с. 74-75].

Интересными являются исследования в области одонтологии. Морфологическое строение зубной системы является одним из важнейших источников биологической и исторической информации в связи с тем, что ряд важных черт зубного рельефа указывает на присутствие древних

особенностей. Одонтологические исследования позволяют получить довольно полную информацию о древних формах по палеонтологическим находкам, дают возможность определения пола, возраста, воссоздать картину древних миграций населения и формирования этнических групп [Торбостаев, 2003, с. 47].

Эпохальная динамика одонтологического типа населения выступает в качестве важнейшего источника информации, который свидетельствует о каких-либо миграционных процессах, метисационных явлениях или об изменениях, обусловленных микроэволюционными преобразованиями внутри зубной системы *Homo sapiens* [Пан Мин Кю, 2009, с. 94].

Далее рассмотрим этногенез корейского этноса с точки зрения одонтологии, которая изучает особенности строения зубов разных расовых групп, как современных, так и древних. Данные такого рода исследований имеют значение не только для биологии, но и для исторических наук, помогая устанавливать степень родства между популяциями и тем самым получать дополнительные сведения, касающиеся происхождения и истории народов [Зубов, 1966, с. 4].

Особое значение для проблемы этногенеза корейского этноса составляют одонтологические сравнения между современным и древним населением Корейского полуострова с другими этносами Сибирского, Дальневосточного, Прибайкальского регионов и Юго-Восточной Азии.

Пан Мин Кю по результатам своих исследований отмечает близость индекса коронки первого верхнего резца ($In_{\text{cor}}1^1$) серии с территории Корейского полуострова с древними сериями Прибайкалья, малайцами, якутами в области высоких значений и в области низких значений – ульчами, китайцами, бурятами (табл. 3)⁹. По индексу коронки второго

⁹ В таблице группы располагаются в порядке убывания в них значений соответствующих признаков или их частот. Все серии с территории Корейского полуострова выделены жирным шрифтом, а серии прибайкальского неолита и бронзового века – курсивом [Пан, 2009, с.11].

верхнего резца ($In_{\text{cor}}I^2$) современные корейцы близки к малайцам, железный век ближе к китайцам, палеолит – к эвенкам. Индекс коронки верхнего клыка (In_{cor}^c) близок к современным корейцам с серией эпохи Корё-Чосон, ульчам, бурятам. Палеолитическая серия – с монголами, серия железного века – с китайцами и бронзовым веком Прибайкалья, серия эпохи трех государств – с якутами [Пан Мин Кю, 2009, с.12].

Таблица 3. Сравнительные данные по одонтологическим признакам [Пан, 2009, с.12].

$In_{\text{cor}}I^1$		$In_{\text{cor}}I^2$		In_{cor}^c	
Орочи	93,1 1	Ульчи	105, 29	Австралийцы	113,10
Монголы	90,5 3	Монгол	102, 98	Малайцы	112,00
Эвенки	89,5 3	Орочи	95,4 0	Монголы	110,31
Малайцы	89,2 0	Эвенки	94,4 2	Палеолит	109,44
Якуты	87,8 2	Палеолит	94,1 2	Шорцы	107,73
Эпоха трех гос-в	87,3 3	Эпоха трех гос-в	93,4 0	Ульчи	106,78
Прибайкалье, бронза	86,5 3	Соврем, корейцы	92,8 6	Соврем. корейцы	106,41
Прибайкалье, неолит	86,5 1	Малайцы	92,7 0	Эпоха Корё- Чосон	105,74
Соврем. Корейцы	85,7 1	Железо	91,4 7	Буряты	104,68

Эпоха	84,4	Китайцы	91,4	Эскимосы	103,90
Корё- Чосон	9		0		
Железо	84,1	Прибайк	89,2	Китайцы	103,70
	5	алье, бронза	7		
Палеолит	83,9	Шорцы	88,6	Железо	102,32
	5		8		
Ульчи	83,6	Эпоха	87,8	Прибайкаль	101,22
	8	Корё- Чосон	5	е, бронза	
Китайцы	82,5	Якуты	86,6	Хакасы	100,90
	0		6		
Буряты	78,6	Буряты	82,7	Эпоха трех	100,39
	6		4	гос-в	
Неолит	60,3	Прибайк	78,7	Якуты	100,26
	0	алье, неолит	4		
Хакасы		Неолит		Эвенки	99,36
Шорцы		Хакасы		Алеуты	98,70
Тувинцы		Тувинцы		Орочи	95,10
Австралийцы		Австрал		Прибайкаль	87,85
		ийцы		е, неолит	
Эскимосы		Эскимос		Неолит	
		ы			
Алеуты		Алеуты		Тувинцы	
Японцы		Японцы		Японцы	
Индейцы		Индейц		Индейцы	
Пекос		ы пекос		пекос	

По данным таблицы 4, современная и неолитическая серии близка к ульчам, эпоха Корё-Чосон и палеолит – к малайцам и китайцам, эпоха трех

государств – к якутам [Там же, 2009, с.13].

Таблица 4. Сравнительные данные по одонтологическим признакам, продолжение [Там же, 2009, с.13].

In_{сог}M¹		In_{сог}M²		In_{сог}M³	
Австралийцы	12 4,70	Австралийцы	1 29,50	Железо	152,60
Эскимосы	12 2,20	Эскимосы	1 24,10	Австралийцы	146,50
Алеуты	11 3,80	Малайцы	1 23,90	Якуты	130,97
Якуты	11 3,59	Якуты	1 21,37	Малайцы	125,40
Эпоха трех гос-в	11 3,26	Хакасы	1 20,13	Монголы	123,81
Китайцы	11 1,80	Китайцы	1 18,70	Орочи	122,29
Малайцы	11 1,50	Соврем.корейцы	1 18,18	Эпоха трех гос-в	122,10
Палеолит	11 1,15	Алеуты	1 18,00	Китайцы	122,10
Эпоха Корё-Чосон	11 1,02	Эвенки	1 16,75	Эскимосы	120,20
Ульчи	11 0,00	Прибайкалье, бронза	1 15,74	Эвенки	117,97
Неолит	10 9,93	Эпоха Корё-Чосон	1 15,14	Эпоха Корё-Чосон	117,90
Соврем,	10	Орочи	1	Прибайкалье	116,8

корейцы	9,52		15,03	е, неолит	5
Шорцы	10	Эпоха	1	Алеуты	116,8
	8,91	трех гос-в	13,96		0
Прибайкал ье, бронза	10	Шорцы	1	Хакасы	1
	8,85		13,43		12,80
Хакасы	10	Буряты	1	Буряты	111.9
	8,82		13,34		8
Прибайкал ье, неолит	10	Тувинцы	1	Шорцы	108.4
	8,36		12,76		2
Тувинцы	10	Неолит	1	Тувинцы	107,6
	7,84		11,42		6
Орочи	10	Прибайкалье	1	Прибайкаль	106.6
	7,58	, неолит	10,68	е, бронза	9
Эвенки	10	Ульчи	1	Ульчи	102,4
	7,21		10,59		1
Монголы	10	Монголы	1	Палеолит	
	6,93		09,02		
Железо	10	Палеолит	1	Неолит	
	4,04		03,59		
Буряты	10	Железо		Соврем.кор	
	1,91			ейцы	
Японцы		Японцы		Японцы	
Индейцы		Индейцы		Индейцы	
пекос		пекос		пекос	

По результатам исследований верхних латеральных резцов, частота четырехбугорковых форм первого нижнего моляра Пан Мин Кю отмечает, что эти данные свидетельствуют об отсутствии прямой преемственности

между древними и современными насельниками Корейского полуострова. Он также предполагает иных, немонголоидных, связей насельников Корейского полуострова [Там же, 2009, с.14] (табл. 5).

Таблица 5. Сравнительные данные по одонтологическим признакам, продолжение [Там же, 2009, с.14].

$m_{\text{сog}}^M$		sh I ¹		red I ²	
Австралийцы	11, 75	Неолит	10 0	Соврем.корейцы	1 0,20
Алеуты	10, 83	Железо	10 0	Хакасы	6. 00
Эскимосы	10, 75	Эпоха трех гос-в	10 0	Ульчи	5, 00
Прибайкалье, бронза	10, 62	Эпоха Корё-Чосон	10 0	Орочи	5, 00
Индейцы пекос	10, 56	Соврем.корейцы	10 0	Японцы	3, 47
Прибайкалье, неолит	10, 53	Алеуты	10 0	Тувинцы	2, 50
Малайцы	10, 48	Прибайкалье, неолит	94, 70	Буряты	2, 40
Китайцы	10, 45	Прибайкалье, бронза	92. 30	Шорцы	2, 40
Эпоха Корё- Чосон	10, 27	Эскимосы	89, 65	Китайцы	2, 00
Соврем. корейцы	10, 26	Китайцы	89, 60	Эвенки	1, 40
Тувинцы	10,	Индейцы	87,	Монголы	0,

	23	некое	90		40
Японцы	10, 23	Японцы	86, 43	Железо	0
Якуты	10, 20	Монголы	85, 00	Эпоха трех гос-в	0
Неолит	10, 18	Якуты	83, 60	Эпоха Корё- Чосон	0
Хакасы	10, 17	Буряты	80, 60	Прибайкалье, неолит	0
Палеолит	10, 16	Тувинцы	64. 70	Прибайкалье,б ронза	0
Шорцы	10, 12	Орочи	62. 30	Австралийцы	0
Эпоха трех гос-в	10, 04	Эвенки	61. 50	Палеолит	
Эвенки	10, 00	Ульчи	61. 30	Неолит	
Ульчи	10, 00	Палеолит	50. 00	Якуты	
Буряты	9,8 5	Австралийцы	43. 00	Малайцы	
Монголы	9,8 2	Хакасы	24, 90	Эскимосы	
Железо	9,6 2	Шорцы	14. 70	Алеуты	
Орочи	9,5 0	Малайцы		Индейцы пекос	

Результатами проведенных исследований Пан Мин Кю подтверждается, что насельники Корейского полуострова относятся к большому монголоидному антропологическому варианту современного человечества. Стоит отметить, что при помощи сравнительного анализа одонтологической характеристики насельников Корейского полуострова отдельных временных этапов становится возможным более четко проследить их антропологическую преемственность и предположительные миграции, например, из континентальных районов Азиатского материка, Арктического региона или регионов Юго-Восточной Азии. Подобное заключение представляется вполне ожидаемым для Корейского полуострова, учитывая его географическое положение на стыке многих миграционных путей.

Таким образом, можно отметить, что одонтологический облик корейцев достаточно специфичен.

Касательно генетических данных, в отечественной науке это направление не столь развито, нежели в зарубежной. Приведем лишь некоторые данные. Так, Дашибалов апеллирует данными генетиков, нашедших идентичный набор генов у бурят и корейцев, которые упоминаются в статье И.К. Дамбуевой, о том, что бурятскую популяцию также включили в кластер, представленный популяциями некоторых азиатских народов (монгольского, корейского, китайского, алтайского и якутского) [Дамбуева, 1998, с. 53].

Наиболее этнически обусловленными, а следовательно, и доказательными для этногенеза выступают археологические памятники, возникновение которых не связано ни с внешней природной средой, ни с техническим или хозяйственным приспособлением к ней, а определяется непосредственно жизнью общества, отношениями внутри него [Итс, 1991, с. 121].

Вопросы археологии Когурё нашли свое частичное отражение в работах советских археологов, изучающих древнейшую историю Дальнего

Востока: А.П. Окладникова, Г.И. Андреева, Ж.В. Андреевой, В.Е. Ларичева, Э.В. Шавкунова, Д.Л. Бродянского.

Далее, рассматривая археологический аспект этногенеза корейского этноса, в первую очередь следует привести хронологическую таблицу эпох палеолита, мезолита, неолита Кореи в редакции отечественных и зарубежных (южно-северокорейских) ученых:

Таблица 6. Хронология эпох палеолита, мезолита, неолита Кореи

	Эпоха	Время
	Ранний либо нижний палеолит	700 тыс.-120 тыс. лет до н.э.
	Средний палеолит	120 тыс.-50 тыс. лет до н.э.
	Поздний либо верхний палеолит	50тыс.-10тыс. лет до н.э.
	Период мезолита	VIII по VI тыс. до н.э.
	Период неолита	VI по I тыс. до н.э.

Период мезолита, по мнению ученых, не имел большого значения для этнической истории насельников Корейского полуострова, период неолита считается революционной эпохой для Корейского полуострова [Курбанов, с. 17-18].

Таблица 7. Хронология эпох палеолита, мезолита, неолита Кореи южно- и северокорейскими учеными

Южнокорейские историки			Северокорейские историки		
Период неолита					
ранний	развитый или средний	поздний	ранний	средний	поздний
с VI до середины III тыс. до н.э.	с середины III до II тыс. до н.э.	со II по I тыс. до н.э.	IV тыс. до н.э.	III тыс.,	III-II тыс. до н.э.

В работе отечественного востоковеда М.В. Воробьева «Древняя Корея. Историко-археологический очерк» обобщен и систематизирован богатый материал по археологии Кореи. Обращаясь к таблице относительной хронологии памятников среднего и позднего палеолита Кореи, М.В. Воробьев отмечает, что носители культуры Сокчан-ни, видимо, являются предками тихоокеанских монголоидов.

Как отмечает С.В. Лаптев, особенность корейского неолита состоит в том, что он выходит далеко за пределы собственно Корейского полуострова, имея продолжение основных типов в Северо-Восточном Китае (Ляодунский полуостров) и в российском Южном Приморье. Неолитическая культура Корейского полуострова в целом гомогенна, но в ней можно выделить три региональных подкультуры – Унха, Мисон и Сопхохан. В соответствии с этим отметим, что культура Унха локализуется в южной части Корейского полуострова, включая Чечжудо и другие острова, культура Мисон – в северо-западной части Корейского полуострова, и обнаруживают близкое

сходство с керамикой культуры Синьлэ на Ляодунском полуострове, включая сам памятник Синьлэ и слои первого периода в Сяочжушань. На севере характерные черты культуры Мисон доходят до китайских провинций Цзилинь и части Хэйлуцзян, ограничиваясь с севера течением реки Сунхуацзян, культура Сопхохан занимает северо-восточную часть Корейского полуострова, а ее западная граница доходит до Приморского Края.

Самые древние из открытых на севере Кореи памятников неолита датируются V тыс. до н. э. Например землянку, обнаруженную в нижнем культурном горизонте стоянки Сопхохан I, котлован которой достигает 1 м в глубину, длина жилища составляет 12 м, ширина – 6 м. Основная масса культурных остатков концентрировалась вокруг очагов: грубые мотыги, которые служили для обработки земли, грузила из галек, каменные наконечники стрел, копья, изготовленные из рогов оленя, а также гарпун.

В. Е. Ларичев отмечает, что такой разнообразный инструментарий свидетельствует о многоотраслевом хозяйстве ранненеолитических обитателей Кореи. Они не только охотились, ловили рыбу, но и занимались примитивным земледелием, а судя по наличию в кухонных отбросах костей крупных морских животных, выходили на промысел в море.

К более позднему периоду раннего неолита (вторая половина IV тыс. до н.э.) относятся поселения Сопхохан II, Кунсан I и Цитхаб. Большинство жилищ второго этапа раннего неолита круглые, но встречаются четырехугольные, полуземлянки, углубленные в землю на 50-70 см или 120-130 см. Среди инвентаря, найденного в жилищах, также встречается много изделий, связанных с сельскохозяйственным производством: мотыги из камня и рога, зернотерки и куранты к ним, копалки. Следовательно, земледелие по-прежнему оставалось одной из ведущих отраслей хозяйства. Главные орудия охоты – копья и наконечники стрел – изготавливали из камня путем оббивки или шлифования, а также из кости или рога [Ларичев, 1977, с.

113].

Как отмечает В.Е. Ларичев, к позднему этапу неолита археологи КНДР относят стоянки, датируемые III тыс. до н. э. Поздненеолитическая культура охватывает не только территорию полуострова, но и распространяется на запад, занимая бассейн р. Ляхэ, вплоть до пустынно-степных районов Внутренней Монголии. В то же время особенности культуры финального неолита не оставляют сомнений в самом тесном родстве ее с культурой предшествующего этапа, представленного памятниками типа Сопхохан II и Кунсан II. Например, культуру первой половины III тыс. до н.э. представляют памятники Сопхохан III, Кунсан II, Комын-Кэбон (уезд Юсон, провинции Северный Хамген), Амса (уезд Кванчжу, провинции Кенги), Тонсандон (г. Пусан, провинции Южный Кенсан), Кымтхан I (г. Пхеньян, район Садон), 7-е жилище стоянки Седюк (уезд Енбён, провинции Пхёнан) [Там же, с. 115].

Р.Ш. Джарылгасинова полагала, что ранние «культурные» герои – основатели и культуртрегеры лишены расовой или этнической характеристики. В своей работе, исходя из этнографических наблюдений, она доказывает, что постоянные связи и контакты населения Кореи и народов языков алтайской семьи носили характер связей с родственными народами.

Как отмечает М.А. Стоякин, на территории Республики Корея к 2006 г. было обнаружено 92 археологических объекта, отнесенных к периоду Когурё, которые были расположены в районе рек Имджин, Хантхан, Ханган, в районе Сеула, на равнине Янджу и иных местах.

Было установлено, что основным типом памятников являются небольшие укрепления, приуроченные к отдельно стоящим сопкам и холмам, в то время как горные и равнинные крепости редки. В течение последнего десятилетия южнокорейскими учеными были проведены археологические исследования на нескольких небольших памятниках,

которые можно назвать «фортами».

Здесь следует особо отметить тот факт, что на форте Куыйдон найдено около 1 300 наконечников стрел (известно, что когурёсцы были отличными стрелками). На других фортах наконечники стрел также представляют наиболее массовую категорию находок, в основном черешковые, долотовидные [Стойкин, 2010, с. 151-157].

Носителей гребенчатой керамики считают палеоазиатов, а гладкой керамики – северных тунгусов. Надо отметить, что и гребенчатая, и гладкая керамика достаточно обширно распространились в данном регионе.

Как отмечает Джарылгасинова, изучение проблемы этногенеза невозможно без анализа данных эпиграфики, благодаря которой можно по-новому подойти к датировке отдельных памятников культуры, уточнить общую хронологию древней истории Кореи, определить уровень социально-экономического и культурного развития народов древней и раннесредневековой Кореи. Ценность корейских эпиграфических памятников в том, что эти современники событий – самые ранние свидетельства корейцев о самих себе.

Важнейшая особенность корейской эпиграфики заключается в том, что она, как и эпиграфика других народов дальневосточного историко-культурного региона, развивалась в лоне китайской иероглифической письменности. Классическим языком литературы, истории и официальных документов этого региона был вэньянь, который, по определению Н. И. Конрада, выполнял роль «международного литературного языка», имея свои варианты и в Корее (ханмун), и в Японии (камбун), и во Вьетнаме (ханван) [Джарылгасинова].

Свидетельства эпиграфики как важнейшего источника по проблемам этногенеза и этнической истории исследуются в работах Н. Г. Краснодембской, Л. В. Никулиной, З. Г. Лапиной, К. В. Васильева, М. В. Воробьева, Р. Ш. Джарылгасиновой, Д. В. Деопика, опубликованных в

сборнике «Эпиграфика Восточной и Южной Азии», подготовленного Институтом этнографии АН СССР (Эпиграфика Восточной и Южной Азии).

История сохранила имена нескольких выдающихся ученых, писателей, художников, каллиграфов периода Трех государств и Объединенного Силла, которые были также и авторами надписей, создателями эпиграфических памятников – Сольчхон (VII в.), Янджи, Чхве Чхивон.

Эпиграфическое наследие Кореи периода Трех государств – Когурё, Пэкче и Силла, а также времени Объединенного Силла, богато и разнообразно. Среди эпиграфических памятников раннесредневековой Кореи выделяются каменные стелы мемориально-светского и ритуального содержания, кирпичи и черепица с надписями, металлические и глиняные печати, эпитафии и пояснительные тексты на стенах гробниц, надписи на предметах культа и утвари.

Эпиграфические памятники, в частности «Стела Квангэтхо-вана», будучи важными историко-этнографическими источниками, вводят в мир богатой духовной культуры Кореи IV-V вв., в мир литературы, каллиграфии, изобразительного искусства, эстетических идеалов и воззрений, присущих эпохе раннего Средневековья.

Для изучения истории Кореи периода Трех государств особое значение имеет стела, установленная в 414 г. в память о когурёском правителе Квангэтхо-ване (391-412 гг.), так как сохранившаяся на ней надпись является ярким свидетельством важного этапа этнической консолидации древнекорейских народов. «Стела Квангэтхо-вана» – это первое из сохранившихся до нашего времени крупных эпиграфических сочинений древних корейцев, а Квангэтхо-ван – один из выдающихся правителей и военачальников древнекорейского государства Когурё. В период его правления Когурё вело активную политику на Корейском полуострове и на территории современного Северо-Восточного Китая. Надпись на стеле повествует о взаимоотношениях Когурё с северными кочевыми народами, а

также с народами пуё и сиксин.

Как правило, именно надписи на стелах представляют собой наиболее развернутые тексты, на стелах мы находим разного рода сведения, которые дают представление об уровне и характере развития письменной культуры, заключают в себе важнейшие историко-этнографические и другие свидетельства о мифологии и истории, жизнеописания правителей, сообщения об их указах и политических актах, биографии выдающихся деятелей, героев, священников, описания строительства храмов, празднеств, обрядов, ритуалов. Следует принять при этом во внимание то, что «очевидные мемориальные и панегирические цели надписей диктовали определенный литературный этикет – объект изображения, пафосность, стилевую тональность, лаконизм» (Никулин, 1977, с. 24).

Надпись на стеле не только характеризует политические и экономические взаимоотношения IV-V вв., но и содержит интересный этнонимический материал, анализ которого способствует восстановлению картины этнических процессов на Корейском полуострове и в соседних регионах. Ценным источником для изучения исторической географии и расселения различных этнических групп является богатейший топонимический материал.

Являясь уникальным документом своей эпохи, произведением «монументальной письменности», «Стела Квангэтхо-вана» вобрала в себя мотивы, сюжеты мифологических и легендарных преданий, фрагменты исторических хроник и хозяйственной документации, приемы и художественные образы раннесредневековой литературы. В ней мы находим отражение важного этапа в развитии этнической истории, политических и идеологических воззрений раннесредневекового корейского общества.

«Стела Квангэтхо-вана» в настоящее время является самым ранним из известных науке монументальных эпиграфических памятников древней и

раннесредневековой Кореи. Но, как всякое историческое и литературное произведение, оно существовало и существует в ряду аналогичных памятников своей эпохи – как предшествующих, так и последующих. Без определения места стелы в эпиграфическом наследии корейского народа невозможно в полной мере понять ее значения.

«Стела Квангэтхо-вана» – это уникальный и своеобразный источник по ранней истории, культуре и этнографии Кореи, переведенный на современный корейский язык, а также на японский, французский, английский и русский языки. И хотя палеографический, лингвистический и исторический аспекты изучения памятника имеют богатую традицию, многие трактовки по-прежнему продолжают вызывать жаркие дискуссии.

Большой интерес представляют результаты проведенного исследования бурятского ученого Б.Б. Дашибалова, который также обратился к проблеме происхождения корейского народа. Дашибалов отмечает, что при изучении культуриогенеза Байкальской Сибири им выявлено три важных обстоятельства:

- в формировании байкальских археологических культур имеется восточноазиатский субстрат;
- в байкальской археологии восточноазиатские элементы «живут» долго;
- восточноазиатские традиции есть у бурят.

В ходе исследования курумчинской культуры (эпоха средневековья) были обнаружены предметы, имеющие сходство с находками в археологии Кореи (бронзовые восьмиконечные бубенчики, колокольчики и т.д.). Отмечается близость курумчинских петроглифов к фрескам Когуре. Сходны планиграфия и архитектура горных укреплений Байкала и корейских горных крепостей. Эти археологические параллели побудили Дашибалова обратиться к другим источникам. На территориях Ляодун и Южной Маньчжурии, населенными протомонгольскими этносами, к которым

исследователями были отнесены дунху, происходили процессы этнических и культурных контактов общего предка корейского и монгольского народов. Однако впоследствии произошло разделение, в результате которого одна часть участвовала в генезисе корейцев, а другая – «хори» освоила берег Байкала. По мнению Дашибалова, это явилось предпосылкой упоминания о корейском народе как единокровных братьях в бурятском фольклоре. Археологи же, в свою очередь, обнаружили несколько вещественных доказательств родства. Как отмечает Дашибалов Э.Б. в своей диссертации, многие исследователи делают сопоставление культуры дунхусского народа (предков монголоязычного народа) с плиточным могилами [Дашибалов, 2011, с.13, 16].

Восточными и северо-восточными соседями дунхусцев были предки тунгусо-маньчжурских народов, которые занимались земледелием, рыболовством, охотой. Это были различные оседлые племена, которые по китайским анналам именовались *дун и*, в переводе с китайского языка – «восточные иноземцы» (*дун* – восточные, *и* – иноземцы). Сведения о данных племенах присутствуют в китайских династийных хрониках «Хоу Хань шу» и «Саньго чжи», описание которых переведено в «Хоу Хань шу» более ста лет назад Н.Я. Бичуриным. М.Н. Пак пишет: «...аналогичное же описание в «Саньго чжи», содержащее гораздо больше интересных фактов о социально-экономическом развитии племен, населявших Корейский полуостров и прилегающую территорию, до сих пор на русский язык не переводилось» [Пак, 2009, с. 17]. Самые ранние же упоминания о *дун и*, по сведениям Р.Ш. Джарылгасиновой, встречаются в эпиграфических памятниках эпохи Инь.

С юго-восточной стороны дунхусцы соседствовали с земледельческими предками когурёсцев (северных корейцев). Б.Б. Дашибалов отмечает, что в китайских летописях Таскиным говорится о кочевническом образе жизни *дунху*. Однако Дашибалов отмечает, что данное утверждение может

считаться верным только степные *дунху*. По его мнению, потомками народа дунху являются *ухуани, сяньби, цифу, туфа, мужуны, шивэй, киданиш, туюйхуни, жуаньжуни* [Дашибалов, 2005, с. 29] .

После разгрома дунху хуннами, часть из них кочевала там же под подчинением хунн, другие ушли на север и стали именоваться по названию Ухуаньских и Сяньбийских гор (в китайских хрониках – *ухуань* и *сяньби*). Сяньбийцы, в свою очередь, также подразделялись на северных и южных. Г.Н. Румянцевым *сяньбийцы*, которые распространились до Байкала и разгромили *хунну*, говорили на монгольском языке, относились к протомонгольским племенам [Румянцев, 1962, с. 106].

Так, на Иволгинском городище костей собак и свиней найдено на десять процентов больше, чем костей лошадей и овец. Следовательно, предки бурят тоже употребляли собак в пищу. Там же находили каны, или *ондоли* (по-корейски) – древние отопительные системы, характерные для бурятских народов. В-третьих, во многих погребениях на берегах Байкала часто встречаются культовые вещи, сосуды и украшения, например, такие как бронзовые колокольчики и бубенчики, характерные для древних культур Кореи, Северного Китая и Японии. В-четвертых, сложные криволинейные линии орнамента, принятые в дальневосточной культуре, используются и у бурят. В пользу близкого родства бурят с корейцами говорят и другие, биологические и антропологические исследования – жесткая структура волос, наличие «монгольского пятна» у младенцев или, как говорят японцы и корейцы, «отметины Чингисхана».

Значительное место в комплексе научных источников для решения этнокультурогических проблем занимают языковые данные. Языкознание нередко предоставляет возможность заглянуть в очень ранние этапы этногенеза, этнической истории народа. Одним из основных достижений лингвистов-компаративистов является генеалогическая классификация языков мира по принципу родства в языковых семьях и их ветвях и группах.

Именно генеалогическая классификация языков принимается этнографами для исследования историко-культурных связей этносов, да и самой классификации этносов.

Все это дает основания при этногенетических исследованиях обращать внимание прежде всего на языковое родство самого этноса с соседями или возможными предками и потомками.

Как известно, бурятский язык отнесен к группе алтайской языковой семьи. Изначально была урало-алтайская семья, куда относились финно-угорские, самодийские, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские. Затем ученые отсюда выделили две языковых семьи: уральскую и алтайскую. К алтайской языковой семье относятся тюркский, монгольский и тунгусо-маньчжурский языки. Позже Поливановым и Рамstedом в состав данной языковой семьи были включены корейский и японский языки на основании лексических и грамматических сходжений. Однако данная теория имеет немало противников, например, Дж. Клоусон категоричен в том, что «алтайская теория неправомерна».

Б.Б. Дашибалов также находит лингвистические сходства, сравнивая слова: корейское – ондоли и бурятское – һандали. Они обозначают лежанку в корейском языке и скамейку – в бурятском [Там же, с. 13].

Далее следует обратиться к этнониму слова «хори». Отметив схожесть слов «хори» и «корейцы», ученый отмечает, что в мифологическом аспекте, а именно в легендах, присутствуют упоминания о контактах с корейскими народами. Например, в одной легенде говорится, что когда-то в Монголии жил Хун-Тайжи-хан, у которого было четверо сыновей: от Барга-батора произошел якутский народ, от Шоно-батор – родоначальник корейского народа, Сэрэн-Галдан – булгадов, Хоредой убгун – племен хори и шарайд». Также ученый отмечает, что хори (дунху) сформировали не только аристократическую верхушку древней Кореи, но и вошли в правящую элиту соседних государств Восточной Азии.

Особое место в ряду языковых материалов занимают ономастические – этнонимы, антропонимы, топонимы (включая гидронимию) и даже зоонимы. Этнонимы довольно часто встречаются и в письменных источниках, и в устной традиции.

В этногенетических исследованиях существенное место занимают письменные источники, факты письменной истории. Как известно, письменность – культурное достижение классового общества. В силу этого она исторически ограничена, и количество древних письменностей ничтожно мало в сравнении с числом современных им этносов. Самым ценным в письменных источниках являются этнонимы и топонимы, сюжеты культуры (особенно духовной), а также элементы словаря – набор иноэтничных слов [Итс, 1991, с. 124].

В первую очередь рассмотрим этноним «когурё». Здесь следует обратиться к трудам Р.Ш. Джарылгасиновой, которая указывает, что данный этноним можно разделить на два слова – «ко» и «гурё», где «ко» трактуется как «когурё» – «варвары ко (гао), жившие на северо-востоке варвары, есть когурё (гаогюйли)». Так в стеле, рассказывающей о походе вэйского полководца Гу аньцю Цзяна на когурёсцев в 244 г., сохранилась самая ранняя в эпиграфических памятниках запись этнонима «когурё», где прослеживается два варианта фиксации: в форме «когурё» и «курё», причем иероглиф «рё» записан с детерминативом «лошадь».

Что касается термина «ко», Р.Ш. Джарылгасинова, опираясь на данные различных ученых отмечает, что существуют разные трактовки: «К. Сиратори склонен связывать это слово с такими понятиями, как «киви» в монгольском языке и «ки» в тунгусском (имеющими значение «гора»), этимологию этнонима «когурё» возводит к понятию «горная крепость», Ли Бёндо и Ким Джэвон возводят слово, обозначенное иероглифом «ко», к понятию «первое, ведущее место» и полагают, что оно произносилось «сури», «сор», «сот», «сорит».

Этноним «гурё» встречается у нескольких историков: Хан Чхиюна и Цай Чжэна. Также существует иное толкование данного этнонима. Э.В. Шавунков этноним «гурё» сравнивает с манчжурскими словами «гиоро» и «гурунь», нанайским «голо» – «владение», «страна», «государство». Здесь важно привести позицию ряда исследователей, которые при выявлении этимологии слова «гурё», отмечают фонетическую близость к древнекогурёскому слову «куру» – город.

Джарылгасиновой при выяснении этнонима «когурё» было изучено иероглифическое написание данного слова, в результате чего отмечено, что при написании этнонима «когурё» лишь с иероглифами «гу» и «рё» употреблялся детерминатив «лошадь» («ма»). По Джарылгасиновой, можно выделить три основных предположения относительно объяснения употребления детерминатива «лошадь»:

- как своеобразная форма уничижения древними китайцами одного из народов, которыми они считали варварскими;
- как один из циклических знаков при написании названий и некоторых народов;
- как вариант того, что коневодство в хозяйстве когурёсцев играло немаловажную роль [Джарылгасинова, 1972, с. 56-59].

Здесь следует отметить, что последний вывод имеет важное значение, т.к. выступает в пользу северной гипотезы происхождения.

Э.В. Шавкунов этноним «когурё» относит к понятию «владение рода Ко» или «государство Ко». По мнению корейских ученых Ли Бёндо и Ким Джэвон, термин «когурё» может быть этимологизирован как «центральный город», «столица». Н.Я. Бичурин писал: «В конце второго столетия перед Рождеством Христовым усилился тунгусский Дом Гао (когурё)».

А.Г. Лубенцов в 1897 г. утверждал: «Тунгусское племя Каори (Кори, Каоли) явилось в Корею с берегов реки Сунгари». У тунгусов Якутии до сих пор существует коринский род эвенов и эвенков, общность культуры и быта

корейцев, тунгусо-маньчжуров и протомонголов.

По данным этнонимии и топонимии Кореи, также можно говорить о связях с протомонгольскими этносами. В первую очередь это страна Кори, (по названию Кори впоследствии назвали Кореей). Также многие ученые (Ги Мун, Сиратори, Чжэ Вон) исследовали этимологии слов Курё (гурё) и отметили сходство со словами куру – город и древнего корня кор – пещера, укрытие, крепость [Джарылгасинова, 1970, с. 101]. По Дашибалову, семантику этих слов можно сопоставить и со словами из монгольского языка: хурээ – ограда, круг. Как известно, основателем Пуё считается Тонмён, который, как отмечает Джарылгасинова, происходит родом из северной страны кочевников Кори (Гаоли) [Воробьев, 1997, с. 106]. Также Дашибалов отмечает, что существует большая близость исторических судеб монголов – дунху (хори) (которые занимали земли, непосредственно тяготеющие к Корейскому полуострову) и древнекорейского народа. Первыми исследователями Сибири Г.Ф. Миллером и И.Э. Фишером была установлена принадлежность бурят к монгольским народам. Г.Ф. Миллер прежним ареалом проживания бурят считал местности, связанные с р. Амур, а бурятский народ относил к пришлому народу Прибайкалья [Дашибалов, 2005, с. 7, 47].

Исследователь приходит к выводу, что народ дунху правильно будет называть хори-монголы. Они были кочевниками и земледельцами, их высокий культурный и интеллектуальный потенциал привел к тому, что они стали во главе многочисленных племен и сформировали несколько разных народов. И изготовление стремен, которые, как считается, изобрели корейцы, по утверждению ученого, на самом деле придумали хори-монголы, ведь корейцы занимались земледелием. За стременами пошла седло и сабля как неразрывная цепочка изобретений, давшая хорам возможность доминировать от Дальнего Востока до Дуная.

С.М. Широкогоров в 1918 г. провел некоторые исследования у

тунгусов, говорящих на диалекте майкова, совершил кратковременную поездку в Маньчжурию, встретился с несколькими тунгусами. В период с 1912 по 1918 г. он жил с небольшими перерывами среди различных групп тунгусов-оленеводов и кочевников Сибири и Маньчжурии, а также у маньчжуров, солонов и дагуров. Основное внимание его было направлено на этнографическое исследование тунгусов, изучение тунгусских диалектов и маньчжурского языка в области Айгун и Пекине, собирание антропометрического материала у тунгусов и других групп населения. Его исследовательские интересы распространялись не только на области, традиционно относящиеся к этнографии и физической антропологии, но охватывали также географическое и археологическое изучение Дальнего Востока и Сибири.

Тунгусы были разделены на северную и южную группы по географическому распределению, языку, обычаям, поселениями. Северные тунгусы жили в бассейнах трех великих рек – Енисея, Лены, Амура и к востоку – на Камчатке, а также включая Баргузин, Байкал, Верхнюю Ангару и Нерчинск. Северные тунгусы в основном жили охотой и разведением оленей, а в последние двести лет имели дело с торговцами пушниной.

Южные Забайкальские группы тунгусов солоны и дауры были отделены друг от друга горными хребтами Большого Хингана, в регионах рек Хэйлунцзян, Сунгари, Амур, Аргунь и их притоков. По Широкогорову, они существовали за счет разведения крупного рогатого скота, лошадей и оленей, а также за счет сельского хозяйства. Термин «тунгус», по Широкогорову, происходит от якутов, которые называли своих соседей этим словом.

Что касается образования государства Когурё, М.Н. Пак отмечал, что процесс его завершился в III-IV вв. В 1968 г. он подтвердил свою мысль: «О времени образования государства Когурё нет единого мнения у исследователей, но в конце IV и в V в. Когурё было уже сильным

государством, занимавшим обширную территорию всей северной части Корейского полуострова [Пак, 1961, с. 115-138].

Р.Ш. Джарылгасинова в своих выводах говорит об участии в этногенезе когурёсцев одного из древнейших этнических пластов Корейского полуострова, известного по письменным источникам под собирательными названиями е, мэк, емэк. На данном этапе нам представляется возможным выделить два основных компонента, сыгравших главную роль в их происхождении. Это северный компонент, отражающий родство с пуё, и местный, связанный с древним народом ё. Первый включал когурёсцев в семью тунгусо-маньчжурских народов, а родство с народом ё, возможно, свидетельствует о наличии в этническом составе когурёсцев палеоазиатских вкраплений [Пан, Бахолдина, 2008, с. 157].

Также обратимся к Н.В. Абаеву, китаеведу, буддологу, который отмечает, что одним из этнонимов, обозначавших древних корейцев в китайских источниках был «гоули», который может читаться «гуры», что является производной формой (или, точнее, диалектным вариантом) от слова «хор». Вследствие чего приходит к выводу о том, что это позволяет объяснить, почему у древних когурёсцев (значительная часть которых была типичными центрально-азиатскими кочевниками-коневодами), возникают такие развитые традиции каменного зодчества (в частности, градостроительство, постройки каменных замков, крепостей, пирамид и т.д.), которые не похожи на китайские свайные и каркасные конструкции, а также на среднеазиатские постройки из саманного кирпича, но очень близки к древнетангутским, тибетским и иранским.

Также следует упомянуть о том, что район реки Туманган¹⁰, название которой можно перевести как «Река – Врата Богини Земли» (прилегающие к

¹⁰ Река на большей части пограничная между Китаем и КНДР, в низовьях — между КНДР и Россией. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F>]

реке Туманган земли), издревле были исконно корейской территорией (по Забровской). В период наивысшего могущества хунну, этот район, видимо, был зоной интенсивного взаимодействия предков корейцев с хуннусскими этносами, в том числе с теми, которые пришли с северо-запада (не исключая, разумеется, и северного, т.е. сяньбийского протомонгольского и тунгусо-маньчжурского). Но в любом случае эти этнообразующие группы в древнекорейских государствах не имели прямого отношения к китайцам, жителям «срединной равнины». Поэтому утверждения китайских историков о том, что государственность в Корее возникла в результате миграций из древнего Китая, лишена серьезных оснований, хотя огромное влияние китайской культуры на соседние народы отрицать нельзя. На наш взгляд, мысль автора является обоснованной. Тем не менее следует иметь в виду, что, например, упоминаемый в связи с китайскими влияниями на этнокультурогенез и формирование ранней государственности в Древней Корее беглый чжоусский сановник Цицзы не мог сыграть в этом процессе решающей роли уже хотя бы потому, что рассматривал свое изгнание как вынужденное и временное пребывание среди «варваров» в чужой и дикой «варварской стране», и об этом сказано в древнейшем памятнике китайской мысли «Ицзин» (гексаграмма «мин-и» №36).

Что же касается особенностей этносоциальной организации и самоорганизации более «классических» номадов Центральной и Северной Азии, длительное время сохранявших традиционный полукочевой образ жизни в рамках суперэтнических жестко-централизованных государств имперского или конфедеративного характера (но в обоих случаях сочетающих сильную центральную власть с гибкой системой самоорганизации и саморегуляции), то у них, как например, у урянхайцев, относительно «малые» этносы и этнические группы, входящие в более крупные суперэтнические образования (союзы и федерации племен, территориальные объединения и др.) всегда сохраняли определенные

формы автономии и самоуправления на низших и средних уровнях самоорганизации, а также значительные локальные этнокультурные различия [Абаев, 2004, с.758-762].

Также ученым отмечается, что древние корейцы имели очень тесные и разнообразные этнокультурные связи с Центральной Азией и Саяно-Алтаем (так, этносы, создавшие древнее корейское государство Когурё//Корё, этногенетически связывает с хорско-гурскими субстратами Внутренней Азии, а этнополитоним «Чосон» – с этнонимом *сяньби* и этногеографическим понятием Саяны [Там же, с. 743-792].

Большой интерес представляет рассмотрение этногенеза корейцев в русле общей истории алтайского суперэтноса, где исследователи указывают на легенду о Тангуне, время обитания которого относят к неолитической эпохе, по типу к палеосибирякам [Воробьев, 1961, с. 102].

Джарылгасиновой отмечено, что население Кореи постоянно контактировали с другими народностями (протоалтайская, алтайская языковая семья), носило характер связей с родственными народами. Р.Ш. Джарылгасинова отмечает тесное контактирование северных племен Корейского полуострова с соседними племенами. Она отмечает, что китайские народы также переселялись в Корею в несколько этапов на различных временных промежутках, постепенно ассимилируясь. Ученый выделяет родственные связи с тунгусо-маньчжурскими народами [Джарылгасинова, 1960, с. 53,55].

Р.Ш. Джарылгасинова выявляет этнические черты как северного, так и южного происхождения. Как черты, указывающие на северное происхождение, Р.Ш. Джарылгасинова указывает женщину-медведицу из мифа о Тангуне, которая является мотивом человека-зверя, восходящего к тотему северных народов; поклонение горам – также относит к северному мотиву; верхняя гладкая белая одежда с узкими рукавами без украшений также является характерной для северных племен.

К этническим чертам южного происхождения Джарылгасинова относит миф о рождении из яйца героев-основателей царств, культа черепахи, использование в ритуале барабанов, а также татуировка. Однако алтайский этнический мир включает северные черты, а полинезийский – южные черты.

Как отмечает Джарылгасинова, в мифе о предке корейцев Тонмёне упоминается о свиньях. Далее у Дашибалова на этот счет также приводятся аналогии, где он отмечает, что бурятский фольклор также имеет упоминание о свиньях. Например, в сочинении швейцарца Ренье, глава о происхождении бурят содержит фразу где говорится, что народ бурятский был воспитан свиньей [Зиннер, 1968, с. 192]. Также рукопись М. Татринова содержит упоминание о бурятах. Ученый отмечает, что в настоящее время в бурятском историческом сознании упоминание о свинье вытеснено в связи с тем, что его не могли увязать со скотоводческим образом жизни бурятского народа [Дашибалов, 2005, с. 175].

Также, Дашибалов отмечает, что где-то во Внутренней Монголии и Дунбэе размещается в корейских летописях мифическая страна кочевников Кори, в которой родился и вырос основатель первого корейского государства (Когурё-Корё) – Тонмён. По данным ученого, археология показывает, что эти мифы имеют реальную основу [Дашибалов, с.43-48].

Таким образом, Б.Б. Дашибалов приходит к выводу, что у корейского и бурятского народов имеется общий прародитель. Далее также говорится о том, что буряты упоминаются в повествовании о Бальжин-хатан – супруге Бубэй бэйлэ, которая являлась дочерью корейского хана Гулин. В предании Бубэй бэйлэ в большинстве случаев назывался солонгутский князь. Здесь стоит отметить, что бурятами под солонгутами понимается корейский народ [Дашибалов, 2005, с. 175]. Дашибалов основательно рассмотрел взаимосвязь легенд о первопредках бурят и корейцев: зачатие от солнечного луча (Мать Чумон-Тангуна и прародительница бурят Алан-Гоа; сакральность свиньи; почитание лебедя, березы и солнечного луча.

В условиях научно-технической революции единство человечества становится все более очевидным, однако в то же время остается весьма сложным и многообразным. Одно из специфических проявлений этого многообразия представляют этносы или этнические общности. К их изучению в большей или меньшей мере причастны многие научные дисциплины, в связи с тем, что этнические явления в той или иной степени сопряжены почти со всеми сторонами жизни человечества [Бромлей, 1983, с. 3-4].

При изучении этногенеза какого-либо народа, как правило, используется целый комплекс различных факторов, таких как исторический, социологический, сравнительный, антропологический, культурологический и т.д. Большое значение также имеют различные наблюдения ученых, записки путешественников, результаты экспедиционных исследований, фольклорные материалы, устные предания, литературные и письменные источники, различные описания археологических и антропологических данных, результаты одонтологических исследований, в последнее время также большое значение уделяются генетическим исследованиям. С помощью методов ДНК-генеалогии можно выяснить время существования общего предка тех или иных этносов. При рассмотрении всего нескольких десятков или сотен образцов ДНК потомков представляется возможным идентифицировать времена жизни общих предков с точностью, близкой к 10% при 95%-ной достоверности полученных абсолютных значений времени.

Особого внимания заслуживают письменные источники и их изучение. В письменных источниках содержатся описания исторических событий и жизни народа. Важным является и изучение археологических материалов – свидетельств этнической истории и культуры народа. Немаловажную ценность представляют и исследования в области сравнительного языкознания, характеризующихся сравнением некоторых слов различных

языков, с помощью которых можно судить о степени родства, изучить стадии развития культуры. Ведь, как правило, близость языков свидетельствует о родстве народов на генетическом уровне. Для разделения народов по группам этнолингвистической системой используется генеалогическая классификация языков, где языки объединяют по признаку родства, которое устанавливается сравнением словарного фонда и грамматики, и по родству языков можно судить о родстве народов по происхождению.

Как правило, антропологическим материалом охватывается вся история человечества, связывая прошлое и настоящее, что является несомненным преимуществом среди других исторических источников. Большое значение при изучении антропологических материалов имеют полигенные признаки, такие как строение тела, черепные особенности, особенности. Стоит отметить, что данные признаки являются весьма устойчивыми, в связи с чем исследователям предоставляется возможность проследить происхождение физического типа народа через многие поколения. Также благодаря исследованиям антропологического материала ученые-антропологи могут установить преемственность древнего и современного населения, откуда пришел тот или иной народ, были ли миграции и т.д.

Следует отметить, что достаточно важным является следующая функция антропологического материала: фиксирование примеси инородных этнических элементов, причем их появление не всегда является показателем притока нового населения, иногда это может быть следствием культурного взаимодействия.

Уже в период расселения носителей крупнейших групп языков по континентам происходило интенсивное взаимодействие различных этносов, их дифференциация и ассимиляция, исчезновение одних народов и формирование других.

Практически любое описание процесса этногенеза носит гипотетический характер и до настоящего времени нет законченных аргументированных теорий, которые давали бы убедительное описание процесса этногенеза. В этом контексте большой интерес представляет концепция этногенеза русского географа и этнографа Л.Н. Гумилева. Он выдвинул концепцию этногенеза, где выделяется природно-биологический характер этноса. Таким образом, по Гумилеву, этнос является биофизической реальностью, вследствие чего процесс этногенеза видится в реальных природных процессах.

Прежде всего при изучении процесса этнической истории особое внимание следует уделить вопросу о понимании и интерпретации самого термина «генезис». В научной литературе принято считать, что этногенез является процессом исторического зарождения этнических групп в периоды конца плейстоцена – начала эпохи четвертичного периода (голоцен) (от 20 тыс. до 3 тыс. лет до н.э.), когда с возникновением человека разумного закончился процесс антропогенеза, и началось становление ранних форм человеческого общества, зарождение основных типов хозяйственной деятельности, религии, искусства и т.д.

Различия в языке и культуре отдельных групп развились в особые этнические отношения, осознанные людьми и определившие их поведение по отношению друг к другу. Одновременно протекали этнические процессы дифференциации и интеграции – составные части процесса этногенеза. Развитие процесса межэтнической интеграции, распространение антропологических особенностей групп, их языка и элементов культуры происходили накладываясь друг на друга, явившись точкой отсчета расообразования.

Историческая реконструкция процесса этногенеза представляет собой сложную проблему, так как о нем можно судить только по косвенным данным. Это те этнографические материалы, которые могут

рассматриваться как пережитки древнейшего состояния человека, факты археологии и антропологии, сведения об экологии животных, особенно человекообразных обезьян и т.д. Практически любое описание процесса этногенеза носит гипотетический характер, и до настоящего времени нет законченных аргументированных теорий, которые давали бы убедительное описание процесса этногенеза. В этом контексте большой интерес представляет концепция этногенеза Л.Н. Гумилева, русского географа и этнографа.

Л.Н. Гумилев считает, что этнос, находясь в составе биосферы, должен подчиняться действию ее законов, участвуя в соответствующих процессах, протекающих в ней. Эти процессы, гигантские по своим масштабам, обладают энергией, сравнимой с энергетическими затратами величайших геологических процессов. В волнообразных потоках энергии заключается причина загадочных, на первый взгляд, взрывных увеличений популяций живых организмов – саранчи, леммингов, гигантские скопления которых появляются время от времени. Подобное влияние энергии испытывает и человек, только реакция на эти потоки энергии происходит на уровне этносов, а не отдельных индивидов. При сочетании некоторых условий особенно сильная энергетическая вспышка становится началом процесса этногенеза.

В соответствии с концепцией Л. Гумилева, несколько раз в тысячелетие поверхность Земли подвергается воздействию космических излучений, которые вызывают пассионарные толчки, мутации человеческих ген, отвечающих за функцию восприятия организмом энергии внешнего мира. Данные пассионарные толчки характеризуются их особой стихийностью и кратковременностью. Так, по его мнению, за последние 3 тыс. лет были достоверно зафиксированы девять пассионарных толчков: четыре до новой эры и пять за последние 2 тыс. лет.

До мутации человеком получается достаточное количество энергии,

необходимое для нормального функционирования жизнедеятельности. Однако, когда происходит пассионарный толчок, который вызывает мутационные изменения, человеком воспринимается большее количество энергии. Таким образом, пассионарная энергия направляется на завоевательные походы или научные экспедиции, созидание новых религий или научных теорий. В случае, когда люди, имея общую цель и обладающие признаком пассионарности, организуются в благоприятных географических условиях, то в результате происходит процесс зарождения нового этноса, который может завершиться через 130-160 лет с возникновением нового народа [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docs.podelise.ru/docs/index-4079.html?page=14>].

Таким образом, начало процесса этногенеза, по Гумилеву, обусловлено пассионарностью – внутри старого этноса или нескольких этносов появляется некоторое число людей с повышенной тягой к действию. В качестве особенностей данных пассионарных толчков Гумилев выделяет их стихийность и кратковременность. Так, по его мнению, за последние три тысячи лет были зафиксированы девять пассионарных толчков: четыре до новой эры и пять за последние 2000 лет. В четвертом толчке Гумилев выделяет Когурё (к которым относит южную Маньчжурию и Северную Корею), зарождение и упадок Чосона, и как следствие процесс образования племен путем тунгусо-маньчжуро-корейско-китайского населения, которые затем были образованы в первые корейские государства Когурё, Силла, Пэкче (III в. до н. э.) [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docs.podelise.ru/docs/index-4079.html?page=14>].

Таким образом, как отмечает Павлинская, в теории Гумилева можно выделить три ключевых положения: во-первых, имеется два уровня исторического развития: этнический и социально-экономический; во-вторых, этногенез рассматривается как процесс рождения, развития, старения и умирания конкретного этноса; в-третьих, этническая история

планеты включает в себя бесчисленное множество процессов этногенеза, этносы сменяют друг друга, на месте одних возникают другие, а следовательно, процессы этногенеза не прекращаются с появлением нового народа, а являются основной движущей силой его этнического развития, возводящей его на вершину расцвета и сводящей затем в небытие [Павлинская, 2008, с.55-58].

Корейский полуостров уже в глубокой древности был заселен людьми, первобытная культурная традиция прослеживается здесь с эпохи нижнего палеолита (600-500 тыс. лет назад). Материальные следы развития стадии палеолита обнаружены в различных местностях, что позволяет корейским исследователям смело утверждать, что их страна является одним из древнейших очагов культуры человечества. В начале или середине IV тыс. до н.э. с севера в Корею проникли носители неолитической культуры, ставшие основой для формирования протокорейского этноса [Пан Мин Кю, 2009, с. 33].

Мы выделяем три основные концепции – автохтонную, миграционную, метисационную.

Идеи национализма сравниваются с либеральными и демократическими идеями. Национализм характеризуется стремлением к сохранению целостности своего народа, языка, культуры (традиций) и одновременным препятствием к модернизационным и демократизационным процессам. Общеизвестным в науке считается деление национализма на гражданский (государственный) или территориальный – рациональный, основанный на свободном самоопределении личности и этнический – этнонационализм, политический или культурный, который рассматривает нацию как этническую общность.

Весьма интересными являются исследования в области одонтологии. В 60-х гг. XX в. выделяется специальная отрасль антропологии – этническая одонтология, которая занимается изучением строения и изменений зубной

системы человека, в том числе для выяснения этногенетических вопросов. Морфологическое строение зубной системы является одним из важнейших источников биологической и исторической информации в связи с тем, что ряд важных черт зубного рельефа указывает на присутствие древних особенностей. Одонтологические исследования позволяют получить довольно полную информацию о древних формах по палеонтологическим находкам, дают возможность определения пола, возраста, воссоздать картину древних миграций населения и формирования этнических групп [Торбостаев, 2003, с. 47].

По эпохальной динамике одонтологических типов людей представляется возможным узнать о каких-либо миграционных процессах, метисационных явлениях, выяснить возможность антропологической преемственности между эпохами [Пан, 2009, с. 94].

Этническая одонтология изучает особенности строения зубов разных расовых групп как современных, так и древних. Данные такого рода исследований имеют значение не только для биологии, но и для исторических наук, помогая устанавливать степень родства между популяциями и тем самым получать дополнительные сведения, касающиеся происхождения и истории народов [Зубов, 1966, с. 4].

Разные группы человечества отличаются друг от друга по ряду особенностей морфологии зубной системы, складывающихся в характерные комплексы черт. Для обозначения таких специфических морфологических комплексов, типичных для той или иной группы или нескольких групп, мы вводим понятие одонтологический тип. Таким образом, мы можем предположить, что зубная система современного человечества представляет собой продукт длительного накопления редуционных сдвигов, происходивших в разные эпохи, под действием разных факторов и наслаивавшихся друг на друга.

Межгрупповые различия, особенно интересующие нас в данной работе,

возникли также в разные эпохи, то под влиянием изоляции, то в силу вариабильности хода редуционного процесса. Одни признаки имеют более древнее происхождение и характерны для большой расы в целом (они складывались в период действия «второй волны» редукации), другие межгрупповые различия возникли позже, под влиянием новых факторов «третьей волны».

Во все времена существования человечества могли иметь место процессы изоляции, порождавшие иногда чрезвычайно резкое своеобразие одонтологических типов. С другой стороны, в разные эпохи имели место процессы метисации, сглаживавшие возникшие различия. Все это сделало современную одонтологическую карту мира весьма сложной и запутанной, так что работа антрополога в данной области представляет немалые трудности [Зубов, 1966, с. 10].

Важным источником информации служит эпохальная динамика одонтологического типа населения, которая свидетельствует о смене населений, процессах метисации и т.д. [Пан Мин Кю, 2009, с. 28].

Южнокорейские исследователи представляют миграционную и метисационную (открытые теории) концепции. Так, по результатам исследования, корейский ученый Хо Кёнсок с соавторами, который сравнивал одонтологические характеристики населения Кореи двух периодов – древности (1600, 300-1000 лет назад) и современности, констатирует, что между древним и современным населением присутствуют множественные различия, свидетельствующие о миграционной, либо метисационной концепции происхождения современного населения полуострова. Одонтологические исследования Пан Минкю также приходят к соответствующим заключениям.

Миграционная и метисационная концепции находят отражение и в лингвистике. Как отмечает Ли Кимун, ссылаясь на лексические соответствия, корейский и алтайские языки являются генетически

родственными. Но также допускает возможное присутствие южного элемента, например, схожесть в названиях частей тела (корейский и японский языки), фонетике, семантике числительных, фонетических особенностях, характерных для полинезийских языков.

По одной из них, предков населения Корейского полуострова (обладателей гребенчатой керамики), относят к Сибири (а именно их происхождение), по этой версии именно из этого региона произошла их миграция. А обладателей гладкой керамики считают этнически близкими тунгусам, жителям Северного Китая, которые появились в Корее позже в средне или поздне-неолитический период.

Корейские ученые И Кёнсу, Ким Чжонхак, Хан Сынхо, Хо Кёнсок, Ким Чжонбэ, Пак Сончжоу, Квон Игу которыми были проведены ряд исследований по данным лингвистики, физической антропологии (одонтологические характеристики, неметрические вариации скелета и черепа), этнографии и археологии, утверждают о том, что между палеолитической и неолитической эпохами Корейского полуострова нет прямой преемственности (в рамках миграционной концепции) [Пан, 2009, с. 22]. Так, Ким Чжонхак, основываясь на лингвистические, антропологические, этнографические и археологические данные, придерживается мнения о присутствии сибирских элементов в культуре Кореи в рамках миграционной концепции.

Ким Чжонбэ в качестве источника неолитической культуры на Корейском полуострове считает сибирские регионы, прилегающие к оз. Байкал, и Дальний Восток, таким образом, подразумевая возможную неоднократную смену населения Кореи в неолитический период. Сон Чжинтэ, являясь сторонником метисационной концепции, рассматривает формирование корейцев как результат смешения разных племен, обитавших ранее на Корейском полуострове. Местом расселения древних корейцев, по Сон Чжинтэ, считался Корейский полуостров, южная и центральная часть

территории современной Манчжурии. Также ученый считал, что северные, центральные и внутренние южные регионы страны являлись местом обитания сибирских племен, на юге же были племена, родственные японским и индокитайским народам [Пан, 2009, с. 20].

Пак Сончжоу также считает, что в эпоху палеолита население Корейского полуострова было изолированным от других племенных групп, однако в период неолита эта изоляция нарушилась с приходом новых мигрантов из Сибири. Этой же точки зрения придерживается респондент – представитель корейского этноса И Сонмён из России, ниже приведем интервью, его бон¹¹ – местность Гурё:

Исследователь: Вы сказали, что придерживаетесь миграционной концепции происхождения, верно?

Рассказчик: Да, совершенно верно. Мой дед рассказывал, что наши предки пришли со стороны Сибири, Байкала.

Исследователь: Это было аргументированным высказыванием? Были ли какие-либо доказательства?

Рассказчик: Нет, ему рассказывал его отец, что в далекие времена, на Корейский полуостров пришли люди со стороны Сибири.

(электронное интервью с И Сонмён из Россия,
г. Сеул, бон – Гурё, сентябрь 2009 г.)

Квон Игу отмечает, что мелкие орудия, преобладающий охотничий и рыболовный инвентарь, гребенчатая керамика являются общими для корейской неолитической культуры и культуры Сибири, и соответственно Квон Игу приходит к выводу, что создатели также являются родственными

¹¹ Бон (пон, пой) 本 – название местности зарождения рода, откуда ведут свое происхождение предки; клан или род. Например, люди с фамилией Ли могут быть из разных бонов: Ли из Андона («Андонские Ли»), Ли из Кимхэ. В Корее до сих пор каждая семья хранит так называемую «чжокпо», книгу родословной, где отражено генеалогическое древо этой семьи.

между собой [Kwon Yigu, 1990, с.11]. Некоторые корейские археологи в результате своих исследований приходят к выводу, что связь между сибирским и корейским неолитом сомнительна, отмечая, что неолитическая культура Кореи древнее культур Прибайкалья [Дашибалов, 2011, с. 90].

В рамках миграционной концепции также рассматривается и исследователь Хан Сыхо, который в 2001 г. с другими коллегами сравнили корейский народ с другими народами, по характеристикам неметрических вариаций скелета и черепа. В итоге, к корейцам ближе всего оказались казахи и монголы, чем китайцы и японцы.

Так, профессор Ким Чжониль, в рамках все той же миграционной концепции, утверждает что генетически родственными корейцам являются монголы, в частности, буряты. Также, согласно результатам исследований института ДНК при Сеульском национальном университете, где был изучен геном 3000 бурят Монголии, корейцы и буряты имеют некоторые сходства, которых не выявлено у представителей других этносов [세상구경.

Режим доступа: <http://jycha2004.blog.segye.com/tag/바이칼호>].

Интервью с южнокорейским магистрантом

Исследователь: Вы говорите, что корейцы и буряты имеют общего предка, как Вы пришли к такому выводу?

Рассказчик: Да, по проведенным исследованиям наших (корейских исследователей) ученых, стало известно, что мы генетически, очень близки с бурятами. Да и моя мать мне часто говорила о том, что наши предки пришли с Байкала. Я сам очень заинтересовался, когда мама рассказала мне это. Посредством интернет-ресурсов я стал искать, где конкретно находится Байкал, собирать какую-либо информацию, ведь до этого я не знал о нем ничего.

Исследователь: А вы были на Байкале? В Бурятии?

Рассказчик: Да, после того как я узнал где находится озеро Байкал, я стал подробнее изучать про Иркутскую область и Бурятию. В Бурятию я приезжал один раз, через Монголию. Также подробно интересовался бытом и культурой бурятских народов, на мой взгляд явившихся очень близкими корейскому народу. Также прочитал некоторые результаты исследований бурятских ученых о близком родстве двух народов, близких не только по духу.

(электронное интервью с Ким Сонвон
из США, сентябрь 2009 г.)

Стоит отметить, что данные взгляды корейских исследователей, в рамках миграционной концепции, несмотря на недостаточную достоверность генетических исследований, находят большое число приверженцев среди этнических корейцев, которые считают бурят родственными народами.

Однако, генетические данные на современном этапе весьма противоречивы, что свидетельствует о недостаточной готовности к изучению проблематики данным методом. Таким образом, следует признать тот факт, что полагаться полностью на достоверность генетических исследований не следует, необходимо дальнейшее глубокое исследование для установления более ясной картины становления этногенеза.

Однако, среди корейских ученых есть и противники миграционной концепции происхождения корейцев - Чхве Чжонфил, И Сонбок, которые не считают возможным влияние сибирских палеоазиатских племен на процесс формирования древней археологической культуры Корейского полуострова.

В рамках метисационной концепции, прежде всего, следует рассмотреть отличную от общепринятых версию этногенеза корейцев профессора Ким Ука, по результатам генетических исследований (Южная Корея, г Сеул). Он отмечал ханьцев (собственно китайцев) и японцев как

ближайших родственников корейского народа и пришел к выводу, что корейский митохондриальный генофонд весьма многообразен.

Научные взгляды северокорейских исследователей по проблеме происхождения корейцев радикальным образом отличаются от существующих концепций отечественных и зарубежных ученых, в силу идеологических предпочтений. Ими выделяется автохтонная концепция (закртыя теория) происхождения корейцев, согласно которой происходило самостоятельное развитие населения Корейского полуострова в палеолитическую эпоху, исключая какие-либо инородные этнокультурные вкрапления.

Большинство северокорейских ученых считают насельников Корейского полуострова предками современных корейцев, таким образом, исключая какие-либо инородные вкрапления и связи, предполагая чистое, автохтонное развитие корейского этноса.

С середины XX столетия в КНДР вопросом происхождения корейского народа занимаются историки, антропологи, так, Чхве Мёнхак на основании проведенных морфологических сравнений скелетов древнего и современного населения Кореи, найденных на стоянке Назинчодо, не обнаружил различий между ними, наоборот обнаружил сходство некоторых скелетов с палеолитическим населением Японии [Там же, с. 21].

В 1993 г. руководителем Северной Кореи Ким Ир Сенем было дано указание отбросить любые искажения, которым подверглась история Кореи, из-за неверного изложения японских ученых [Курбанов, 2009, с. 39]. Северокорейская английская газета Пиплс дэйли (People's Daily) сообщила об удивительной находке гробницы Тангуна около горы Тхэбэксан в Кандон-ап и Кандон-мён. Заголовки двух первых страниц гласили: «Пятитысячелетняя история гомогенности нации подтверждена» и «Тангун, основатель Древней Кореи, родился в Пхеньяне». 86 костных фрагментов, включая руки, ноги и тазовые сегменты, были определены как

принадлежащие к «Королю Тангуну и его Королеве». Проведенный физико-химический анализ костей позволил узнать их возраст – 3018 г. до н. э. Следовательно, ученые КНДР, стали рассматривать Тангуна, в первую очередь, как историческую личность, а не мифологическую [Там же, с. 25].

Представители научной сферы других стран со скептицизмом приняли новость о данных археологических находках, во-первых, по причине неразрешения правительством КНДР на проведение независимых исследований и тестов.

Исследователь: Вы слышали о том, что в 1993 году в КНДР был найдена гробница Тангуна (останки)?

Рассказчик: Конечно я слышал, мне тогда было двенадцать лет, я помню как родители тогда обсуждали эту новость. Но я в силу возраста, скорее всего, не придавал этому особого значения.

Исследователь: А сейчас, что вы считаете по этому поводу?

Рассказчик: Мне кажется это «удачная» фабрикация.

(электронное интервью с И Кибэк из США, сентябрь 2009 г.)

Как видим, не только ученые круги отнеслись скептически к этому событию, достоверности данного факта.

Также приведем интервью с корейцем из КНДР:

Исследователь: У вас в Пхеньяне была обнаружена гробница Тангуна, как вы отнеслись к этому? Это достоверный факт на ваш взгляд?

Рассказчик: Конечно! Обнаружение гробницы Тангуна лишний раз подтверждает, что наш народ имеет автохтонное происхождение, без смешений с какими-либо другими народами.

(электронное интервью с Чхве Ёнсон из КНДР,
г. Пхеньян, сентябрь 2010 г.)

В настоящее время гробница Тангуна находится у подножия горы Тэбак, в уезде Кандон города Пхеньяна.

Таким образом, по мнению северокрейнских ученых, данные находки подтвердили, что корейцы – единая нация (автохтонная), чьим родоначальником является Тангун, и что она впервые на Востоке вошла в цивилизацию.

Гробница Тангуна представляет собой могилу в форме пирамиды. Территория гробницы делится на участок памятника в честь реконструкции гробницы Тангуна, участок каменных изваяний и участок могилы.

На первом участке стоят памятник в честь реконструкции гробницы Тангуна, стела в честь заслуг Тангуна и каменные колонны у входа. Каменные колонны в форме стоячих каменных столбов древнего периода Кореи заменяют ворота гробницы. Стоят они рядами по пять с обеих стороны у входа. Самые высокие колонны достигают 10 м, а самые низкие – 1,5 м. На втором участке по обе стороны каменной лестницы стоят каменные скульптуры четверо сыновей и восемь верноподданных Тангуна.

На третьем участке располагаются 9-ти ступенчатая квадратная каменная могила длиной 50 м и высотой 22 м, каменные жертвенник, курильница, тигры в четырех уголках могилы и два каменных столба перед ней. В могиле находятся гробы с останками Тангуна и его жены, на лицевой стене висит портрет Тангуна. Вокруг могилы стоят каменные светильники и пагоды с бронзовым кинжалом в форме пипха – типичным оружием периода Древнего Чосона.

Гробница Тангуна наглядно показывает развитую культуру, политическую, экономическую и военную мощь периода тангунской Кореи. Она воплощает в себе архитектурный стиль могил, типичных для корейской нации, и охраняется как государственное и национальное культурное сокровище [Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.dprk.ru/cult/hismon/08.htm>].

Репрезентация корейцев как *сонмин* (*хорошая раса*) и *пэдаль* (*избранные люди*) также связана с Тангуном как мифическим спасителем, который избавил их от попытки японцев искоренить их корейский народ и культурную идентичность. Концепт *пэдаль* происходит от слова *пакталь*, которое, как говорят, является старинным названием священного дерева тансу (дерево пакталь), на которое в свое время спустился с небес Хванун, отец Тангуна [Chon Kwun-u, 1983, p. 21]. Слово *пэ* также приравнивается к слову *палькын*, которое переводится с корейского как «светлый» или «яркость».

Рассмотрим следующее интервью:

Исследователь: Что вы считаете относительно концепта пэдаль?

Рассказчик: Насколько я знаю, существуют несколько трактовок данного концепта, по одной из них, пэдаль – это и есть древняя Корея, пэдаль можно также трактовать как корейскую нацию, по другой это священное дерево пакталь, на которое снизошел Тангун, и наконец еще один вариант, по которому пэдаль считается страной Тангуна – Тангук.

Исследователь: Довольно интересно, а вы какой версии придерживаетесь?

Рассказчик: Я все-таки придерживаюсь второго варианта, буду реалистичней.

(электронное интервью с Мун Ичон,
родом из Южной Кореи, г. Ульсан, апрель 2010)

Далее рассмотрим историю Древнего Чосона, известного как первое государственное образование на Корейском полуострове, основанное мифическим прародителем Тангуном. Он разделен на три периода: мифический (ранее рассмотренный), датируется 2333-1122 гг. до н.э.,

именуемый «Чосон Тангуна»; легендарный, который называется «Чосон Кичжа», датируется 1122-195 гг. до н.э. и третий, именуемый «Чосон Вимана», датируется 194-108 гг. до н.э.

Некоторые ученые считают, что этнос Древнего Чосона составляли народности «е» и «мэк», также допускается, что это был единый народ «емэк». Ими отмечается, что приход Хвануна с 3-х тыс. свитой следует интерпретировать как процесс миграции протокорейских племен «емэк» из Алтая в направлении Восточной Азии.

Географическое положение Древнего Чосона относят во-первых, к району провинции Ляонин (КНР); северу Корейского полуострова; и в третьих, первоначально центр Древнего Чосона относили к району провинции Ляонин (КНР), который позже перешел на север Корейского полуострова. Таким образом, выделяется три направления в вопросе определения местонахождения Древнего Чосона [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Korea0.htm>].

Корейский ученый Син Чхвехо разработал теорию “A versus Pi-A”, где под «A» подразумеваются собственно корейцы, а под «Pi-A» – другие народы (британцы, американцы, французы, русские и т.д.), которые противопоставляются «A». Здесь, очевидно, можно говорить о том, что для националистически настроенных историков взгляд Син Чхвехо на историю Кореи как процесса национальной борьбы, означал радикальный отход от вековой династийной истории, на которое оказала влияние конфуцианская историография. Начиная с 1930-х гг. его труды по истории Древней Кореи были объявлены в качестве отправной точки националистической интерпретации истории становления этноса Кореи, т.к. они излагают базовые вопросы, касающиеся народа, личности и исторической судьбы Кореи. Син уделяет большое внимание вопросам «первой цивилизации» Кореи, протяженности ее территории на протяжении веков, процессу зарождения и развития философия и религии Кореи на разных этапах,

периоду расцвета и упадка расового и национального самосознания корейцев, отделения других групп, принадлежащих когда-то корейскому этносу (чжурчжени, сяньби, монголы, сюнну (хунну) и их влияния на корейский этнос, развитие классового расслоения общества и т.д.

Конечной целью Син Чхвехо было воссоздать «достоверную» историю Кореи и корейского этноса. Исторические исследования, он подчеркивает: «...должны способствовать «национальному духу и независимости» путем поиска уникальных национальных характеристик, мифов, легенд, героев и событий». В этом патриотическом начинании, он определяет период Сам Чосон, или период трех Чосон (Тангун Чосон, Кичжа Чосон и Виман Чосон), как наиболее независимую и яркую эпоху всей истории Кореи. Среди периода трех Чосон, он сосредоточился на периоде Тангуна, так как считал, что этот период был исторически наиболее значительным. Однако он отклоняет тот факт, что Кичжа был прямым наследником Тангуна. Его взгляды на образ Тангуна также оказались под сильным влиянием нового направления Тэчжонго (религия поклонения Тангуну, как будущему спасителю корейцев).

Другой корейский ученый И Манель, который много писал о националистических взглядах Син Чхвехо, в отличие от взглядов И Манеля, рассматривал столицу Тангуна в Чолбон Пуё, расположенной между горой Чэнбэк (Чанбайшань) вдоль современной границы между Китаем и Кореей. И Манель отмечает, что Син Чхвехо придерживался теории непрерывного локуса «корейского культурного центра» через эту столицу, как демонстрацию связи происхождения корейцев от Тангуна через династическую Когурё. Он также подчеркнул, что по Син Чхвехо, Тангун начинал свои завоевания с горы Чэнбэк (Чанбайшань). В исторических сочинениях Сина, Тангун предстал в качестве первого военного героя корейского народа и стал описываться в учебниках как первая историческая фигура Кореи, известная своими победами.

Вслед за Син Чхвехо, Чхве Намсон (1890-1957 гг.) является известным исследователем в области изучений Тангуна в период колониальной эпохи. Чхве был выдающимся ученым своего времени, крупным буржуазным историком, одним из зачинателей новой корейской литературы. В возрасте пятнадцати лет он был одним из немногих выбранных из средней школы для проведения исследований в Японии на государственную стипендию. Он вернулся спустя четыре года, в 1908 г., и в девятнадцать лет запустил свою собственную типографию. Он также известен как издатель первого литературного журнала просветительского направления «Сонён» (Молодые люди), где печатал свои стихи и поэмы. Во время Движения первого марта (День движения за независимость Кореи) в 1919 г., он составил декларацию независимости Кореи, содержащую умеренную националистическую программу мирного освобождения от колониального господства. С 1925 г. перешел на службу к японским колониальным властям, за что после освобождения Кореи в 1945 г. был клеймен как национальный предатель. В 1939 г. он стал профессором университета Кёнкоку в Японии.

Между 1925 и 1928 гг. Чхве разработал «бульхамскую теорию культуры», которая предполагала, что культура Восточной Азии возникла с Тангуном и источником этой культуры была священная гора Пэкту.

Исследователь: Как вы относитесь к Пульхамской теории культуры?

Рассказчик: Я придеживаюсь данной теории, ибо культуры Манчжурии, Сибири, Кореи – все произошли в одной местности, в одном центре.

(электронное интервью с И Чжэвон, родом из Южной Кореи,
г. Пусан, бон – Намчхон, ноябрь 2010)

Его теория пропагандировала тот факт, что «Тангун является не только первопредком корейского этноса, но и создателем новой цивилизации,

распространившейся по всей Азии и имевшей свои религии – шаманизм и солярный культ, т.е. он объявляет Корею колыбелью мировой цивилизации и родиной солярного мифа. Таким образом, Чхве пропагандирует идею: «долг всех людей Чосона (чосон сарам, по-корейски 조선 사람) основать «Тангунские исследования» как единственный способ сохранить авторитет Тангуна и уважение народа. Чхве и другие корейские националисты утверждали, что легенда о Тангуне систематически подвергалась фабрикации, что японские ученые отрицали подлинность Тангуна как первопредка корейского этноса, считалось, что это было частью системного японского заговора с целью искоренения расовой идентичности Кореи. Тем не менее Чхве лишь косвенно критиковал японские исследования о Тангуне, т.к. не мог открыто осуждать их. Таким образом, Чхве предлагает «три пути к изучению Тангуна»: изучение Тангуна как психологического феномена, который отражает первобытное общество и его культуру; изучение Тангуна с этнологической точки зрения, которая охватывает мифологические, легендарные, религиозные и идеологические анализы и; изучение Тангуна с сравнительной языковой и культурной точек зрения.

Как и Син, он соотносил «Тангун Вангома» с сильным вождем или шаманом правителем, т.к. слово вангом также может произноситься как амкам, что означает «король». Чхве также отмечено, что по-монгольски слово *шаман* звучит как тангиль, что означает чхонгун (небесный принц). Он также заметил, что легенда передает такие силы природы, как ветер, облака, дождь, и сельскохозяйственную продукцию, как чеснок и полынь. Центр королевства был расположен в горных районах и его крепости переносились так же часто, как ее столицы. По теории Чхве, Тангун Вангом прибыл как сын правителя Неба править корейским народом, который стал впоследствии основателем первого Корейского государственного образования. Территориальные границы Кочосона варьировались от Тангунской столицы Асадал до Пхеньяна, охватывающего процветающие

сельскохозяйственные земли на берегу реки Тэдонган. Таким образом, стоит отметить, что Чхве считает фигуру Тангуна в корейской историографии как историческую.

Наряду с произведениями Син Ичхве работа Пэк Намуна (бывшего президента Академии наук КНДР) «Tangun sinhwa e taehan piranjok yongu» («Критический взгляд на легенду о Тангуне») оказала большое влияние на изучение Тангуна как первая марксистская интерпретация легенды о Тангуне. В 1933 г. в тяжелых условиях японского колониального господства Пэк Нам Ун издал монографию «Социально-экономическая история Кореи», где прослеживается попытка анализа социальных отношений, экономики и культуры в период троецарствия в Корее. Ученый осудил работы Син Чхвехо и Чхве Намсона, которые считали Тангуна родоначальником всех цивилизаций Восточной Азии, и выступали за философскую уникальную независимость Чосона. Он подверг критике, в частности, мнение профессора Ода Сого из университета Кеё, который считает, что Тангун является всего лишь духом горы Мёхансан.

Пэк Намун также отметил, что человек изображается в иерархическом отношении ниже Танина (правителя небес) и Тангуна в порядке убывания. По мнению Пэк, эта линия отражает иерархическое устройство привилегированного правящего класса и, следовательно, указывает на зарождающуюся классовую дифференциацию. Медведь символизировал главного по матрилинейной линии, а тигр – военного деятеля. Он предположил, что совместное проживание двух животных в пещере указывает на какое-то совместное правление главы священника и политического лидера. Пэк Намун растолковал историю Тангуна как демонстрацию классовой борьбы и расслоения в древней Корее.

Основное различие его точки зрения заключается в том, что он не изображает Тангуна как предка-основателя корейского этноса, а выделяет «мнимое» происхождение института божественного царства. Марксистская

интерпретация Тангуна, свидетельствующая о появлении первого правящего класса в Корее от раннеэлитарного, кланового, тотемного поклонения общества, продолжает доминировать в современной северокорейской истории.

Ким Чжэвон был первым корейским искусствоведом с европейским образованием, который впоследствии стал первым директором Национального музея после независимости 1945 г. В 1948 г. вышла его статья «Легенда о Тангуне на рельефах алтаря У Лян», где говорится о том, что он обнаружил художественно-исторические и археологические свидетельства существования Тангуна на рельефах могильника династии Хань полуострова Шаньдун. Это была резьба на алтаре семьи У, группы каменных памятников с резьбой, где изображены многие посвященные члены местной дворянской семьи, которая жила в течение I и II в. н. э. в провинции Шаньдун в Китае (рис. 2, приложение). Святыни искусства и архитектуры вдохновляли ученых тысячи лет, и их отличная сохранность архитектурного, художественного изящества и подробные надписи предоставили значительное количество информации по эстетике Хан, представлениях о жизни и смерти, мифологии, религии, морали и космологии.

Наконец, Ким «открыл» рождение Тангуна в изображении двух фигур – тигра и медведя. Он описывает медведя следующим образом: «...имеет “несколько человеческое лицо”, держит алебарду и носит оружие на ногах в виде “ритуального танца шамана”». Справа от медведя Ким увидел «первого человека из клана», небольшую человеческую фигуру, которая выходит из изображения «человеко-тигра». Основные несоответствия здесь, как отмечено, это: «в истинной [то есть корейской] Легенде о Тангуне, это медведь, а не тигр, дает рождение Тангуну». Ким Чжэвон пришел к выводу, что путаница животных стала результатом «незначительных ошибок и искажения (изменений)» в свете длительного времени разделения корейских

письменных легенд и китайской версии во II в. н.э. Ким также отмечает, что резьба II в. отражает влияние доисторических шаманских и северных азиатских культов медведя на легенду о Тангуне.

Корейские историки впоследствии стали полагаться на определение Кима «танцующего» медведя как ключа к пониманию истоков мифа о Тангуне. Изображение на алтаре семьи У в настоящее время представлено как археологические доказательства того, что история о Тангуне не является фабрикацией XIII в. Откровения Ким Чжэвона стали поворотным пунктом в изучении Тангуна, потому что его результаты вызвали дальнейший поиск материалов, оставшихся от «культурной сферы Тонги» на полуострове Шаньдун.

Кроме того, маловероятно, что среди тщательно интегрированной иконографии алтаря семьи У, есть только одна пара фигур – тигра и медведя, которые представляют совершенно отдельный мифологический комплекс. Идентификация Тангуна Ким Чжэвоном кажется интригующей только потому, что он изолировал фигуры тигра и медведя от сотен композиций и сюжетно-тематических картин, тем самым принимая их полностью вырванными из контекста. Кроме того, Ким признал свою неспособность расшифровать содержимое другой резьбы, потому что не мог найти сведения, которые связывали бы их с записями о Тангуне в Самгук Юса. Кроме того, он не смог определить остальные выгравированные фигуры, критическое бездействие которого оставляет процесс повествования неполным. Наконец, Ким не мог решить, когда, где и из какого источника возникла легенда о Тангуне. Хотя он признал, что одиннадцатистолетный разрыв между «камнями храма семьи Ву и XIII в. письменные упоминания о Самгук Юса», он был убежден, что первоисточник о Тангуне, вероятно, предшествовал рельефам династии Хань. Более того, он дал понять, что упоминание о Тангуне в Самгук Юса, вероятно, было воспроизведено из «гораздо более древней традиции»,

которая была основана на китайской оригинальной, которая теперь потеряна или неучтенных в любом из существующих китайских текстов.

Учитывая, художественное, социальное, политическое и религиозное значение алтаря семьи У, неудивительно, что они изучались с начала XII в. Тем не менее, несмотря на более чем тысячелетнее изучение, никто, кроме корейской исторической науки не предположил, что «танцующий медведь» может быть связан с Тангуном.

Таким образом, обзор выдвинутых направлений и взглядов различных ученых РК и КНДР позволяет сделать следующие выводы: северокорейские ученые придерживаются автохтонной концепции происхождения корейцев, тогда как южнокорейские придерживаются миграционной и метисационной концепций. В плане генетических исследований, скорее всего, потребуется еще немало времени для получения достоверного результата.

Большинство националистических историографов Кореи стремятся доказать автохтонность своего этноса, его «извечное» присутствие на нынешней территории. Северокорейские ученые придерживаются такой версии происхождения корейского народа, то есть, как только чучхе стало господствующей идеологией, было объявлено, что Корея – одна из колыбелей человечества и что корейцы всегда жили там, где живут сейчас.

Националистически настроенные ученые рассматривают Тангуна не только как предка корейской нации, но и как создателя новой цивилизации, распространившейся по всей Азии и имевшей свои религии – шаманизм и солярный культ. Миф о Тангуне можно отнести к категории идеологических мифов. Сложение данных мифов как правило происходит стихийно, либо разрабатываются специальным образом и распространяются идеологами. Идеологические мифы играют большую роль в жизни общества, некоторые из них (например, национальные мифы, которые возвеличивают историю своего народа и тем самым способствуют его сплочению) являются долговременными, однако многие из них все же рождаются и умирают

одновременно с теми идеологиями, которые ими пропагандируются.

Большая часть историков опирается не на «Самгук саги» (ее составителя Ким Бусика критикуют за лишний китаецентризм и гипотетическое уничтожение более древних источников), а на «Самгук юса» и другие тайные писания корейских даосов, определением датировки которых специально никто не занимался.

С ростом интеграции Кореи в мировое сообщество возросли позиции тех, кто пытается доказать пришествие корейцев с некоей мифической прародины, находящейся далеко за пределами полуострова, продолжая отрицать миграционные и метисационные концепции происхождения корейского этноса, который возник как смесь разных этнических групп.

Изучение древней истории Кореи в начале XX в. отмечалось консервативными взглядами японских ученых, связанных прежде всего с политикой Японии, направленной на некое превосходство Японии над Кореей. Японские ученые придерживаются метисационной (японской) гипотезы происхождения населения Корейского полуострова – общих предков на принципе «ниссен досорон» (общего расового происхождения). Эта теория впервые появилась в книге Я. Сигэно «Кокусиган» («Видение истории Японии»), которая также нашла поддержку у Т. Ёсида, где говорится о происхождении корейцев от японских племен, которые с Японии переселились на юг Корейского полуострова.

Корея вызвала большую заинтересованность японских ученых. Вопросы изучения исторической и культурной области получили заинтересованность японского правительства, которые стали активно готовить научные кадры и отправлять их в Корею с целью ее изучения. Стоит отметить, что японскими учеными было отражено в основном то, что могло указывать на преимущество их страны [Иванов, 2003].

Японская археологическая и этнографическая наука эпохи империализма (1895-1945) начинается в середине 80-х годов XIX в., со

знакомства японских ученых с древнейшим эпиграфическим памятником Кореи. Открытие стелы Хотхэ-вана послужило толчком к изучению японцами древней истории Кореи. Наряду с изучением стелы Квангэтх-вана японские историки и археологи стали расширять свои работы по изучению других памятников периода Когурё в районе Тунгоу. Эта деятельность особенно активизировалась после 1905 г., когда японский ученый Тории впервые посетил Тунгоу. В 1909 г. Тории продолжил работу в этом районе, на этот раз его сопровождал археолог и искусствовед Т. Секино [Джарылгасинова, 1962, с. 19].

Подписанием Канхваского договора в 1876 г. были установлены дипломатические отношения между Чосонской династией и Японией эпохи Мэйдзи. По данному договору был открыт корейский порт. Основным условием первого договора Кореи была политическая независимость государства Чосон от многовекового уплачивания дани Китаю. В Корею японское влияние начало распространяться после подписания мирного соглашения на Канхвадо в 1876 г. Конкурентами Японии за влияние в Корею были Россия и Китай (империя Цин). Одержав победу в японо-китайской и русско-японской войнах, Япония получила возможность единолично проводить политику в отношении Кореи. 17 ноября 1905 г. был установлен протекторат над Кореей. 22 августа 1910 г. был подписан Договор о присоединении Кореи к Японии. Через семь дней он вступил в силу, и Корея стала японской колонией. Во время японского захвата Корейского полуострова в конце XIX в., вновь созданная кафедра истории Токийского университета выпустила первых выпускников, посвятивших научную карьеру Тойо гаку, или восточно-азиатским исследованиям. Ученики Сиратори Куракичи, основателя Восточно-Азиатских исследований в Японии, Икеучи Хироси, Тории Рюдзо и Иманиши Рю стали представителями нового поколения ученых, сфера научных интересов которых относится не только к классической китайской исторической

литературе, но и к западным дисциплинам, таким как география, геология, палеонтология, археология, история искусства, физическая антропология и этнография. В первую очередь их исследования касаются Корейского полуострова, так как он стал частью японской империи.

Как отмечает А.Ю. Иванов, хоть и японскими учеными были проведены археологические раскопки на Корейском полуострове, данные исследования оставались слабым звеном японской историографии, так как у археологов стояла конкретная задача – найти материал, согласно которому можно было доказать, что Япония стала развиваться раньше чем Корея, а также отведение ведущей роли Японии в корейско-японских отношениях [Иванов, 2003]. Первые систематические исследования документов эпохи Чосон ученые начали с изучения корейских исторических текстов, которые контрастировали с традиционными китайскими династическими нарративными источниками. Самые ранние научные исследования древней Кореи появились в конце 80-х гг. в первых выпусках журналов «Шикагу зашши» и «Гойо гакухо», опубликованные кафедрой истории Токийского университета и в журнале «Чинругакки зашши», Токийской антропологической ассоциации.

Конец XIX – начало XX в. охарактеризовались двумя войнами: китайско-японской (1894-1895 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.). Строительство Южно-Маньчжурской железной дороги было стимулом для проведения раскопок, археологических и этнографических исследований в отдаленных регионах Северной Кореи, Маньчжурии и Северного Китая. Первая поездка японского ученого Тории Рюдзо в Маньчжурию в 1894 г., куда он был отправлен Токийской антропологической ассоциацией для изучения физической антропологии, языка, обычаев и психологии маньчжурской расой. Во время второй поездки в 1895 г. он собрал некоторые из самых ранних этнографических и археологических фотографий, известных на Корейском полуострове, Маньчжурии, Монголии

и Сибири. Во время сбора исторических материалов Тории также определил первые доисторические останки и артефакты из Маньчжурии и Кореи. Он был первым, кто документированно подтвердил существование эпохи корейского неолита, когда каменные и костяные орудия были обнаружены в подземных жилищах.

Яги Соцзабуро был первым археологом, которого отправили в Корею от научно-исследовательского антропологического института Токийского университета, после его основания в 1893 г. Он выделил дольмены и курганы эпохи Трех королевств. В 1902 г., за три года до подписания соглашения протектората, Секино Тадаши из Токийского университета управления архитектуры уже обследовал храмы, дворцы, ворота, и святыни исторических столиц Кёнджу, Сеул и Кэсон. Опытный инженер, историк, художник, и архитектор, вклад Секино Тадаши в исследовании искусства и истории архитектуры Восточной Азии, остается непревзойденным. Несмотря на то, что он путешествовал в одиночку и его исследования в 1902 г. длились всего два месяца, его работы производят огромные результаты. Его последующий отчет – это ранние работы по корейской архитектуре и истории искусства. Многие из сооружений, которые он обследовал, с тех пор были уничтожены войной, но так как его фотографии показывают множество видов в оригинале XIX века, делает их бесценными источниками сегодня.

Хотя Тории и Иманиши проводились археологические исследования и раскопки до 1910 г., когда Корейская династия была официально аннексирована Японией. В 1910 г. под руководством Секино Тадаши, Йацуи Саичи и Курияма Шуничи были записаны древние архитектурные памятники во всех провинциях всего Корейского полуострова. Эта научная деятельность совпала с кадастровым отчетом Сотокофу во всех регионах землепользования, транспорта, железных дорог, дренаж, канализация, и добыча полезных ископаемых, что японские инженеры проводили как часть

японской оккупации. В рамках этого исследования были рассмотрены столицы бывших королевств, Пхеньян (Когурё), Кэсон (Корё), Кёнджу (Силла) и Пуё (Пэкче). В течение семи лет, Секино, Ёацуи и Курияма фотографировали, записывали, и классифицировали все доисторические и древние руины, артефакты и архитектуру на периоды и категории. Они разделили наиболее важные здания и памятники на четыре различных категории: коу, оцу, хей и чо в зависимости от их художественной и исторической ценности и сохранности.

С экспансией Японии в начале XX в. в Северном Китае и Маньчжурии корейские исследования стали рассматриваться как расширение маньчжурской истории и географии. В этот же период Ивакичи Инаба, Сиратори Куракичи, Тории Рюдзо, Иманиши Рю и Икеучи Хироши ввели понятие исторического единства «мансен-ши», или маньчжуро-корейская история. Сиратори написал древнюю корейскую легенду племенных государств Пуё, Когурё, Окчо и Емэк, опираясь на нарративные китайские источники. Его выбор «колониального вопроса» был определен убеждением, что эти древние племена не только расово связаны с современными тунгусами, обитающими на юге Сибири и Маньчжурии, но и исторически были частью северной племенной группы сушеней, сянбэй и илоу. Связывая названия северных племенных лиц, записанных в двухтысячелетних китайских текстах с легендарными записями И Чосон династической генеалогии Сам Чосон, или три Чосона, Тангуна, Кичжа и Вимана, он был в состоянии предложить новую расовую линию для корейского народа. Изображение Сиратори Чосонской расы произошло от гипотетических «тунгусских/дунхуэйских» племен, которые когда-то населяли Маньчжурию, и породили понятие «мансенши».

В середине 80-х годов XIX в., в период активной колониальной экспансии японских империалистов в Корею, надпись на стеле Квангэтхвана стали изучать ученые Японии. Как отмечает советский исследователь

Рю Хакку, небезынтересен тот факт, что каллиграфические прописи, снятые с надписи, первым привез в Японию столь далекий от науки человек, как офицер генерального штаба японской армии капитан Сакоу Кагэаки [Рю Хакку, 1975, с. 12]. Это произошло в 1884 г. Привезенный Сакоу Кагэаки эстамп был преподнесен им Токийскому Императорскому музею (музей Уэно). Экспансионистские круги Японии использовали надпись на «Стеле Квангэтхо-вана» как доказательство версии о завоевании Кореи японцами, якобы произошедшем в древности. В наши дни корейский историк Ли Джинхи, проживающий в Японии, в своих работах доказывает тенденциозность прочтения и истолкования японскими учеными в 80-90-х годах XIX в. текста надписи, что было инспирировано генеральным штабом японской армии. Работа по дешифровке текста, привезенного Сакоу Кагэаки, вплоть до его обнародования, проводилась в обстановке секретности [Джарылгасинова, 1979, с.91].

В 1889 г. в издании «Японского азиатского общества» появляется первая в Японии публикация текста надписи. Текст содержал 1759 знаков. В течение 1891-1893 гг. на страницах издания «Сигаку дзасси» («Исторический журнал») появляются статьи японских ученых, посвященные анализу надписи. В это время о стеле писали Икэути Хироси, Нака Митиё, Цубой Кумами и многие другие. Открытие стелы послужило сильным толчком к изучению японцами древней истории Кореи. Однако в тот период содержащиеся в надписи самые ранние упоминания об Имна (яп. Мимана) были использованы воинствующими кругами. Как признает известный японский исследователь древней истории Кореи Суэмацу Ясукадзу, в условиях формирования Японией колониальной политики в Корее и Маньчжурии это открытие подтолкнуло японских ученых к изучению истории взаимоотношений Японии с континентальной частью Азии в древности [Там же].

Наряду с изучением «Стелы Квангэтхо-вана» японские историки и

археологи стали расширять работы по обследованию и других памятников эпохи Когурё в районе Тунгоу. Эта деятельность особенно активизировалась после 1905 г., когда Тории Рюдзо впервые посетил Тунгоу. В 1907 г. он приехал с небольшой экспедицией, в 1909 г. его уже сопровождали археолог и искусствовед Сэкино Тэй. В эту поездку Сэкино Тэй взял пять ассистентов, фотографов и большое число рабочих. В 1909 г. под его руководством начались большие археологические работы, которые продолжались в общей сложности около двадцати лет.

Изучение «Стелы Квангэтхо-вана» и в наши дни остается в центре внимания японских ученых. В послевоенные годы в японском корееведении определилось два направления – консервативное и прогрессивное, причем последнее оформлялось под влиянием марксистских идей и методологии.

Во главе прогрессивного направления стал известный японский историк Хатада Такаси. Как отмечает Рю Хакку, именно Хатада Такаси принадлежит первый обобщающий труд по истории Кореи, вышедший в Японии после Второй мировой войны.

Вслед за «национальным» открытием стелы Квангэтхо-вана, археологическая научно-исследовательская деятельность обратилась к остаткам Когурё. В течение следующих двух десятилетий археологами были обследованы и нанесены на карту остатки каменных укреплений и городов, более десяти тысяч захоронений, включая многочисленные могилы и стелы. Тории Рюдзо был первым, кто выкопал крепости Когурё в Фонгоу осенью 1905 г., сразу после русско-японской войны. Он изучал исторические документы Когурё за два года до поездки в Маньчжурские регионы Тунхуа и Цзилинь. Он также определил могилы Тхэванмё и Чхангун-чхонга, которые представляли Когурё каменными курганами. Раскопки проводились Куриямой Щуничи на месте первой столицы Когурё, в области Тонгоу, по верхнему течению реки Тумэн.

Схема строительства гробницы Когурё позже повлияла на захоронения

и могилы картины Пэкче и Силла. Такие артефакты, как плитки с дизайном масок животных и фрагменты буддийских и декоративных скульптурных частей, теперь являются частью восточно-азиатской коллекции музея Токийского университета. В 1909 г. Иманиши Рю изучил остатки Когурё в Пхеньяне и обнаружил остатки крепости Кандон-ку Ханван-мё. В 1911 г. были раскопаны Иманиши, Йацуи и Куриямой изрисованные могилы кансо кобум (курган). Хорошо измеренные и изученные, эти фрески гробниц являются выдающимися памятниками древности. Красочные и яркие они изображают сцены жизни Когурё во дворцах и домах, такие мероприятия, как танцы, охота и борьба. В 1916 г. эти картины Кансо были скопированы Акио Изуми. Несколько захоронений Когурё остались не исследованными, так как они были разграблены ранее.

Корейские и японские исследователи при выяснении этимологии этнонима «когурё» исходят из того, что он является сложным по своей структуре и состоит из двух компонентов – «ко» и «гурё». При анализе слова «гурё» японские и корейские исследователи (Сиратори Куракичи, Ли Бёндо, Ким Джэвон, С. Мисина, Хон Гимун) обращают внимание на его фонетическую близость с древнекогурёским словом «куру» (город). Этимологию этнонима «когурё» Сиратори возводит к понятию «горная крепость».

В 1930-х гг. обширный обзор Миками Цугио в регионе Когурё для Южной Маньчжурской железнодорожной компании в 1938 г. обратился к Чосон косэки кёнкуккай (Комитет 011 изучение корейского древностей) для специального разрешения на проведение исследований. Ее усилия помогли спасти могилы Тхэвён-мё и Чхангун-чхо от городских и промышленных разработок. Миками и Фуджита Рёсаку представляют следующее поколение колониальных ученых после Сиратори, Тории и Иманиши. Благодаря их усилиям, Чосонби, или корейские исторические исследования, были включены и изучаются как часть национальной истории Японии (Кокуши) в

ведущих университетах Японии в начале 1900-х гг.

В связи с тем, что исторические и археологические исследования древней Маньчжурии могут показать ранее неиспользованные ресурсы прошлых континентальных завоеваний Японии, древнее изучение Чосона в Японии сконцентрировано на самых ранних исторических племенах, описанных в китайской истории Шицзи, Вэйчжи и Хоу Хань шу. В дополнение к записям Пуё и Когуре они также начали изучать записи династии Хань территории Лелан, которые датируется I в. до н.э.

Эти документальные исследования конца XIX в. позднее были дополнены полевыми исследованиями Сотокуфу археологических и художественных памятников. Эти отчеты представляют собой значительную часть годового собрания (колониального альманаха), которая публиковалась на протяжении сорока лет колониального правления. Основной задачей исследований Сотокуфу было «точно оценить корейскую ситуацию со всех сторон так, чтобы способствовать более глубокому пониманию и развитию большого интереса в будущем к Чосону». Музей Чосон Сотокуфу был создан в 1915 г. на землях дворца Кёнбоккун, и представляет скульптуры, произведения искусства и буддийские памятники. Эти коллекции по сей день находятся в Национальных музеях г. Сеула и Пхеньяна.

В 1911 г. Тории проводил антропологические исследования для Комитета по составлению истории Чосон с целью сбора данных для будущих учебных пособий по истории. С 1911 по 1915 г. Тории посещал Корею каждые три-шесть месяцев для проведения обширных исследований. Он собрал археологические и этнографические данные со всех уголков полуострова, провинции Цзилинь (КНР). Примеру Тории последовали Иманиши Рю и Куройта Кацуми, которые были первыми, кто определил первые крепости и (курганы) захоронения, датируемые эпохой Трех королевств (III-VII вв. н.э.). Их находки были первыми археологическими

подтверждениями существования Силла, Пэкче, Когурё, Кая и останков могилы Лелан. С тех пор археологические находки были использованы для исправления и улучшения исторических знаний Кореи. Планы были составлены по сохранению и реконструкции старых храмов.

В период с 1916 по 1921 гг. были произведено более 110-ти раскопок. Эти пять лет стали крупным открытием эпох Лелан, Силла, Когурё, Пэкче, Имна (Кая).

Несмотря на тщательное исследование японскими археологами и историками, их антропологические, документальные исследования и археологические данные выборочно использовались для восстановления однолинейной схемы эволюции корейской цивилизации, которые оказывали влияние на последовательность расовых завоеваний, где выделены четыре основные темы: 1) принцип «ниссэн досорон», т.е. общее родовое происхождение корейской и японской рас; 2) утверждение, что японские императоры правили Кореей между IV и VII веками, 3) подавляющее влияние китайской цивилизации на Корею и как следствие отсутствие уникального происхождения корейского народа; 4) отсталость/застой корейской цивилизации.

Большую работу в японском корееведении осуществляет Общество по изучению Кореи (Тёсэн кэнкюкай), созданное в 1958 г. по инициативе известного японского ученого-корееведа Мисина Сёэй [там же, с. 47]. С 1959 г. общество стало издавать «Тёсэн кэнкю нэмпо» («Ежегодник по изучению Кореи»). Создателем этого журнала и его главным редактором до последних лет был Мисина Сёэй (умер в 1971 г.). На страницах ежегодника публикуются переводы на японский язык работ по истории, археологии, этнографии и лингвистике Кореи как ученых КНДР, так и южнокорейских исследователей. Так, в 1967 г. в «Ежегоднике по изучению Кореи» был опубликован японский перевод ряда разделов монографии Пак Сихёна «Стела при королевской усыпальнице Квангэтхо-вана». Внимание японских

исследователей привлекли те главы книги Пак Сихёна, где исследуются вопросы международных взаимоотношений на Дальнем Востоке в IV-V вв. н.э. (гл. 3, 4). Тексту предшествует перевод оглавления книги [«Тёсэн кэнкю». 1967. № 9]. Выход в свет книги Пак Сихёна, а также появившаяся в «Ежегоднике по изучению Кореи» публикация вновь привлекли внимание японских ученых к этому выдающемуся памятнику древней Кореи.

Новым этапом в изучении «Стелы Квангэтхо-вана» в Японии явилась вышедшая в 1972 г. в Токио большая монография корейского ученого Ли Джинхи, проживающего в Японии, «Котайо рёхи-но кэнкю» («Изучение могильной стелы Квангэтхо-вана») [Ли Джинхи, 1972], в которой автор привел серьезные доводы, ставящие под сомнение аутентичность эстампов надписи, хранящихся в Японии; это особенно относится к тем разделам текста, где речь идет о военном столкновении между Когурё и Японией [Рю Хакку, 1975, с. 13]. Основные положения Ли Джинхи получили развитие в статье «Современное состояние изучения надмогильной стелы Квангэтхо-вана и дальнейшие задачи исследований», опубликованной в 1974 г. в журнале «Рэкисигаку кэнкю».

Как считает северокорейский ученый Ким Ён, на основе исторического анализа колониальной эпохи Кореи работы японских историков направлены на уничтожение расовой и культурной идентичности корейцев. И этого мнения придерживаются многие в КНДР, риведем ниже интервью с представителем из КНДР:

Исследователь: Придерживаетесь ли Вы того мнения, что японские историки в период оккупации Кореи, могли каким-то образом исказить некоторые факты относительно вопроса происхождения корейцев ?

Рассказчик: Да, я, как и многие, считаю, что в период оккупации японцами были уничтожены многие старинные рукописи, которые как раз касались Тангуна, из-за чего его считали мифологическим персонажем,

хотя на самом деле Тангун – реальная историческая фигура.

(электронное интервью с Вон Ёнук, родом из КНДР,
г. Пхеньян, сентябрь 2011)

Японская колониальная расовая теория была основана на принципе «ниссэн досорон» или общей расовой теории происхождения никкан или корейско/японской расы. Впоследствии Имнаиши Рю призвал к разделению Кореи с Китаем таким образом, чтобы включить историю Чосона в японскую историю не только потому, что «Корейский полуостров является частью империи», а также из-за общего происхождения корейцев и японцев. Согласно Иманиши, раса Никкан произошла либо из северно-монгольской группы, либо из урало-алтайской группы. Он отмечает, что это видно по схожим физическим характеристикам, таким как высота, форма головы, отсутствие волос на теле и низкий нос. Таким образом, Иманиши пришел к выводу, что корейская раса не может считаться «независимой расой, т.к. на протяжении многих веков подвергалась влиянию многих рас Северо-Восточной Азии на свое становление». Так, например, А.Ю. Иванов отмечает культурную общность Кореи и Японии, в пользу которой выступает родственная связь корейского языка с японским. В III в. до н.э. – III в. н.э. японский язык выделился из корейского, когда часть протокорейских племен переселилась на Японские острова с Корейского полуострова, и укрепился, когда массовые миграции прекратились [Иванов, 2003].

Таким образом, антропологические исследования японских ученых того периода придерживались гипотезы общих предков происхождения корейцев и японцев. В конце 1930-х годов японские антропологи исследовали тысячи корейцев – взрослых, школьников и заключенных. Полученные результаты были опубликованы в журнале «Jinruigaku zasshi», который включал также исчерпывающий перечень измерений черепов,

лицевых частей (век, формы глаз, высоту носа, форму лица), и скелета (длину рук и ног).

Тории пришел к выводу, что корейские антропоморфные исследования подтвердили мнения Сиратори и русского антрополога Широкогорова, что «нынешние жители Маньчжурии, действительно, являются древнейшими расами Восточной Азии».

Археологические раскопки, исследования и исторические документы доказывают схожесть расовых связей корейцев и японцев в доисторических моделях существования, их жилья и образа жизни.

Японские расовые исследования заимствовали основную идеологию, теории и методологии классификации дальневосточных рас российских исследователей, таких как Леопольд фон Шренк и С.М. Широкогоров, которые также занимались изучением происхождения японцев. Здесь важным звеном был вопрос об айнах и восприятием их расовой принадлежности с тунгусами, монголами и палеоазиатами Сибири. Японские исследования опирались на этнографические исследования XVII в., когда тунгусов обозначили как самую примитивную и древнейшую расу на Дальнем Востоке.

Сиратори был солидарен с Широкогоровым в том, что происхождение корейской расы связано с палеоазиатами. Он выделяет три расы – сибирские тунгусы на севере, монголы с гор Хингана – на западе и сельскохозяйственники китайской Хань – на юге, которые впоследствии перемешались между собой. Он также рассматривает племя емэк как смешение «чистых тунгусов», китайских Хань и монголов. Он допускает, что во времена Хань и Вэй цзинь (II в. до н.э. – V. в. н.э.) племя емэк мигрировало из района реки Ляо на Корейский полуостров и там разделилось на Пуё, Когурё и Окчо и Восточную Ё, которые впоследствии стали прямыми предками современных корейцев.

По его расовой схеме, Пуё стало основателем предков корейской расы,

так как это было самым ранним «цивилизованным» царством в китайских записях. Миф о Тонмёне был поддержан Сиратори как доказательство статуса Пуё, первого государства в Корее. Предлагаемая реконструкция Ширатори о расовом происхождении корейцев, таким образом, доисторических «палеоазиатов» (около III тысячелетия до н.э.) – «чистые тунгусы» (около II тысячелетия до н.э.) – емэк (Воюющих царств период, примерно V в. до н.э.), – пуё (I в. до н.э.), – Когурё, Пэкче и Силла (по Сиратори).

Тем не менее колониальные археологические и исторические теории и интерпретации были построены на гипотетических расовых субъектах неолита палеоазиатах, чистых тунгусов и доисторических дунху и на «примитивности» маньчжурских племен. Работы колониальных ученых шли по однолинейному культурному развитию обществ с более высокой культурой и высшей расы, всегда правящей и доминирующей над низшими расами.

Со временем ученые утверждают, что эти гипотетические и гибридные расы создали прямую линию предков современного корейского населения. В корейской схеме ассимиляции японские ученые предложили три основные волны нашествий. Расы «северных» тунгусов/тонги прибыли как кочевники через Маньчжурию. За ними последовали «южные» китайцы, которые принесли конфуцианское правительство, высокое искусство, культуру и буддизм. И в древний период японские Ва были последними захватчиками и принесли культуру Кофун и государственное образование Трех Королевств.

Первыми изучением проблемы происхождения корейского народа занимались европейские и американские исследователи. Первая книга, опубликованная о культуре Кореи – «История католицизма в Корее» Далле (1874), которая была переиздана на корейский язык. Им была отмечена большая близость корейского народа к японскому, нежели китайскому.

Далле также известен своим предположением о возможности происхождения корейского народа от северных, вероятно, сибирских монголоидов.

К первым описаниям по антропологическому типу относятся работы Э. Опперта и Э. Белтца. По Белтцу, корейцы, маньчжуры, северные китайцы и японцы были отнесены к маньчжуро-корейскому типу, который он выделил в населении Восточной Азии. Американец Хальберт в своей книге приводит физические характеристики корейцев, у них можно выделить своеобразный немонголоидный тип, отличающий их и от японского, и от китайского народов. Говоря об этнической истории корейцев, Халберт пишет, что еще в конце XIX в. научные представления о происхождении корейцев строились на смешанной «северо-южной» основе, и уже на этой основе «северному» Тангуну приписывалось «туранское» происхождение, а южанам трем хан – полинезийское [Воробьев, 1997, с. 93].

Первым из европейских ориенталистов к изучению «Стелы Квангэтхована» обратился французский кореевед Морис Куран. В 1898 г. на страницах французского востоковедного журнала он опубликовал статью, в которой рассказал об истории открытия памятника, показал значение надписи, дал полный перевод текста. Приложенная к статье репродукция надписи (основанная на работах японских ученых) была первой публикацией текста «Стелы Квангэтхована» в Европе (по Курану). Особое внимание М. Куран обратил на ценность этого источника для изучения политической и этнической истории народов Восточной Азии. Многие замечания и комментарии М. Курана, касающиеся истории Когурё, традиций и обычаев древних когурёсцев и их соседей, не утратили значения и сегодня. Анализируя данные эпиграфики, М. Куран совершенно правильно обратился к свидетельствам нарративных памятников, как корейских («Самгук саги»), так и японских («Кодзики», «Нихонги»), сделанный им перевод надписи является первым переводом этого

важнейшего эпиграфического памятника древней Кореи на европейский язык. Хотя М. Куран основывался на материалах, опубликованных японскими учеными, но по многим вопросам излагал собственное мнение.

Изучение надписи на «Стеле Квангэтхо-вана» поставило перед ученым вопрос о времени зарождения письменной культуры корейцев, ранних этапах развития корейской литературы. И хотя выводы М. Курана не представляются нам бесспорными, сама постановка проблемы интересна и ценна. Французский исследователь рассматривал «Стелу Квангэтхо-вана» в общем ряду с другими памятниками эпохи Когурё, сохранившимися на землях, прилегающих к среднему течению р. Амноккан, и к тому времени еще почти не изученными. Статья М. Курана не осталась незамеченной, более того, в Европе она оказала огромное влияние на изучение эпиграфики древней Кореи, пробудила интерес к культуре эпохи Когурё.

В 1903 г. немецкий ориенталист Е. Бэльтц во время своей научной командировки в Южную Маньчжурию посетил Тунгоу и осмотрел стелу Хотхэ-вана. Свои впечатления от посещения стелы он изложил на страницах немецкого этнографического журнала.

Непосредственным откликом на статью Курана было посещение Тунгоу в 1907 г. французским востоковедом Эдуардом Шаванном, где он собрал интересный и ценный материал, затем опубликовал статью, где содержалось краткое описание стелы, гробниц и остатков крепостной стены.

В 1951 г. с большой статьей выступил Болеслав Жезняк с подробным анализом истории изучения стелы. Автор особо подчеркивает исключительную важность этого памятника для исследования древней истории Кореи и Японии.

Из работ последнего времени нужно отметить монографию австралийского ученого К. Гардинера «Ранняя история Кореи», в которой истории Когурё уделено значительное место.

Некоторые попытки периодизации ранней истории Когурё были

сделаны в работе У. Гриффиса. Автор критически отнесся к сообщениям письменных источников о существовании ванов у когурёсцев на рубеже нашей эры, а появление государства Когурё приурочил к концу II в. н.э., связывая это событие с завоеванием когурёсцами территории Древнего Чосона и объединением всех земель от Тэдонгана на юге до Тумангана на севере. Х. Хальберт, широко используя корейские источники, в этом вопросе придерживается мнения К. Бусика.

К теории родства корейского и монгольского этноса относятся исследования монгольского ученого Б. Сумъябатаара, который находит общее в обоих языках. Так, исследователь указывает на фонетическое, смысловое, морфемно-структурное сходство в древнекорейских антропонимах, названиях титулов и чинов с монгольскими аналогами. Так, древнекорейские имена отмечаются характерными монгольским антропонимам окончания – хай, дай, тай; древнекорейские названия титулов и чинов фиксируют свойственные монгольским названиям элементы – чи, тан [Дашибалов, 2011, с.101].

Научный дискурс об этногенезе корейцев подразделяется на направления европейской научной школы, российской, японской, южнокорейской и северокорейской. В свою очередь вышеуказанные научные школы выделяют следующие векторы развития этногенеза: миграционный, метисационный (сибирский), метисационный (японский), автохтонный. Так, северокорейские ученые придерживаются автохтонной концепции происхождения корейцев, большинство южнокорейских исследователей придерживается миграционной и метисационной (сибирской) концепций, японские ученые придерживаются метисационной (японской) концепции, европейские исследователи наряду с российскими исследователями придерживаются миграционной и метисационной концепций.

Таким образом, диссертант приходит к заключению, что научные тексты

основанные на миграционный, метисационный и автохтонный векторы во многом способствуют укоренению стратегии аккультурации – интеграции. «Гибкость» корейцев к интеграции в доминирующее сообщество (в условиях «нового» «чужого» мира) заложенная в их самосознании еще на их ранних стадиях зарождения, несомненно способствует их успешной аккультурации.

2.2 Социокультурные практики совмещения идентичностей в условиях доминирующей культуры

Под социокультурными практиками понимаются: разнообразные, основанные на текущих и перспективных интересах виды самостоятельной деятельности, поведения и складывающиеся пространства организации собственного действия и опыта; поиск и апробация (постоянные и единичные пробы) новых способов и форм деятельности; стихийное автономное приобретение различного опыта общения и взаимодействия с людьми (работа в различных командах и общественных структурах); приобретение нравственного и эмоционального опыта сопереживания, помощи, защиты, альтруизма, эмпатии, гордости, радости, печали и т.д.

Жизненное пространство современного человека настолько дифференцировано, что дальнейшее созидание и освоение разнообразия, как основы для развития интеллектуального и культурного потенциала личности, связано с наращиванием масштабов и динамики освоения культурных практик в процессе социализации, индивидуальным опытом существования человека в постоянно изменяющихся социокультурных условиях. Адаптация к новой ситуации предполагает одновременно интенсификацию процесса накопления знаний и духовно-нравственного опыта — становление личностной культуры как ресурса, составляющего структуры человеческого потенциала (любая структура, согласно Э. Гидденсу, это правила и ресурсы). Расширение жизненных перспектив человека протекает в едином процессе обучения (посредством различных практик через систему институтов, таких как образование и др.) и выбора стратегии самореализации личности (смыслы, мотивация, пути и способы достижения) [25].

Результат во многом зависит не только от условий и организации внешней среды, но и от способностей личности, от уровня ее креативности и степени открытости к усложнению структуры жизненного пространства. Социокультурная компетентность личности выступает одной из качественных характеристик человеческого потенциала.

В социокультурных практиках совмещения идентичностей корейцев в доминирующей культуре главной составляющей является удовлетворение их социокультурных потребностей, которые обеспечивают социализацию личности и понимание жизни, определяют основу образа жизни и формирования мировоззренческих ориентаций, а также готовность к тому или иному виду деятельности в новых условиях.

Диссертант понимает совмещение идентичностей как систему обеспечения личностью внутренней целостности идентификационных процедур, статусов, ролей, обусловленных природой аккультурации. Мы

полагаем, что совмещение культурных идентичностей в структуре аккультурирующейся личности обеспечивается системой сложных детерминаций (историко-культурного наследия, культурных текстов, локальных традиций обретения успеха) и системой обеспечения единства личностной, этнической, коллективной, национальной идентичностей как составляющих единой идентичности аккультурирующейся личности. Совмещение идентичностей определяется практикой совмещения идентичностей корейцев в определенной культурной среде.

В работе выделены этнокультурная, национально-гражданская, коллективно-статусная идентичность корейцев как явления культурно и исторически обусловленные, имеющие специфическое содержание в государственном, культурном, социальном контекстах.

Тяжелое политическое и экономическое положение в конце 1920 – начале 1930-х годов в регионе, связанное с коллективизацией, саботажем и волнениями крестьян, допускаемыми искривлениями в национальной политике привели на окраинах к острой межэтнической розни, ослабили позиции советской власти.

Для ее укрепления требовались профессиональные кадры, пропагандисты. На этом этапе внимание компартии переключалось на подготовку организаторов партийной и советской работы. Осуществлялся переход к тотальному контролю. В этот же период назначались 14 корейцев – народными судьями и 4 – прокурорами и заместителями прокуроров в районы компактного проживания корейцев, 80 – председателями сельсоветов и колхозов, 51 – директорами МТС, 49 – директорами школ, учителями и культработниками. Корейцы во второй половине 1930-х годов все больше приобретали влияние в политической и общественной жизни Дальневосточного края, занимали относительно прочные позиции в партийной системе, государственной, производственной и в сфере

образования

[Режим

доступа:

<http://www.hse.ru/data/2014/06/19/1309898508/%D0%A1%D0%9E%D0%9D%20%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA.pdf>].

Образовательная сфера стала также областью развития социокультурных практик предпринимательства. Со временем индивидуальные социокультурные практики представителей предпринимательского сообщества трансформировались в семейные традиции и постепенно были закреплены в качестве корпоративных основ социальной и культурной деятельности. Это позволяло развивать и реализовывать их материальные и социальные возможности одновременно в нескольких культурных, общественных и социальных проектах. Направления деятельности предпринимателей в сфере коммерческого образования или виды социокультурных практик были самыми разнообразными.

Можно выделить следующие: инициирование учреждения и открытия коммерческих учебных заведений и активная поддержка подобной инициативы; вклад в развитие системы коммерческого образования; предоставление финансовых средств для организации коммерческих учебных заведений, включая финансирование строительства; покупка и предоставление земельных участков для строительства учебных заведений; выделение средств на развитие материальной и практической базы учебных заведений (аудитории, лаборатории, библиотеки, подразделения, летние колонии для отдыха); предоставление средств на развитие учебных заведений; передача библиотечных собраний и личных коллекций учебным заведениям.

В России создана сеть региональных национальных ассоциаций корейцев. Корейцы-россияне получили возможность участия в политической жизни страны.

Сохранению этнокультурной идентичности корейцев проживающих за рубежом, распространению корейской культуры, языка, традиций уделяется большое внимание. Так, на настоящий момент создано множество центров по изучению корейского языка и культуры, открыты по миру Институты имени короля Сечжона, работают специальные программы для проведения исследований, обучения, стажировок. Таким образом, стоит отметить, что Республика Корея активно продвигает культуру своей страны в массы, одновременно заботясь о своих гражданах-мигрантах.

Обряды и обычаи корейцев, проживающих в зарубежных странах сохранились частично, среди них стоит отметить такие традиции как годовщина ребенка, хвангаб – 60 летний юбилей. Среди праздников отмечаются в первую очередь праздник сольлаль (праздник нового года по лунному календарю), чхусок.

– – жизни, определение родины. Так, большинство российских корейцев родиной считают как Россию, так и Корею, среди корейцев КНР указывалась и Корея и КНР соответственно, среди корейцев США указывалась США и Корея.

Электронное интервьюирование проводилось в 2009-2011 гг. с респондентами из стран КНР, США, Монголии, России, Республики Корея и КНДР. Данным методом был опрошен 331 кореец, в возрасте от 18 до 25 – 80 человек, от 26 до 35 – 135 человек и в возрасте от 36 и выше – 116 человек. Из опрошенных 331 респондентов, 139 мужчин и 192 женщины. В электронном интервьюировании были вопросы о происхождении корейцев, о знании корейского языка, о соблюдении и сохранении традиций и обычаев, этническом самосознании. 196 респондентов имеют высшее образование, 37 – неполное высшее, 73 респондентов имеют среднее специальное образование, 25 респондентов – среднее. Доля работающих респондентов

составляет 237 человек, 49 – пенсионеры, 45 опрошенных указали, что являются учащимися (студентами или школьниками). Как показывают данные исследования, среди работающих респондентов в большей мере представлены специалисты в сфере образования и науки (воспитатели, преподаватели, научные работники и т.д.), затем в сфере обслуживания, бухгалтера - экономисты и наемные работники.

Первый вопрос о происхождении корейцев, выбор предложенных концепций (миграционная, метисационная (сибирская), автохтонная, метисационная (японская). Большинство опрошенных корейцев США, РК, КНР, России считают миграционную концепцию и метисационную наиболее верной. Большинство респондентов из КНДР автохтонную. Затем вопрос о знании и применении родного языка, необходимости его изучения при отрицательном ответе, уровне владения корейским языком, об их предпочтении возможного изучения корейского языка их детьми. Вопрос о знании и применении языка той страны, где обитает респондент. Данный вопрос также имеет большое значение, т.к. в процессе аккультурации знание языка страны доминирующей культуры очень важно.

Ответы показали, что большинство респондентов – жителей КНР, знают как корейский язык, так и китайский, США – корейский и английский

–

цев как России, так и других стран (особенно молодежи) наблюдаются тенденции к изучению корейского языка, так называемая «Корейская волна». Таким образом, через изучение языка возможна их последующее воссоединение с этнической родиной.

Также были вопросы на выяснение степени их аккультурации. Шкала для измерения установок на аккультурацию включала в себя несколько пунктов: такие как: «Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, где

только корейцев», «Для меня важно владеть языком доминирующего общества», «Я предпочитаю иметь друзей из числа доминирующей группы», «Я считаю, что корейцы, живущие в КНР/ России/ Америке , так и усваивать традиции доминирующего общества». Оценка проводилась с системе от 1-«не согласен» до 3-«согласен». Таким образом, исходя из данных опроса видно, что наиболее успешной стратегией аккультурации является интеграция.

адаптации

ствии с ее членами.

Все стратегии аккультурации позволяют совместить в личности культурные идентичности «гражданскую, этническую, профессиональную и личностно-статусную». Наряду с этнической идентичностью, корейцы обладают региональной гражданской идентичностью и идентифицируют себя с гражданами той страны, в которой они проживают – россиянами, американцами, китайцами. Наблюдается подъем национального самосознания американских, китайских, российских корейцев. Показателями аккультурации являются выявленные нами социокультурные практики, ставшие репертуарным набором репертуарных действий процессов аккультурации: толерантность, гибкость, обогащение.

В культурной антропологии совмещение идентичностей – это система обеспечения личностью внутренней целостности комплекса идентификационных процедур, статусов, ролей, обусловленных природой аккультурации. Мы полагаем, что совмещение культурных идентичностей в структуре аккультурирующейся личности обеспечивается системой сложных

детерминаций (историко-культурного наследия, культурных текстов, локальных традиций обретения успеха) и системой обеспечения единства личностной, этнической, коллективной, национальной идентичностей как составляющих единой идентичности аккультурирующейся личности.

Внутреннее содержание понятия «совмещение идентичностей» определяется конкретной проявленностью практики совмещения идентичностей корейцев к конкретной культурной среде. В работе выделены этнокультурная, национально-гражданская, коллективно-статусная идентичность корейцев как явление культурно и исторически обусловленное, имеющее оригинальное содержание в конкретном государственном, культурном, социальном контексте. В этом контексте практика совмещения идентичностей корейцев в процессах аккультурации в разных странах опосредуется целой совокупностью обстоятельств.

Стоит отметить, что китайская диаспора корейцев является самой многочисленной. Для большинства корейских китайцев корейский язык остается родным, в сравнении с корейцами других стран данная группа является менее ассимилированной. Правительство КНР создает благоприятные условия для проживания корейцев (вывески на корейском языке, школы).

Российские корейцы характеризуются большей степенью ассимиляции, но с сохранением своих культурных традиций, норм, ценностей. Российское правительство во многом способствует поддержанию и развитию различных форм социокультурной деятельности корейцев, в том числе различным центрам, фондам, организациям. Большая доля корейцев занята в образовании, общественной деятельности, сферах бизнеса, государственного управления, сельском хозяйстве, спорте.

Все корейцы делают акцент на успешную аккультурацию в принимающем обществе, отдают предпочтения, приоритет получению

образованию, глубоко укоренившееся в самосознании корейцев, в их традиционной системе ценностей и карьерному росту, успешной социализации в обществе. Средством сохранения и совмещения идентичностей выступают диалог, преемственность культур. Социокультурные практики совмещения идентичностей в условиях доминирующей культуры способствуют собственному пути развития индивида. Сохранению этнокультурной идентичности корейцев проживающих за рубежом, распространению корейской культуры, языка, традиций уделяется большое внимание. Так, на настоящий момент создано множество центров по изучению корейского языка и культуры, открыты по миру Институты имени короля Сечжона, работают специальные программы для проведения исследований, обучения, стажировок.

Диссертантом приведены следующие успешные социокультурные практики совмещения: российский кореец, выходец из Узбекистана Борис Ким, председатель совета директоров ЗАО «Киви Банк», один из лидеров новой экономики России. В 1985 г. окончил химический факультет МГУ; кандидат химических наук, в 1993 г. окончил Всероссийский заочный финансово-экономический институт, в 1996 г. Московскую государственную юридическую академию, в 2004 г. факультет психологии МГУ, в 2007 г. философский факультет МГУ.

Нами отмечается, что у Б. Кима изначально заложена ориентация на обучение, четкая стратегия направленная на концепцию непрерывного обучения. Весной 2013 года в ходе IPO¹² инвесторы NASDAQ¹³ оценили QIWI в 884 млн. долларов, сеть QIWI насчитывает около 167 тысяч терминалов в более чем двадцати странах мира. Б. Ким считает себя человеком мира, чувствующим себя очень комфортно в любой стране,

¹² IPO – Initial Public Offering (первая публичная продажа акций акционерного общества).

¹³ NASDAQ – National Association of Securities Dealers Automated Quotation (американская биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний, одна из трех основных фондовых бирж США).

говорит на французском, английском, немецком языках. Борис Ким обладает интеллектом, огромной энергией, у него выработанная стратегия, выстроенная на глубоком понимании российской среды, преданности делу (развитию бизнеса), неустанное стремление к поддержанию и развитию своего дела.

Американская кореянка Роза Чжан, родилась в г. Принстон, штат Нью-Джерси, первая в мире кореянка, которая выпустила сольный альбом с оперными ариями и с песнями из мюзиклов. Ею выпущено несколько сольных альбомов, получено признание как одной из самых влиятельных персон корейской диаспоры в США; является послом Национальной ассоциации туризма в Корее, послом ЮНЕСКО по Корее; проводятся многочисленные благотворительные концерты и выступления; выступает за объединение Кореи; свободно владеет несколькими языками (английский, корейский, французский); является универсальной корейско-американской фигурой, что является успешным примером интегративной аккультурации – принятие норм доминирующего общества в сочетании с сохранением оригинальной культуры. Ее родители: мать – домохозяйка, а отец, выпускник Сеульского национального университета (Республика Корея), который защитил докторскую в Принстонском университете, был нацелен на воспитание и развитие дочери с самого детства.

Нами отмечается, что данные социокультурные практики корейцев существуют не благодаря превосходству в ресурсах, но благодаря изначально выстроенными ими стратегиями, ориентированными на успех и заложенными в их самосознании чертами, способствующими успешной реализации данных практик. Успех в бизнесе Б. Кима продиктован в первую очередь такими интеграционными качествами, как тяга к образованию, непрерывному развитию. Причиной успеха в культуре Р. Чжан являются обладание ею незаурядным интеллектом, энергичностью; воспитание ее

родителей, с детства нацеленное на развитие ее в музыкальном творчестве; помощь ее отца в становлении и возвращении ее таланта.

Стратегии построены на воспитании напористости и психологической гибкости, на формировании в семье атмосферы тяги к образованию. Выделены несколько ключевых факторов, ведущих к успешной реализации стратегии – это эффективная реализация целей, глубокое понимание иноэтнической среды и объективная оценка ресурсов.

Все продемонстрировали целеустремленность в достижении одной ясно обозначенной цели, которую они неуклонно преследовали в течение большей части жизни, планировали свои стратегии на основе глубокой оценки среды доминирующего общества, эффективно использовали сильные стороны и защищали уязвимые места. Таким образом, диссертант отмечает, что стратегии успешны при эффективном использовании ресурсов и способностей, быстрого реагирования на изменения в иноэтнической среде.

Диссертант отмечает, что у опрошенных респондентов достаточно высок уровень социокультурной адаптации, которая проявляется в участии в социальной и культурной жизни доминирующего общества, полном правом межличностном взаимодействии с ее членами. На процесс совмещения идентичностей оказали влияние традиции рефлексии культурных текстов по поводу интеграции корейцев в культуру доминирующего общества, где обретение целостности культурной идентичности является относительной проблемой после проблемы обретения социального, профессионального успеха. Успешность, стремление к совмещению взаимоисключающих явлений, отражаются на специфике обретенной идентичности.

Показателями аккультурации являются выявленные нами социокультурные практики, ставшие репертуарным набором действий процессов аккультурации: толерантность, гибкость, обогащение

Выводы по главе II

В диссертационном исследовании выделяются несколько научных школ к исследованию проблемы этногенеза корейцев: европейская, российская, японская, южнокорейская, северокорейская, рассматривающие миграционную, метисационную, автохтонную концепции. Сложные процессы, длительно протекавшие на территории Корейского полуострова, оказали соответствующее влияние и на процесс формирования корейцев, впоследствии сказавшиеся на процессах их аккультурации. Так, северокорейские ученые придерживаются автохтонной концепции происхождения корейцев, большинство южнокорейских исследователей придерживается миграционной и метисационной концепций, японские ученые придерживаются метисационной концепции, европейские исследователи наряду с российскими исследователями придерживаются миграционной и метисационной концепций. Научные тексты основанные на

миграционный, метисационный и автохтонный векторы во многом способствуют укоренению стратегии аккультурации – интеграции. «Гибкость» корейцев к интеграции в доминирующее сообщество (в условиях «нового» «чужого» мира) заложенная в их самосознании еще на их ранних стадиях зарождения, несомненно способствует их успешной аккультурации.

Таким образом следует отметить, что миграционной и метисационной концепции этногенеза корейцев придерживаются европейская, российская, японская, южнокорейская научные школы; северокорейская научная школа развивает автохтонную концепцию. Интерпретация научных данных, теорий, концепций обуславливает выбор типа стратегий аккультурации, под влиянием идеологии доминирующей культуры.

Выявлены общие закономерности стратегии аккультурации корейцев: жизненные стратегии, ориентированные на успех. Стратегия интеграции реализуется с помощью таких черт как напористость, психологическая гибкость, тяга к качественному образованию, терпимость, толерантность, неконфликтный характер, стремление к достижению высокого статуса в доминирующем обществе. В диссертации выделены факторы, ведущие к успешной реализации стратегий. Это эффективная реализация целей через глубокое понимание доминирующего общества и объективную оценку собственных ресурсов и способностей (использование сильных сторон и защита слабых сторон), своевременное реагирование на изменения в доминирующем обществе. Показателями аккультурации являются выявленные нами социокультурные практики, ставшие репертуарным набором действий процессов аккультурации: толерантности, гибкости, обогащения.

Заключение

Характерным типом аккультурации этнических групп является аккультурация интегративного характера как процесс освоения культурных ценностей, норм, традиций на основе личностного обогащения при взаимодействии с культурой доминирующего общества и сохранения культурных ценностей, норм, традиций своей этнической группы.

Теоретико-методологической основой нашего исследования явились концепции Дж. Берри и М. Гордона. Так, созданные ими концепции позволили выявить общие и специфические стратегии аккультурации, дать оценку механизмов, способствующих успешной аккультурации корейцев в доминирующую культуру.

В зависимости от степени и уровня различают четыре стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация. Для корейцев, усваивающих культуру доминирующего общества,

самоидентификация приобретает специфическое содержание, определяется установками и потребностями этнокультурного сообщества. Усиленная интеграция объясняет мотивационную активность индивида в усвоении языка, осуществления языковой социализации, освоения типичных поведенческих доминант.

В процессе межэтнического взаимодействия отличительной особенностью корейцев является высокая степень толерантности и интегрированности. В выборе идентификационных стратегий корейцы используют механизмы неконфликтного взаимодействия, что позволяет рассмотреть стратегии аккультурации корейцев как модели позитивного развития межэтнического контакта в странах доминирующей культуры.

Обобщение практического опыта аккультурации, анализ теоретических концепций позволил выделить стратегии аккультурации корейцев: интеграцию, частичную ассимиляцию, копинг-стратегию, образовательную стратегию, стратегию неконфликтного характера в доминирующих культурах разных стран (США, КНР, России).

Таким образом, особенностями этнического самосознания корейцев являются традиционные ценностные ориентации, которые устойчиво сохраняются. Корейцы характеризуются толерантным типом поведения, который является доминирующим во всех ситуациях общения. Диссертант считает, что готовность корейцев к интеграции выражена достаточно отчетливо.

Системообразующим мифом корейского этноса является миф о Тангуне, в основе которого лежит идея о главных этногенетических качествах личности, таких как терпение, сила как стойкость духа, культивирование основных видов жизнедеятельности, заложенных детерминантами земледельческой культуры, искусства, ремесла. Осознание человеком своей принадлежности к обществу изначально освящено мифом.

Нами выделены наличие мифологических констант, таких как

сакральность, божественное происхождение, культурный герой, первопредок, начало человеческой жизни, которые рассматриваются в качестве предпосылки самоидентификации корейцев как части целого, большего, более значимого, нежели сам человек.

В данном мифе прослеживается основная идеология корейцев, направленная на развитие высокого уровня национальной, этнической идентичности, воспитания в личности таких качеств, как терпение, упорность, трудолюбие, которые влияют на интеграционный характер корейцев.

Мифологическое наследие рассматривается в качестве основания успешной социализации в обществе принимающей страны в качестве символического капитала, который позволяет корейцам сохранять этнокультурную идентичность в процессах аккультурации. Представления об автохтонности своего этноса из мифологических сюжетов закладывают в их сознании доминантную составляющую, с помощью которой процессы интеграции протекают для них безболезненно, заложена установка на готовность и принятие личностных изменений.

Выделены несколько научных школ по исследованию проблемы этногенеза корейцев: европейская, российская, японская, южнокорейская, северокорейская, рассматривающие миграционную, метисационную (сибирскую или японскую), автохтонную концепции.

Американская, российская, японская, южнокорейская и северокорейская научные школы выделяют следующие векторы развития этногенеза: миграционный, метисационный, автохтонный. Северокорейские ученые придерживаются автохтонной концепции происхождения корейцев, большинство южнокорейских исследователей развивает миграционную и метисационную концепции, японские ученые трактуют метисационную концепцию, американские и российские ученые развивают миграционную и метисационную концепции. Научные тексты, основанные на миграционной,

метисационной и автохтонной теориях и концепциях детерминируют и санкционируют выбор стратегии аккультурации – интеграции.

Освоение социокультурных практик позволяет человеку активно включаться в систему социальных коммуникаций, наращивать и реализовывать свой потенциал. Результатом стратегии аккультурации корейцев становится формирование их идентичностей. Сохраняя и принимая гражданскую идентичность и идентифицируя себя с гражданами той страны, где проживают, корейцы вместе с тем культивируют этнокультурные ценности своего народа. Наблюдается подъем национального самосознания американских, китайских, российских корейцев. Критериями успешной аккультурации являются выявленные нами социокультурные практики, ставшие репертуарным набором аккультурации: толерантность, гибкость, обогащение.

Корейцы нацелены на успешную аккультурацию в принимающем обществе, отдают предпочтения статусным позициям (образованию, карьерному росту, успешной социализации). Социокультурные практики совмещения идентичностей в условиях доминирующей культуры способствуют самореализации и самовыражению личности. В сохранении этнокультурной идентичности корейцев особую роль выполняют центры изучения корейского языка и культуры в мире, институты им. короля Сечжона, реализация образовательных и исследовательских программ.

На основе использования биографического метода выявлены общие закономерности стратегии аккультурации корейцев: жизненные стратегии, ориентированные на успех. Стратегия интеграции реализуется с помощью таких черт как напористость, психологическая гибкость, тяга к качественному образованию, терпимость, толерантность, неконфликтный характер, стремление к достижению высокого статуса в доминирующем обществе. В диссертации выделены факторы, ведущие к успешной реализации стратегий. Это эффективная реализация целей через глубокое

понимание доминирующего общества и объективную оценку собственных ресурсов и способностей (использование сильных сторон и защита слабых сторон), своевременное реагирование на изменения в доминирующем обществе. Показателями аккультурации являются выявленные нами социокультурные практики, ставшие репертуарным набором действий процессов аккультурации: толерантности, гибкости, обогащения.

Библиографический список

Источники на русском языке

1. «Хоу Хань шу»
2. Китайская летопись «Самгук саги». В переводе М.Н. Пака. Первый, том в электронном архиве. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/index1.phtml?id=2314
3. Китайская летопись «Самгук саги». В переводе М.Н. Пака. Второй том в электронном архиве. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/index2.phtml?id=2315
4. Китайская летопись «Самгук саги». В переводе М.Н. Пака. Третий том в электронном архиве. – Режим доступа:

электронном архиве. – Режим доступа: <http://sillok.history.go.kr>

13. 조호진. 아시안 게놈 로드' 프로젝트//조선비즈. Чжо Хо Чжин. Азиатский геном проект // Чосон биз. – Режим доступа: <http://biz.chosun.com/site/data>
14. 대한민국 외교통상부 블로그. Блог МИД Республики Корея - режим доступа: www.blog.daum.net/ilovemofat
15. 이기환. 경향신문 인터넷. 한민족의 뿌리를 찾아서. И Ги Хван. Корень корейского народа №33. (Ежедневная газета Кёнхьянг). - Режим доступа: <http://news.khan.co.kr/>
16. 재외동포신문 (Газеты зарубежных корейцев).- Режим доступа: <http://www.dongponews.net/news/article>

Литература на русском языке

17. Абаев Н. В. Идентичность «Танну-Урянхая» и «Урянхайская проблема» // Вестник Института исследования Когурё, том 18, Республика Корея, 2004. – С. 743-795.
18. Абаев Н.В. О некоторых этимологических связях между этнопонимами Эргунэ Хун, Эргенекон и Урянхай / Н. В. Абаев // Вестник Чонбукского университета. – Республика Корея, 2011. – С. 73-86.
19. Абаев Н. В. Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии // Н. В. Абаев, У. П. Опей-оол. – Кызыл, 2009. – 144 с.
20. Абаева Л. Л. Буряты / Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – 633 с.

21. Абаева Л. Л. Экологическая культура в контексте архаичных верований и шаманских традиций / Л. Л. Абаева. – Научное издание «Буряты». М. : Наука, 2004. – 480 с.
22. Абаева Л. Л. Этнокультурные истоки этнической идентификации монгольских народов / Л. Л. Абаева // Сборник материалов «Власть», М., 2009. – С. 94-96.
23. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1989. – 445 с.
24. Алкин С. В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии / С. В. Алкин. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 168 с.
25. Астафьева О.Н. Философские проблемы биологии и медицины / О.Н. Астафьева. – Выпуск 2 : Междисциплинарные аспекты биомедицины. М., 2008. С. 38-41.
26. Бадмаев Т. Хори - это те же кори: Баир Дашибалов приводит доказательства родства бурят и корейцев / Т. Бадмаев // Информ Полис. – 2002. №13. – С. 8.
27. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма (книга 2) / Б. Д. Базаров. – Улан-Удэ, 2000. – 208 с.
28. Балданова Д. В. Данные мифологии, антропологии и археологии, как ценный источник сведений о происхождении корейского народа Д. В. Балданова // Современный социум: проблемы и перспективы. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 132-135.
29. Балданова Д. В. К постановке проблемы этногенеза корейского народа / Д. В. Балданова // Вестн. Бурят. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ, 2009. – вып. 6. – С. 255-258.
30. Балданова Д. В. Этнографические и археологические реалии Корейского полуострова / Д. В. Балданова // Кочевые цивилизации и страны

Дальнего Востока: диалог культур: сб. материалов по итогам междунар. симп. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2011 . – С. 93-96.

31. Басаева К. Д. Современные этнические процессы у бурят / К. Д. Басаева, Д. Д. Нимаев // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. – М., 1985. – С. 11-29.
32. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1981. – 135 с.
33. Баторова Д. Раскрыта тайная история бурят. О книге, которую невозможно не дочитать / Д. Баторова // Бурятия7. – 2012. №2 (553). – С. 7.
34. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М.; Л., 1950. – Ч. 1. – 480 с.
35. Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса / Ю. В. Бромлей // Природа, М., 1970. – №2. – С. 51-55.
36. Бромлей Ю. В. Этнография / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова / М. : Высш. Школа, 1982. – 320 с.
37. Бураев А. И. К вопросу о происхождении хунну / А. И. Бураев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5-9 сентября 2012 г.). – Улан-Батор. – С. 186-191.
38. Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк) / Ю. М. Бутин. – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.
39. Бутин Ю. М. К проблеме происхождения корейцев и маньчжур / Ю. М. Бутин // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск, 1984. – С. 38-55.
40. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII - начало XX в.) / Г. М. Василевич. - Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. – 1969. – 303 с.

41. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах / В. П. Васильев. – СПб., 1857. – 235 с.
42. Воробьев М. В. Древняя Корея: Историко-археологический очерк / М. В. Воробьев. – М. : Изд-во вост. лит., 1961. – 147 с.
43. Воробьев М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно) / М. В. Воробьев. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 408 с.
44. Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир / М. В. Воробьев. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1997. – 428 с.
45. Гоголев А. И. Этническая история народов Зарубежной Евразии: Эпоха древности и раннего Средневековья : учебное пособие / А. И. Гоголев. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988. – 74 с.
46. Гробница короля Тангуна [Электронный ресурс] / Нэнара. – Режим доступа : <http://www.dprk.ru/cult/hismon/08.htm> (27 нояб. 2010).
47. Гумилев Л. Н. История народа хунну. Кн. 1 / Л. Н. Гумилев. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 404 с.
48. Гумилев Л. Н. История народа хунну. Кн. 2 / Л. Н. Гумилев. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 437 с.
49. Гумилев Л. Н. О термине «этнос» [Электронный ресурс] / Л.Н. Гумилев. – Режим доступа : <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article84.htm> (17 февр. 2009).
50. Гумилев. Л. Н. Этногенез и этносфера [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилев. – Режим доступа : <http://www.rulit.net/books/etnogenez-i-etnosfera-read-180868-1.html> (26 февр. 2009).
51. Гуревич П. С. Культурология: учебное пособие / П. С. Гуревич. – М. : Логос, 1996. – 520 с.
52. Дамбуева И. К. Изучение генетического разнообразия бурят как один из

- подходов к проблеме взаимоотношений народов центральной Азии / И. К. Дамбуева // Матриалы научной конференции «Цыбиковские чтения-7». – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – с.53.
53. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.
54. Дашибалов Б. Б. Монголо-маньчжуро-корейский центр активности в истории центральноазиатских народов / Б. Б. Дашибалов // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. – Улан-Удэ, 1999. – С. 423-433.
55. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.
56. Дашибалов Б. Б. Значение хунну в евразийской истории / Б. Б. Дашибалов // Этносоциальные процессы во Внутренней Азии. – Семипалатинск : Науч-изд. Центр СГУ, 2008. – С. 259-263.
57. Дашибалов Б. Б. Об этнонимах хори и корейцы / Б. Б. Дашибалов // Вестн. Бурят. ун-та. Востоковедение. –Улан-Удэ, 2009. – вып. 8. – С. 140-141.
58. Дашибалов Б. Б. Солярные символы в археологии Бурятии и Кореи / Б. Б. Дашибалов // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий. – Улан-Удэ, 2007. – С. 166-171.
59. Дашибалов Б. Б. Хунну и сяньби в сложении культуры хори-монголов / Б. Б. Б. Дашибалов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – Вып. 4. – С. 191-195.
60. Дашибалов Э. Б. Древние и ранние монголоязычные народы и их связи с населением Маньчжурии и Корейского полуострова : дис. канд. ист. наук : 07.00.03 / Э. Б. Дашибалов ; . – Улан-Удэ, 2011. – 139 с.

61. Дашибалов Э. Б. Письменные и археологические источники о древних монголах / Э. Б. Дашибалов // Вестн. Бурят. ун-та. Востоковедение. – Улан-Удэ, 2008. – вып. 8. – С. 159-161.
62. Джарылгасинова Р. Ш. Календарные обряды и обычаи народов Восточной Азии / Р. Ш. Джарылгасинова. – М. : Наука, 1989. – 360 с.
63. Джарылгасинова Р. Ш. Когурёсцы и их роль в сложении корейской народности / Р. Ш. Джарылгасинова // Советская этнография. – 1960. – № 5. – С. 42-57.
64. Джарылгасинова Р. Ш. Этноним когурё / Р. Ш. Джарылгасинова // Этнонимы. – М. : Наука, 1970. – С. 78-85.
65. Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана») / Р. Ш. Джарылгасинова. – М. : Первое марта, 2010. – Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем». – Т.8. – 252 с.
66. Доржу Ч. М. Генетические связи тувинцев с американскими индейцами [Электронный ресурс] / Ч. М. Доржу, И. А. Захаров, У. Н. Ондар // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Кызыл, 2002. - Вып. XIX. - с.126-130. Режим доступа : <http://www.kyrgyz.ru/?page=295> (21 янв. 2010).
67. Древние государства Пуё, Курё и Чинкук. История Кореи: XV-III века до н.э. [Электронный ресурс] // Нэнара.– Режим доступа : <http://www.dprk.ru/cult/hist/b15.htm> (31 март. 2011).
68. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика / Н. Л. Жуковская. – М. : Вост. лит., 2002. – 247 с.
69. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят / Б. Р. Зориктуев. – М. : Вост. Лит., 2011. – 278 с.
70. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XIII вв. / Б. Р. Зориктуев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 84 с.

71. Зубов А. А. К выделению новой области в системе антропологии (принципы этнической одонтологии) [Электронный ресурс] / Вопросы общей этнографии и антропологии. Режим доступа : <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q> (20 апр. 2010).
72. Иванов А. Ю. Социокультурное взаимодействие двух ветвей дальневосточной цивилизации – Кореи и Японии, III в. до н.э. – начало XVII в.: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Ю. Иванов ; РАН ДВО. – Владивосток, 2003. – 24 с.
73. Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.) / Ю. В. Ионова. – М. : Наука, 1982. – 232 с.
74. Итс Р. Ф. Введение в этнографию: учебное пособие / Р. Ф. Итс. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 168 с.
75. Ким Бусик. Самгук Саги («Исторические записи трех государств») [Электронный ресурс] / Бусик Ким, пер. М. Н. Пака. – Т. 1. – Режим доступа : <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/korea.html> (27 апр. 2009).
76. Ким Бусик. Самгук Саги («Исторические записи трех государств»). Комментарии [Электронный ресурс] / Бусик Ким, пер. М. Н. Пака. – Режим доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/Tom_II/primtext13.phtml (27 апр. 2009).
77. Ким Ир Сен и Ким Чен Ир. Идеология чучхе [Электронный ресурс] / Северная Корея от А до Я. – Режим доступа: http://world.kbs.co.kr/russian/event/nkorea_nuclear/general_04b.htm (15 нояб. 2010).
78. Ким Ю Чхор. Основание государства Когурё и король Тонмён [Электронный ресурс] / Ю Чхор Ким. – Режим доступа : <http://www.dprk.ru/cult/hist/b04.htm> (27 нояб. 2010).

79. Козлов В. И. О понятии этнической общности / В. И. Козлов // Советская этнография. – 1967. – № 2. – с.26.
80. Коновалов П. Б. Две ветви монгольского этногенеза / П. Б. Коновалов // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5-12 августа 2002): Докл. рос. делегации. – М., 2002.
81. Концевич Л. Р. Корееведение. Избранные работы / Л. Р. Концевич. – М. : Изд. Муравей-гайд, 2001. – 640 с.
82. Концевич Л. Р. Чумон [Электронный ресурс] / Л.Р. Концевич. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/4436/%D0%A7%D0%A3%D0%9C%D0%9E%D0%9D (19 апр. 2009).
83. Концевич Л. Р. Тонмён [Электронный ресурс] / Л. Р. Концевич. – Режим доступа: <http://esseclub.narod.ru/Myths18/Tonmjon.html> (19 апр. 2009).
84. Крюков М. В. Древний Китай: проблемы этногенеза / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. – М. : Наука, 1978. – 327 с.
85. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 680 с.
86. Кызласов Л. Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) / Л. Р. Кызласов // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск, 1975. – С. 170-177.
87. Кычанов Е. И. Монголы в VI–первой половине XII в. / Е. И. Кычанов // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – С. 136-148.
88. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н. В. Кюннер. – М. : Вост. лит., 1961. – 491 с.
89. Лаптев С. В. Неолитические слои стоянки Пхёдэ и новый материал по периоду неолита бассейна реки Тэдонган, Корейская Народно-Демократическая Республика / С. В. Лаптев // Древние культуры

- Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, Изд-во Монг. ун-та, 2010. – Вып. 3. – С. 55-61.
90. Ларичев В. Е. Основные этапы эволюции неолита Кореи (по материалам новых исследований в КНДР) / В. Е. Ларичев // Известия Сибирского отделения академии наук СССР. – Новосибирск, 1977. – Вып. 1, № 1. – С. 115.
91. Лебедева, Н. М. Социальная психология аккультурации этнических групп [Электронный ресурс] / Н.М. Лебедева: Автореф. дис. на соиск. учен. степ, д-ра психол. наук. 19.00.05 М., 1997. С. 54-57. – Режим доступа : <http://diss.rsl.ru>.
92. Лебедева Н.М. сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае [Электронный ресурс] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко // – Режим доступа : http://www.hse.ru/data/2010/03/27/1217654109/Lebedeva,Tatarko_AnalyzeInteractStrateges.pdf
93. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока / М. Г. Левин. - М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 358 с.
94. Михайлов Т. М. Пантеон шаманской мифологии // Научное издание «Буряты». М. : Изд. Наука, 2004. – 352 с.
95. Михайлов Т. М. Шаманская практика // Научное издание «Буряты». М. : Наука, 2004. – 371 с.
96. Нанзатов Б. З. К этногенезу бурят по материалам этнонимии [Электронный ресурс] / Б. З. Нанзатов. – Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/?page=230> (24 мая. 2010).
97. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история / Д. Д. Нимаев. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000. – 190 с.
98. Окладников А. П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) / А. П. Окладников // Сов. этнография. – 1950. – № 2. – С. 36-52.

99. Окладников А. П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии / А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 2003. – 664 с.
100. Павлов Е.В. Семантика хоринского этногонического мифа к этимологии этнонима «хор» // Угай зам, 2011. № 32. – С.11-12.
101. Пак М. Н. Описание корейских племен в начале новой эры (по «Сань-го чжи») / М. Н. Пак // Проблемы востоковедения. – 1961. – № 1. – С. 115-138.
102. Пан Мин Кю. Проблема происхождения населения Корейского полуострова (по данным антропологии) / Пан Мин Кю, В. Ю. Бахолдина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 154-159.
103. Пан Мин Кю. Проблема происхождения населения Корейского полуострова по данным одонтологии : дис. канд. биол. наук : 03.00.14 / Пан Мин Кю ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 188 с.
104. Петров Л. А. Воссоздание героического прошлого (1): чучхе в современной корейской историографии [Электронный ресурс] / Л.А. Петров. – Режим доступа : http://north-korea.tripod.com/juche_russian.htm (30 августа 2009).
105. Петров Л. А. Воссоздание героического прошлого (2): современная историография КНДР и древнее государство Когурё [Электронный ресурс] / Л.А. Петров. – Режим доступа : http://www.north-korea.narod.ru/koguryo_russian.htm (30 августа 2009).
106. Рандалов Ю. Б. Этносоциальные и этнополитические процессы в среде бурятского народа // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – С. 568-577.
107. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. – 265 с.
108. Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 318 с.

109. Стоякин М.А. Форт – новый тип оборонительного памятника периода Когурё на территории Республики Корея / М.А. Стоякин // Вестник НГУ. – 2010. – том 9, вып. 3. С.151-160.
110. Сумьябаатар Б. Монгол солонгос туургатны угсаа гарал, хэлний холбооны асуудалд (К вопросу об этно-лингвистических взаимоотношениях предков монголов и корейцев) / Б. Сумьябаатар. - Улаанбаатар, 1975. – 228 с.
111. Тихонов В. М. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1876 года / В. М. Тихонов. – М.: Муравей, 2003. – 461 с.
112. Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры: учеб. пособие. / И. А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 236 с.
113. Ултургашева В. С. Чосон. Первое государство Кореи [Электронный ресурс] / В. С. Ултургашева. – Режим доступа : <http://vestnik.tripod.com/library/ulturgasheva-3.html> (25 нояб. 2010).
114. Уорд К. Азбука аккультурации / К. Уорд // Психология и культура / Ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. С. 656-696.
115. Ушницкий В. В. Проблема этногенеза Саха и Баргуджин-тукум XIII в. / В. В. Ушницкий // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, Изд-во Монг. ун-та, 2010. – Вып. 3. – С. 532-540.
116. Цыбиктаров А. Д. Особенности исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке (середина II – середина I тыс. до н.э.) / А. Д. Цыбиктаров // Вестн. Бурят. ун-та. История. – Улан-Удэ, 2012. – Вып. 7. – С.
117. Хегай И.А. Корейцы России: история и современность // Корейцы в России. Иркутск, 1994. С. 16-21.
118. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят / Ц. Б. Цыдендамбаев Улан-Удэ, 2001. – 256 с.

119. Чой Гихо. Зуун монголын халхын голос чу му ханы хулбунбуёо улс байгуулагдсан / Гихо Чой // Улаанбаатар дээд сургуулийн эрдэм шинжилгээний баг буйр нуур, дарьгангын нутгаар. – Улаанбаатар хот. – 2012. – С. 53-63
120. Чучхе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%83%D1%87%D1%85%D0%B5> (15 нояб. 2010).
121. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. Том 1 [Электронный ресурс] / Л. И. Шренк. – Режим доступа : <http://www.biblioclub.ru/book/69596/> (20 февр. 2010).
122. Штефан Е. Новости науки: предками корейцев были китайцы, а не «алтайские» народы [Электронный ресурс] / Е. Штефан // Сеульский вестник. – 2004. – Режим доступа : <http://vestnik.kr/science/1384.html> (23 апр. 2009).
123. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – 225 с.
124. 1000-летняя история государства Когурё [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dprk.ru/cult/hist/b03.htm> (27 нояб. 2010).
- На иностранных языках:
125. A brief exploration of the Altaic hypothesis [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://linguistics.byu.edu/classes/ling450ch/reports/altaic.htm> (25 мар. 2011).
126. Abaev N.V. Concerning the ethnic and cultural relationships between Ancient Korea and Shaan-Altai people // 高句丽研究 , 第 18 辑 , 2004. P.796-807.
127. Bae Kidong. Radiocarbon dates from palaeolithic sites in Korea [Электронный ресурс] / Kidong Bae. – Режим доступа : <https://journals.uair.arizona.edu/index.php/radiocarbon/article/view/4119/3544> (15 янв. 2011).

128. Bale Martin T. The archaeology of early agriculture in Korea: an update on recent developments [Электронный ресурс] / Martin T. Bale // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. – P. 63-84. – Режим доступа : http://www.academia.edu/798599/The_archaeology_of_early_agriculture_in_the_Korean_peninsula_an_update_on_recent_developments (27 апр. 2011).
129. Bale Martin T. Craft production and social change in Mumun pottery period Korea [Электронный ресурс] / Martin T. Bale, Min-jung Ko // Asian Perspectives. – Режим доступа : [http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=100.%09Bale%2C+Martin+T+and+Min-jung+Ko+\(2006\)+Craft+Production+and+Social+Change+in+Mumun+Period+Korea&source=web&cd=1&ved=0CCAQFjAA&url=http%3A%2F%2Fscholarspace.manoa.hawaii.edu%2Fbitstream%2Fhandle%2F10125%2F17250%2FAP-v45n2-159-187.pdf%3Fsequence%3D1&ei=uaiYUJ_mJcHx4QTW4oGIAQ&usg=AFQjCNFqtHft98t3335vQwSIDFk42Cilbw&cad=rjt](http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=100.%09Bale%2C+Martin+T+and+Min-jung+Ko+(2006)+Craft+Production+and+Social+Change+in+Mumun+Period+Korea&source=web&cd=1&ved=0CCAQFjAA&url=http%3A%2F%2Fscholarspace.manoa.hawaii.edu%2Fbitstream%2Fhandle%2F10125%2F17250%2FAP-v45n2-159-187.pdf%3Fsequence%3D1&ei=uaiYUJ_mJcHx4QTW4oGIAQ&usg=AFQjCNFqtHft98t3335vQwSIDFk42Cilbw&cad=rjt) (27 авг. 2010).
130. Beck Sanderson. Korea to 1800 [Электронный ресурс] / Sanderson Beck. – 2005. – Режим доступа : <http://www.san.beck.org/3-10-Koreato1875.html> (03 сент. 2011).
131. Berry, J.W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim, T. Minde, D. Mok // International migration review, 1987. Vol. 21 №3, p. 491-511.
132. Chu Che Hyek. 주채혁블로그 (блог корейского ученого Чу Че Хёка) // [Электронный ресурс] / Chu Che Hyek. – Режим доступа: <http://blog.daum.net/chuchaehyok/15>
133. Chu Che Hyek. 주채혁블로그 (блог корейского ученого Чу Че Хёка) // [Электронный ресурс] / Chu Che Hyek. – Режим доступа: <http://blog.daum.net/chuchaehyok/229>

134. Chu Che Nyek. 주채혁블로그 (блог корейского ученого Чу Че Хёка) // [Электронный ресурс] / Chu Che Nyek. – Режим доступа: <http://blog.daum.net/chuchaehyok/228>
135. Chu Che Nyek. 주채혁블로그 (блог корейского ученого Чу Че Хёка) // [Электронный ресурс] / Chu Che Nyek. – Режим доступа: <http://blog.daum.net/chuchaehyok/227>
136. Chu Che Nyek. 주채혁블로그 (блог корейского ученого Чу Че Хёка) // [Электронный ресурс] / Chu Che Nyek. – Режим доступа: <http://blog.daum.net/chuchaehyok/213>
137. Chu Che Nyek. 주채혁블로그 (блог корейского ученого Чу Че Хёка) // [Электронный ресурс] / Chu Che Nyek. – Режим доступа: <http://blog.daum.net/chuchaehyok/211>
138. Dyakova O. V. The Tungus-Manchus: an ethnic history and ethnic genesis / O. V. Dyakova // Ancient cultures of Mongolia and Baikalian Siberia, Ulaanbaatar, NUM Printing Department, 2010. – Vol 3. – P. 515-519.
139. Elena B. Starikovskaya, Rem I. Sukernik, Olga A. Derbeneva, Natalia V. Volodko, Eduardo Ruiz-Pesini, Antonio Torroni, Michael D. Brown, Marie T. Lott, Seyed H. Hosseini, Kirsi Huoponen and Douglas C. Wallace. Mitochondrial DNA Diversity in Indigenous Populations of the Southern Extent of Siberia, and the Origins of Native American Haplogroups // Annals of Human Genetics. University College London, 2005. – P. 67–89.
140. Glazer N. Ethnicity: Theory and Experience / N. Glazer, D. Moynihan ; Cambridge Mass. : Harvard Univ. Press, 1975. – 537 p.
141. Gochang, Hwasun and Ganghwa dolmen sites [Электронный ресурс] / UNESCO World Heritage Centre. – Режим доступа : <http://whc.unesco.org/en/list/977> (27 нояб. 2010).

142. Gordon, M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. Oxford University Press, New York. 1964.
143. Han Kyung-Koo. Korean anthropology: contemporary Korean culture in flux / Anthology of Korean studies, Volume III. – 2007. – 657 p.
144. Ilyon. Samguk Yusa: legends and history of Three Kingdoms of ancient Korea / Ilyon. – Seoul : Silk pagoda, 2006. – 376 p.
145. Nahm C. Andrew. Introduction to Korean history and culture / Andrew C. Nahm. – Seoul : Hollym corporation, 2006. – 391 p.
146. Forsyth James. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581-1990 / James Forsyth. – Cambridge University Press, 1994. – 476 p.
147. Kim Un Taek. Koguryo was a powerful nation which inherited ancient Korea and passed over its orthodox to the following generations / Kim Un Taek // International symposium in commemoration of the 65th anniversary of the foundation of Kim Il Sung university. – Pyongyang, DPR Korea. – 2011. – P. 29-33.
148. Lee Ki-moon. Mongolian Loan-words in Korean / Ki-moon Lee // Altai hakpo. – Seoul, 1991. – P. 35-44.
149. Lee Wha Rang. The Koryo-Mongol allied invasion of Japan. The myth of kamikaze / Wha Rang Lee [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://www.theepochtimes.com/news/4-6-11/21911.html> (04 фев. 2009).
150. Lee Wha Rang. The origin of the Korean People: who are the Koreans? / Wha Rang Lee [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://duckbutt622.xanga.com/646725889/the-origin-of-the-korean-people-who-are-the-koreans/> (24 янв. 2009).
151. North Korea – a country study [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.country-data.com/frd/cs/kptoc.html#kp0014> (15 апр. 2010).

152. Pai Hyung Il. Constructing “Korean” origins: a critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories. / Hyung Il Pai. – USA : The Harvard University Asia Center, 2000. – 543 p.
153. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*, Vol. 38, No. 1, 149—152.
154. Reindeer nomadic origin of Chosun and Koguryo and the problem of the split of Qalqa tribe into Mongolian and Korean tribes. Chu Chae Hyok.
155. San-Bok Han. My fieldwork experience in Korea and knowledge formation about Korean people, society and culture during the last half-century. P. 528-534. *Material Asia: objects, technologies and rethinking success*. Korea, Jeonju, 2011.
156. Seth J. M. A history of Korea: from antiquity to the present [Электронный ресурс] / Michael J. Seth. – Режим доступа : http://softarchive.net/blogs/languages4-u/a_history_of_korea_from_antiquity_to_the_present.814484.html (19 окт. 2010)
157. Shin Gi-Wook. Ethnic nationalism in Korea: genealogy, politics, and legacy (Studies of the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific research center) / Gi-Wook Shin. – Режим доступа : <http://helaread.blog.com/2012/08/29/download-ethnic-nationalism-in-korea-genealogy-politics-and-legacy-studies-of-the-walter-h-shorenstein-asia-pacific-research-center-e-book/> (17 дек. 2011).
158. Tjai M. Nielsen. Why diasporas invest in the homeland: a conceptual model of motivation [Электронный ресурс] / Nielsen M. Tjai, Liesl Riddle. – Режим доступа : <http://business.gwu.edu/wp-content/uploads/2014/08/Why-Diasporas-Invest-in-the-Homeland-A-Conceptual-Model-of-Motivation-CIBER.pdf> (23 янв. 2013).
159. Ward C. Acculturation and adaptation revisited [Электронный ресурс] / Colleen Ward, Arzu Rana-Deuba // *Journal of cross-cultural psychology*, 1999. Vol.30, № 4, p. 422-442.

160. Ward C. Thinking outside the Berry boxes: new perspectives on identity, acculturation and intercultural relations / Colleen Ward // International Journal of Intercultural Relations, 2008. №32, p. 114-123.
161. Байкал, в поисках корейских корней. Чон Чэ Сун. (на корейском языке)
162. 이흥규. 한민족과 바이칼. 바이칼, 한민족의 시원을 찾아서. 정신세계사. 2003. P. 203-240.
- И Хонг Гю. Корейцы и Байкал // Этногенез корейцев и Байкал. – Сеул: Изд-во Духовный мир, 2003. – С. 203-240.
163. 정재겸 2001.부리아트 족의 전통과 문화 『일만년 거래 얼을 찾아서-봉우 국학 제 2 집-』 정신세계사. P. 70-100.
- Чжонг Чже Гем. Традиции и культура бурят. Десять тысяч лет корням корейской нации. Сеул: Изд-во Духовный мир, 2001. - с.70-100.
164. 주채혁. 지금 우리에게 바이칼이란? // 바이칼 한민족의 시원을 찾아서. 정신세계사. 2003. P. 179-199.
- Чжу Че Хек. Что значит Байкал для нас // Этногенез корейцев и Байкал. – Сеул: Изд-во Духовный мир, 2003. – С. 179-199.
165. 이흥규 외, 《바이칼에서 찾는 우리민족의 기원》 (, 정신세계원, 2005).
- И Хонг Гю. Поиски происхождения нашего народа на Байкале. – Сеул: Изд-во Новый мир, 2005.
166. 이형구, 한국고대문화의 기원, 1991, 까치, -255 페이지.
- И Хон Гю. Истоки происхождения древней культуры Кореи. – Сеул, 1991. – 255 с.
167. 김상천, 고조선 과 고구려 역사 를 다시 본다, 주류성, 2003 - 351 페이지
- Ким Сам Чон. Обзор истории Кочосон и Когурё. – Изд-во Чурёсон, 2003. – 351 с.

168. 세상구경 (Смотреть на мир). [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
<http://jycha2004.blog.segye.com/tag/바이칼호> (17 апр. 2010).
169. 몽골의 한국인의사 부부 전의철-김광신 씨 [Электронный ресурс]. –
 Режим доступа : <http://jycha2004.blog.segye.com/tag/몽골> (17 апр. 2010).
170. 高句丽民族与国家的形成和演变。
171. 朝鲜族的起源。韩国民族起源形式。(上\下)。
172. 东明 – 朱蒙是民族败类 [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
http://blog.sina.com.cn/s/blog_7ca7be410100u83r.html (10 янв. 2009).
173. 魏志江. 中国学术界关于“高丽史”的研究:回顾与展望 / 魏志江 //
 International symposium in commemoration of the 65th anniversary of the
 foundation of Kim Il Sung university. – Pyongyang, DPR Korea. – 2011. – P.
 67-71.
174. 朝鲜古代神话略考, 附: 东明王神话、韩国宗教概况 / 李南
 [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
<http://bbs.chinanews.com/thread-3267156-1-1.html> (10 янв. 2009).
175. 朱蒙神话 (朝鲜族) [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
<http://www.mythschina.com/thread-126-1-1.html> (10 янв. 2009).
176. 从朱蒙神话看高句丽民族多元文化因子[Электронный ресурс]. – Режим
 доступа :
<http://www.sdwenxue.org/news/zxyd/xueyu/2010716/107169692126.html>
 (10 янв. 2009).
177. 백두산 (白头山) [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
<http://100.daum.net/encyclopedia/view.do?docid=b09b0712b> (20 янв. 2010).

178. 고조선 (古朝鮮) [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
<http://100.naver.com/100.php?id=14543> (25 янв. 2011).
179. А. А. Маслов. Историография и источники по изучению культуры Кореи.
<http://kore-saram.ru/Articles/ArticleInfo.aspx?Id=c383861f-51cc-4987-bd4d-aefd1ec52f55>

Приложение

1. Таблицы

Таблица 1. Сравнительные данные по одонтологическим признакам

[Пан, 2009, с.12].

In_{cor}I¹		In_{cor}I²		In_{cor}^c	
Орочи	93,11	Ульчи	105,29	Австралийцы	113,10
Монголы	90,53	Монголы	102,98	Малайцы	112,00
Эвенки	89,53	Орочи	95,40	Монголы	110,31
Малайцы	89,20	Эвенки	94,42	Палеолит	109,44
Якуты	87,82	Палеолит	94,12	Шорцы	107,73
Эпоха трех гос-в	87,33	Эпоха трех гос-в	93,40	Ульчи	106,78
Прибайкалье, бронза	86,53	Соврем, корейцы	92,86	Соврем. корейцы	106,41
Прибайкалье, неолит	86,51	Малайцы	92,70	Эпоха Корё- Чосон	105,74
Соврем. Корейцы	85,71	Железо	91,47	Буряты	104,68
Эпоха Корё- Чосон	84,49	Китайцы	91,40	Эскимосы	103,90
Железо	84,15	Прибайкалье, бронза	89,27	Китайцы	103,70
Палеолит	83,95	Шорцы	88,68	Железо	102,32
Ульчи	83,68	Эпоха Корё- Чосон	87,85	Прибайкалье, бронза	101,22
Китайцы	82,50	Якуты	86,66	Хакасы	100,90
Буряты	78,66	Буряты	82,74	Эпоха трех гос-в	100,39
Неолит	60,30	Прибайкалье, неолит	78,74	Якуты	100,26
Хакасы		Неолит		Эвенки	99,36
Шорцы		Хакасы		Алеуты	98,70
Тувинцы		Тувинцы		Орочи	95,10
Австралийцы		Австралийцы		Прибайкалье, неолит	87,85
Эскимосы		Эскимосы		Неолит	

Алеуты		Алеуты		Тувинцы	
Японцы		Японцы		Японцы	
Индейцы Пекос		Индейцы пекос		Индейцы пекос	

Таблица 2. Сравнительные данные по одонтологическим признакам, продолжение [Пан, 2009, с.13].

In_{сog}M¹		In_{сog}M²		In_{сog}M³	
Австралийцы	124,70	Австралийцы	129,50	Железо	152,60
Эскимосы	122,20	Эскимосы	124,10	Австралийцы	146,50
Алеуты	113,80	Малайцы	123,90	Якуты	130,97
Якуты	113,59	Якуты	121,37	Малайцы	125,40
Эпоха трех гос-в	113,26	Хакасы	120,13	Монголы	123,81
Китайцы	111,80	Китайцы	118,70	Орочи	122,29
Малайцы	111,50	Соврем.корейцы	118,18	Эпоха трех гос-в	122,10
Палеолит	111,15	Алеуты	118,00	Китайцы	122,10
Эпоха Корё-Чосон	111,02	Эвенки	116,75	Эскимосы	120,20
Ульчи	110,00	Прибайкалье, бронза	115,74	Эвенки	117,97
Неолит	109,93	Эпоха Корё-Чосон	115,14	Эпоха Корё-Чосон	117,90
Соврем, корейцы	109,52	Орочи	115,03	Прибайкалье, неолит	116,85
Шорцы	108,91	Эпоха трех гос-в	113,96	Алеуты	116,80
Прибайкалье, бронза	108,85	Шорцы	113,43	Хакасы	112,80
Хакасы	108,82	Буряты	113,34	Буряты	111,98
Прибайкалье, неолит	108,36	Тувинцы	112,76	Шорцы	108,42
Тувинцы	107,84	Неолит	111,42	Тувинцы	107,66
Орочи	107,58	Прибайкалье, неолит	110,68	Прибайкалье, бронза	106,69
Эвенки	107,21	Ульчи	110,59	Ульчи	102,41

Монголы	106,93	Монголы	109,02	Палеолит	
Железо	104,04	Палеолит	103,59	Неолит	
Буряты	101,91	Железо		Соврем.корейцы	
Японцы		Японцы		Японцы	
Индейцы пекос		Индейцы пекос		Индейцы пекос	

Таблица 3. Сравнительные данные по одонтологическим признакам, продолжение [Пан, 2009, с.14].

$m_{\text{сog}}^M$		$sh I^1$		$red I^2$	
Австралийцы	11,75	Неолит	100	Соврем.корейцы	10,20
Алеуты	10,83	Железо	100	Хакасы	6,00
Эскимосы	10,75	Эпоха трех гос-в	100	Ульчи	5,00
Прибайкалье, бронза	10,62	Эпоха Корё-Чосон	100	Орочи	5,00
Индейцы пекос	10,56	Соврем.корейцы	100	Японцы	3,47
Прибайкалье, неолит	10,53	Алеуты	100	Тувинцы	2,50
Малайцы	10,48	Прибайкалье, неолит	94,70	Буряты	2,40
Китайцы	10,45	Прибайкалье, бронза	92,30	Шорцы	2,40
Эпоха Корё-Чосон	10,27	Эскимосы	89,65	Китайцы	2,00
Соврем.корейцы	10,26	Китайцы	89,60	Эвенки	1,40
Тувинцы	10,23	Индейцы некое	87,90	Монголы	0,40
Японцы	10,23	Японцы	86,43	Железо	0
Якуты	10,20	Монголы	85,00	Эпоха трех гос-в	0
Неолит	10,18	Якуты	83,60	Эпоха Корё-Чосон	0
Хакасы	10,17	Буряты	80,60	Прибайкалье, неолит	0
Палеолит	10,16	Тувинцы	64,70	Прибайкалье,бронза	0
Шорцы	10,12	Орочи	62,30	Австралийцы	0
Эпоха трех гос-в	10,04	Эвенки	61,50	Палеолит	
Эвенки	10,00	Ульчи	61,30	Неолит	

Ульчи	10,00	Палеолит	50.00	Якуты	
Буряты	9.85	Австралийцы	43.00	Малайцы	
Монголы	9,82	Хакасы	24,90	Эскимосы	
Железо	9,62	Шорцы	14.70	Алеуты	
Орочи	9,50	Малайцы		Индейцы пекос	

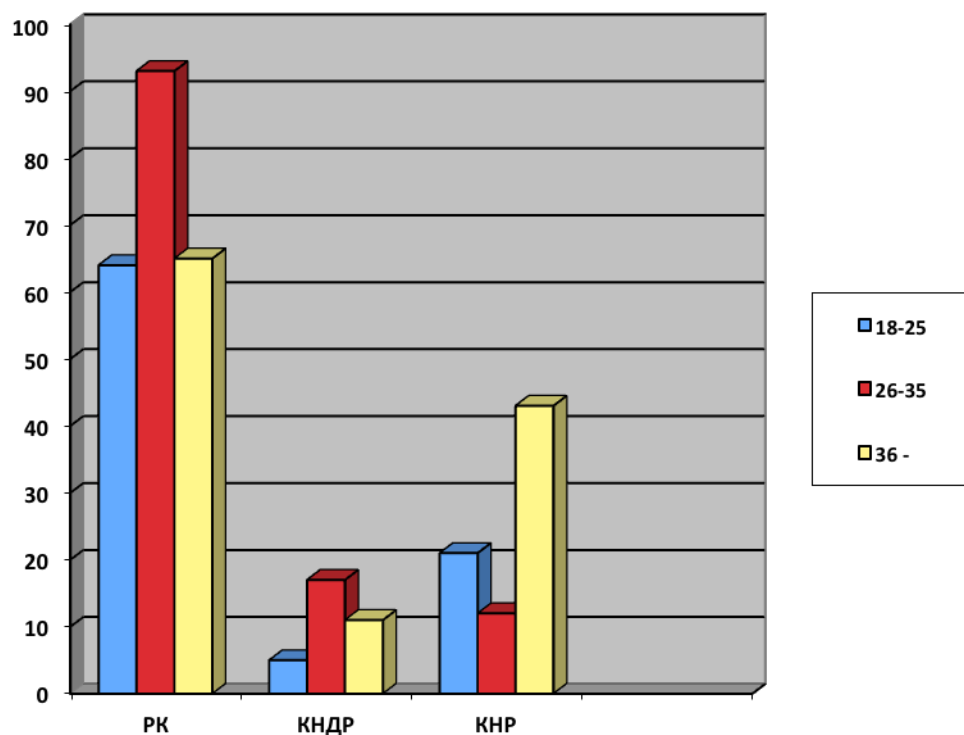
Таблица 4. Данные сравнительного изучения митохондриальных генофондов народов Центральной Азии [Захаров, 2002, с. 126-130].

Популяция	A	B	C	D	Сумма A-D	Европеоидные типы мтДНК
Хакасы	3,7	5,6	35,2	9,3	53,8	18,5
Шорцы	0	2,4	7,1	9,5	19,0	35,7
Тувинцы	5,6	14,0	36,1	16,7	72,4	5,6
Сойоты	8,8	2,9	17,6	50,0	79,3	5,9
Буряты	5,7	4,8	17,1	24,8	52,4	5,0
Монголы	4,8	9,7	14,0	20,0	48,5	Н/с ¹⁴
Сев. китайцы	10,0	25,0	5,0	5,0	45,0	Н/с
Тибетцы	11,1	5,6	3,7	16,7	37,1	Н/с
Корейцы	7,7	15,4	0	23,1	46,2	Н/с
Алтайцы	3,3	3,3	30,4	9,8	46,8	22,8

¹⁴ Н/с – нет сведений

Таблица 6. Возрастные группы

	РК	КНДР	КНР	Итого
От 18 до 25	64	5	21	90
От 26 до 35	93	17	12	122
От 36 и выше	65	11	43	119
Общее число	222	33	76	331

Итоги проведенного опроса (графики)**График 1. По возрастным группам**

1. В возрасте от 18 до 25, РК – 64 человека, КНДР – 5 человек, КНР – 21 человек
2. В возрасте от 26 до 35, РК – 93 человека, КНДР – 17 человек, КНР – 11 человек
3. В возрасте от 36 и выше, РК – 65 человек, КНДР – 11 человек, КНР – 43 человека

2. Рисунки

Рис. 1 Древности Кореи: 1, 3, 5 (по М. В. Воробьеву) и хори-монголов: 2,4,6 (по И.И. Кириллову и Дашибалову) [Дашибалов, 2005, с. 74].

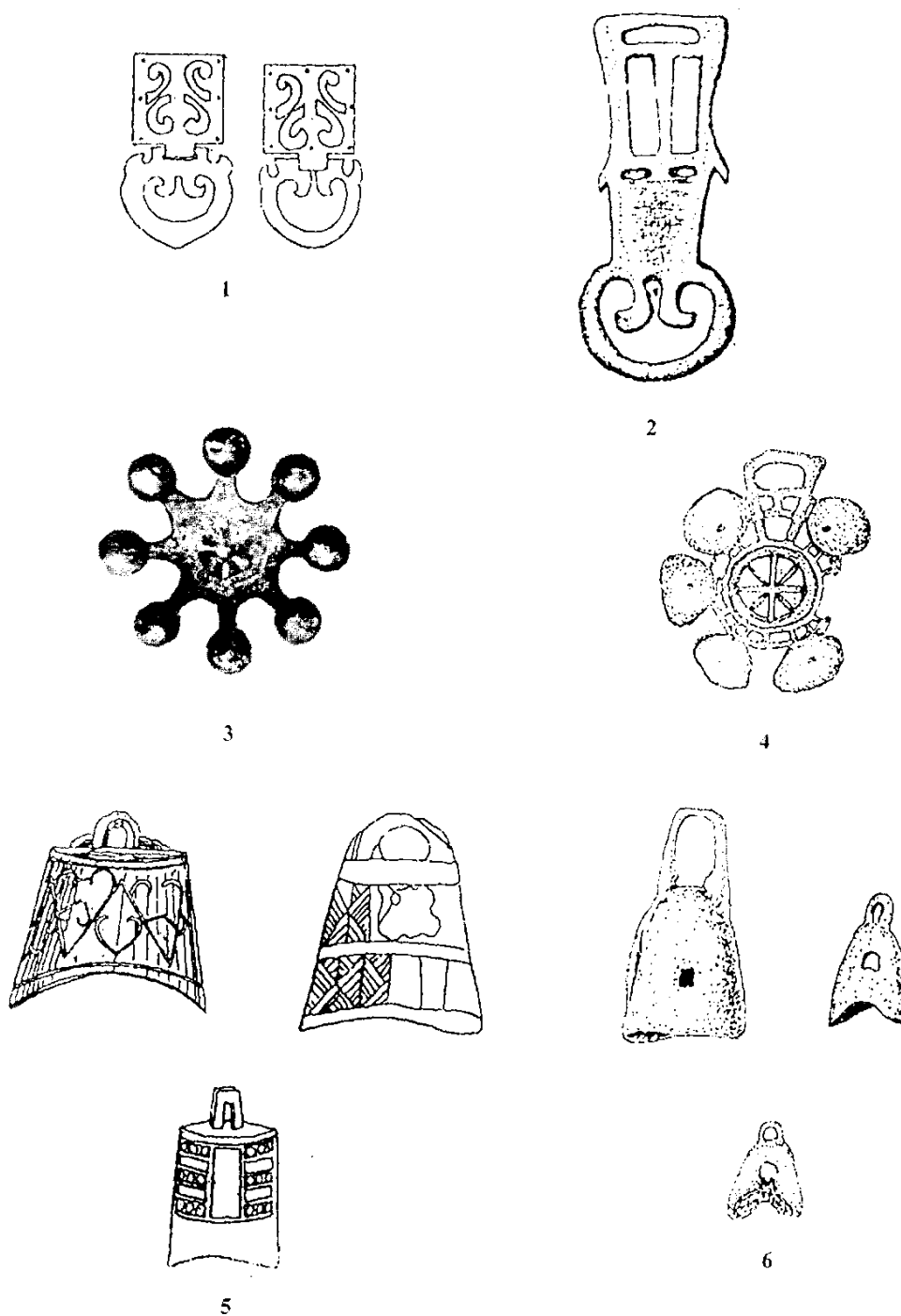


Рис. 2. Алтарь семьи У



Рис. 3. Мавзолей Тангуна (dprk.kr)



Рис. 4. [Дашибалов, 2005].

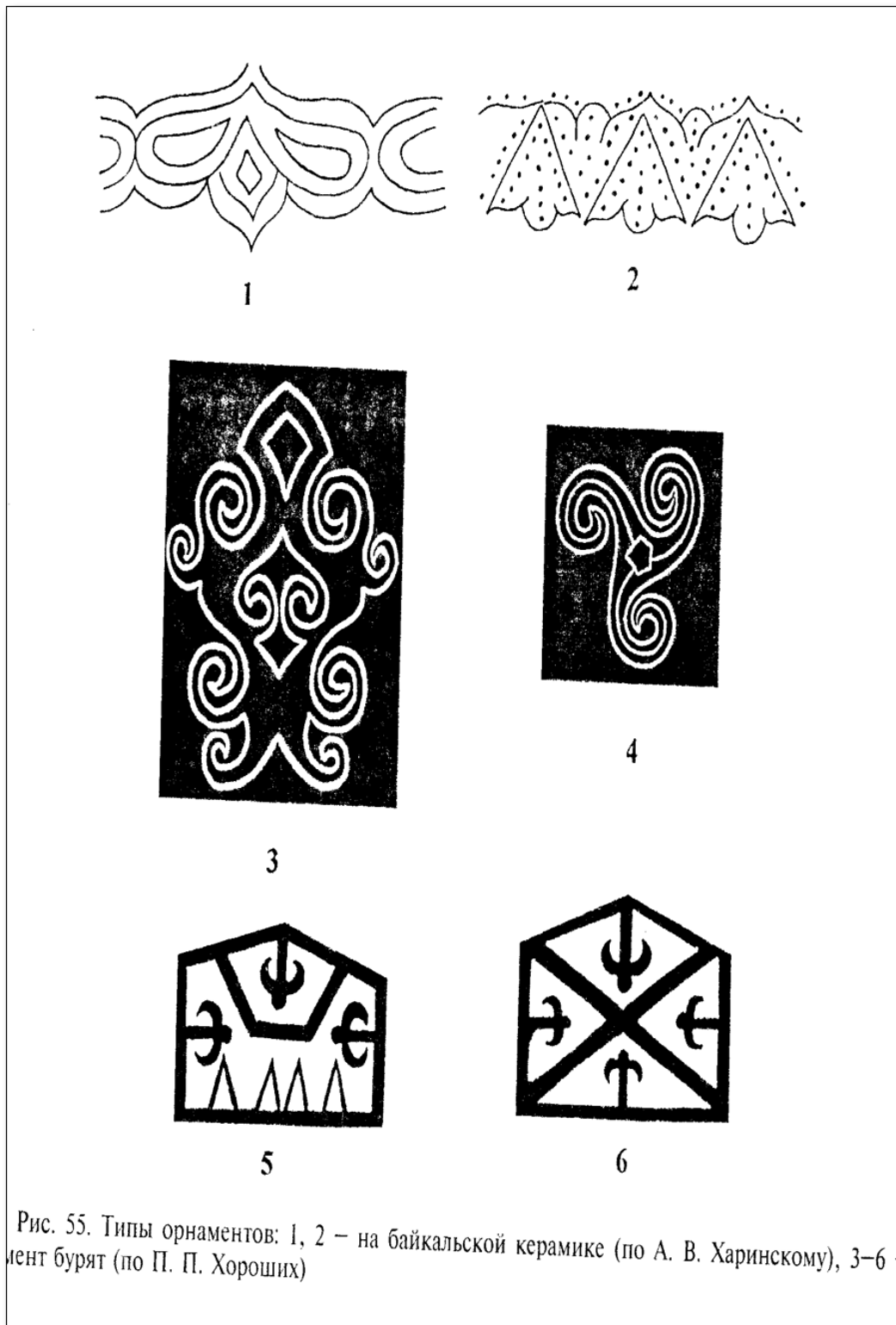


Рис. 55. Типы орнаментов: 1, 2 – на байкальской керамике (по А. В. Харинскому), 3–6 – орнамент бурят (по П. П. Хороших)